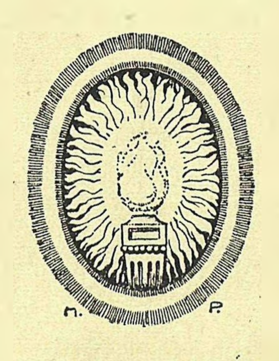
ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ.

Т. IV.

К-НИ-ВО·ПРОМЕТЕЙ·
Н·Н·МИХАЙЛОВА·

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ.

Т. IV.

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

КН-ВО «ПРОМЕТЕЙ»
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Изд. дѣла „Трудъ". Кавалергардская 40

ОГЛАВЛЕНIЕ

Стр.

* * *

Въ предисловіи къ книгѣ «Великія исканія» я говорилъ о двухъ писателяхъ, «жизнь которыхъ прошла какъ сплошное великое исканіе единой и вѣчной истины»,—о Виссаріонѣ Григорьевичѣ Бѣлинскомъ и Львѣ Николаевичѣ Толстомъ. Сопоставить эти два имени особенно умѣстно было именно въ наше время, когда нѣкоторые съ такимъ усердіемъ проповѣдуютъ мысль о какихъ-то двухъ разныхъ русскихъ «интеллигенціяхъ». В. Бѣлинскому была посвящена книга «Великія исканія»; о другомъ великомъ искателѣ, Львѣ Толстомъ, говорится въ настоящей книгѣ.

Книга эта—историко-литературный очеркъ (со значительными сокращеніями впервые напечатанный въ V томѣ «Исторіи русской литературы XIX в.», изд. «Міръ»); главной задачей его является выясненіе той, по выраженію самого Толстого, сукровицы, которая заключена во всѣхъ его произведеніяхъ, во всемъ его творчествѣ. Эта «сукровица» показываетъ намъ, какъ проявлялись въ творчествѣ Л. Толстого его мучительныя великія исканія,

заполнившія собою всю его жизнь—отъ отроческихъ лѣтъ вплоть до октябрьскихъ дней 1910 года. «Великія исканія»—это общее заглавіе относится и къ настоящей книгѣ.

Ивановъ-Разумникъ.

Октябрь. 1912 г.

Левъ Николаевичъ Толстой.

«Чтобъ жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вѣчно бороться и лишаться. А спокойствіе—душевная подлость.

(Изъ письма Л. Н. Толстого къ гр. А. А. Толстой, въ октябрѣ 1857 года).

«Одинъ смыслъ жизни—совершенствованіе. Жить для Бога одного—невозможно. То-же—для себя, то-же—для людей. Можно жить только для Бога, для людей и для себя».

(Записано Л. Н. Толстымъ, «чтобы не забыть», на обложкѣ «Живого Трупа», 1900 г.).

I.

Чѣмъ историческое явленіе больше, тѣмъ нагляднѣе примѣненіе къ нему того общаго закона человѣческаго разума, по которому все, совершавшееся въ причинномъ ряду, становится, когда человѣкъ смотритъ въ прошлое, не только причинно-обусловленнымъ, но и необходимо-цѣлесообразнымъ.

Въ исторіи русской литературы двухъ послѣднихъ вѣковъ всѣ причинныя нити связались въ первой половинѣ XIX вѣка въ одинъ громадный узелъ: появился Пушкинъ, слѣдствіе причиннаго и цѣль телеологическаго ряда. Въ Пушкинѣ достигла высшаго развитія не одна только форма, въ немъ уже дали ростъ зерна тѣхъ проникновенныхъ чувствъ и идей, развитіе которыхъ могло стать удѣломъ только слѣдующихъ поколѣній. И если Пушкинъ былъ синтезомъ всей полутора-вѣковой исторіи русской

литературы, то Достоевскій и Левъ Толстой явились слѣдующей и наивысшей ступенью синтеза, послѣдней «цѣлью» всего двухвѣкового развитія и русской литературы, и духа русскаго народа. Зерна, давшія ростъ уже въ Пушкинѣ, обратились въ вѣковыя, гигантскія деревья—высочайшія не въ одной русской, но и во всемірной литературѣ.

Великіе люди не съ неба сваливаются на землю, а изъ земли растутъ къ небесамъ,—это истина слишкомъ извѣстная. Какъ росъ изъ земли Толстой, на какой почвѣ, въ какой атмосферѣ—отмѣтить это является необходимой задачей историка литературы; но подробное изученіе всего этого возможно только въ обширной біографіи Л. Н. Толстого, которая еще не скоро можетъ быть написана. Здѣсь мы только слегка можемъ коснуться той соціальной среды и обстановки, въ которыхъ выросъ геній Л. Толстого. Да и не въ этомъ главный вопросъ. Почему и какъ выросло міровоззрѣніе Л. Толстого—это только половина вопроса, половина дѣла; остается главное—оцѣнка и изученіе по существу философскихъ воззрѣній и художественныхъ интуицій писателя на фонѣ ихъ историческаго развитія.

Развитіе и ростъ Толстого—это громадная и спеціальная тема, которая только тогда станетъ доступна во всѣхъ частностяхъ, когда мы отойдемъ на значительное разстояніе отъ гиганта русской литературы; но даже теперь, когда Л. Толстой такъ близокъ намъ по времени, есть возможность установить два дополняющія другъ друга положенія. Первое говоритъ объ единствѣ и цѣльности громадной личности Толстого, объ отсутствіи въ ней какого бы то ни было «перелома»; второе устанавливаетъ рядъ глубокихъ и серьезныхъ кризисовъ въ жизнепониманіи великаго писателя. Не такъ давно еще думали, что въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ произошелъ глубокій, коренной, внутренній переломъ личности Толстого, и этимъ «религіознымъ переломомъ» объясняли всю дѣятельность Толстого послѣ «Исповѣди». Это совершенно невѣрно. Изученіе его художественныхъ произведеній съ неменьшей убѣдительностью, чѣмъ знакомство съ его

письмами и дневниками, давно уже показало, что никакого «религіознаго перелома» въ личности Толстого не было, а было только глубокое развитіе тѣхъ началъ, которыя ясно проявлялись въ немъ и въ сороковыхъ, и въ пятидесятыхъ, и въ семидесятыхъ годахъ. Но въ то же самое время мы должны считаться съ тѣми громадной важности кризисами въ жизнепониманіи Толстого, о которыхъ онъ самъ говоритъ, и въ смѣнѣ которыхъ состоитъ все его литературное и жизненное развитіе. Органическая цѣльность личности и глубокіе кризисы ея—вотъ исторія творчества Л. Толстого, исторія творчества, а значитъ и исторія жизни, такъ какъ вся жизнь этого великаго искателя была въ творчествѣ художественномъ, философскомъ, религіозномъ.

И въ художественномъ творчествѣ настолько ярко отразилась жизнь его и окружающей его среды, что мы можемъ здѣсь почти совсѣмъ миновать характеристику среды, въ которой выросъ Л. Толстой: онъ самъ сдѣлалъ это съ неподражаемымъ мастерствомъ въ «Войнѣ и мирѣ», а также и въ первыхъ своихъ произведеніяхъ.

Четвертый сынъ семьи захудалаго рода графовъ Толстыхъ (мать была урожденная княжна Волконская), лишившись рано матери и отца, Левъ Толстой родился 28 авг. 1828 г. и выросъ подъ надзоромъ русскихъ нянюшекъ, нѣмцевъ-учителей и французовъ-гувернеровъ. Обычное въ то время воспитаніе богатаго барчука-дворянина завершилось въ университетѣ (Казанскомъ), гдѣ, впрочемъ, Л. Толстой пробылъ недолго: ученіе шло неудачно и, перемѣнивъ въ теченіе двухъ лѣтъ два факультета, восточный и юридическій, Толстой покинулъ университетъ въ 1847 году. Послѣ этой неудачи онъ попробовалъ хозяйничать въ деревнѣ—опять-таки неудачно, жилъ въ Петербургѣ и Москвѣ, увлекался цыганами и игрой, проигрывалъ большія суммы и пользовался среди своихъ родныхъ репутаціей «самаго пустяшнаго малаго» (такъ называли его братья). Кончилось тѣмъ, что двадцатитрехлѣтній и не сумѣвшій ни на чемъ остановиться

юноша избралъ дорогу довольно обычную для неудачниковъ того времени: онъ уѣхалъ на Кавказъ (1851 г.) и поступилъ въ военную службу—сталъ «фейерверкеромъ 4-й батареи», юнкеромъ и вскорѣ офицеромъ.

Подъ этой наружной корой обычной и обыденной жизни «добраго малаго» юноши, человѣка «parfaitement comme il faut» шла, однако, глубокая, внутренняя, органическая работа. Юноша много читалъ, много думалъ, пробовалъ писать. Сохранился составленный имъ уже въ концѣ жизни интересный списокъ тѣхъ произведеній, которыя оказали на него въ молодые годы особенное вліяніе. «Огромное вліяніе» оказали на него, въ дѣтскомъ возрастѣ, русскія народныя сказки, былины и исторія Іосифа изъ Библіи; когда онъ сталъ старше, то такое же «огромное вліяніе» имѣли надъ нимъ «Confession» и «Emile» Руссо, Евангеліе Матѳея (нагорная проповѣдь) и романы Диккенса («Давидъ Копперфильдъ»), и «очень большое вліяніе»—«Евгеній Онѣгинъ» Пушкина, произведенія Гоголя, Тургенева («Записки охотника»), Григоровича («Антонъ Горемыка»), Лермонтова [1]. «Я прочелъ—разсказывалъ впослѣдствіи Л. Толстой—всего Руссо, всѣ двадцать томовъ... Я болѣе чѣмъ восхищался имъ, я боготворилъ его. Въ 15 лѣтъ я носилъ на шеѣ медальонъ съ его портретомъ вмѣсто натѣльнаго креста». Врядъ ли многіе изъ пятнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, сверстниковъ Толстого, могли сказать о себѣ что-нибудь подобное. Нѣсколько позднѣе, уже въ университетѣ, Толстой изучалъ Монтескье и писалъ работу на тему сравненія «Esprit des lois» этого автора съ «Наказомъ» Екатерины II, и работа эта очень занимала его. Такимъ образомъ, вліяніе на юношу оказали съ разныхъ сторонъ самыя различныя произведенія—и религіозно-этическія, и общественныя, и проникнутыя философіей глубокой и полной личной жизни,—и Евангеліе, и Руссо, и Монтескье, и «Евгеній Онѣгинъ» Пушкина.

---

[1]) Чтобы не загромождать текста, примѣчанія, ссылки и цитаты отнесены къ концу книги.

въ послѣдующей своей жизни, въ послѣдующемъ творчествѣ Толстой исчерпалъ всѣ эти три типа отношенія къ жизни и міру.

Итакъ, «самый пустяшный малый», безпутный юноша, принужденный уѣхать на Кавказъ и поступить въ юнкера, продѣлывалъ, незамѣтно для окружающихъ, громадную внутреннюю работу. Онъ пробовалъ писать, строить системы и теоріи; сохранилась, напримѣръ, статья 1846—1847 года «О цѣли философіи» (еще не напечатана), въ которой философія опредѣляется, какъ «наука жизни» [2]); сохранились многочисленныя записи въ дневникахъ (тоже еще не опубликованныхъ), которыя показываютъ, что еще въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ Толстой высказывалъ тѣ самыя мысли, которыя развить ему пришлось полувѣкомъ позднѣе. Но все это было еще очень молодо, не разработано и главное—еще не пережито; длинный жизненный путь надо было еще свершить двадцатилѣтнему юношѣ, ему суждено было пройти по всѣмъ дорогамъ, на которыя только вступала человѣческая мысль въ своихъ исканіяхъ правды и смысла міра. Но прежде всего ему предстояло вступить въ жизнь, испытать всѣ ея стороны и найти ту дорогу, ту область, въ которой онъ могъ бы проявить свои силы. Такой областью оказалось художественное творчество.

Исторія русской литературы навсегда сохранитъ память о Татьянѣ Александровнѣ Ергольской, «тетенькѣ» Л. Толстого (такъ звалъ онъ всегда эту дальнюю родственницу своего отца). Это на ея рукахъ росъ маленькій «Лёва»; это ее вывелъ онъ, уже знаменитый писатель, подъ именемъ Сони въ «Войнѣ и мирѣ»; но главное—это она была крестной матерью первыхъ литературныхъ начинаній Л. Толстого, это она посовѣтовала ему попробовать свои силы въ литературѣ. Попавъ на Кавказъ, онъ вспомнилъ объ этомъ совѣтѣ, и вотъ что писалъ онъ Т. А. Ергольской 12 ноября 1851 года: «vous rappelez-vous, bonne tante, un conseil, que vous m'avez donné jadis—celui de faire des romans, eh bien! je suis votre conseil, et les occupations dont je vous parle consistent à faire de la littérature. Je ne sais, si ce que j'écris pa-

raîtra jamais dans le monde, mais c'est un travail qui m'amuse et dans lequel je persévère depuis trop longtemps pour l'abandonner» [3]). Эта литературная работа—«Д ѣ т с т в о», стоившее автору упорнаго и долгаго труда; по крайней мѣрѣ въ письмѣ къ той же «тетенькѣ» отъ 30 мая 1852 г. Толстой сообщаетъ, что онъ уже три раза передѣлалъ эту свою давно начатую работу и собирается еще четвертый разъ передѣлать ее. Такъ или иначе, но уже въ началѣ іюля онъ заканчиваетъ работу надъ этимъ первымъ своимъ произведеніемъ и отправляетъ его въ Петербургъ, въ редакцію «Современника». 6 сентября 1852 года въ Петербургѣ вышла сентябрьская книжка «Современника», въ которой была помѣщена «Исторія моего дѣтства», подписанная литерами Л. Т.

Заглавіе не вполнѣ соотвѣтствовало надписи: это не была точно и строго описанная исторія дѣтства самого Л. Толстого, хотя въ повѣсти этой и есть много автобіографическаго матеріала. «Замыселъ мой былъ описать исторію не свою, а моихъ пріятелей дѣтства»,—вспоминалъ впослѣдствіи (въ 1905 году) самъ Толстой, но это утвержденіе его надо принимать cum grano salis: внѣшняя исторія этого «Дѣтства» была въ нѣкоторыхъ частяхъ не исторія маленькаго «Левы», но внутреннія переживанія дѣтской души были отъ перваго до послѣдняго слова автобіографичны, не говоря уже о цѣломъ рядѣ живыхъ лицъ, каковы гувернеръ Ѳедоръ Ивановичъ Рессель (въ повѣсти Карлъ Ивановичъ), бабушка, горничная Гаша, братъ Л. Толстого Сергѣй (въ повѣсти Володя), Дунечка Темяшева (въ повѣсти Катенька), экономка Прасковья Исаевна (въ повѣсти Наталья Савишна), буфетчикъ Василій и т. д., и т. д. Можно составить длинный списокъ лицъ, которыхъ Толстой, по собственнымъ его словамъ, «довольно вѣрно описалъ» въ своей художественной трилогіи. Но именно въ виду того, что это было художественное произведеніе, внѣшніе факты могли и должны были въ немъ измѣниться, описываемые люди должны были выйти не холодными фотографіями, а художественными портретами. Главное же, что на этомъ фонѣ должна

была выступить исторія дѣтской души—такая, казалось бы, обычная исторія: радости, слезы, смѣхъ, ученіе, дѣтская любовь, дѣтское горе. Такъ все это обычно, обыденно и просто, а между тѣмъ только большой художникъ можетъ браться за изображеніе души ребенка.

Еще до начала работы надъ «Дѣтствомъ» Толстой задумывалъ другую работу—тоже состоящую въ художественномъ изображеніи «обыденнаго», простого, проникновенія до глубинъ души отъ простыхъ внѣшнихъ формъ. «Вотъ ходитъ будочникъ: кто онъ такой, какая его жизнь? А вотъ карета проѣхала: кто тамъ и куда ѣдетъ, и о чемъ думаетъ, и кто живетъ въ этомъ домѣ, какая внутренняя жизнь ихъ?.. Какъ интересно бы было все это описать, какую можно бы было изъ этого сочинить интересную книгу!» Такъ думалъ и записывалъ въ своемъ юношескомъ дневникѣ Толстой, увлеченный книгой Стерна «Sentimental journey»; но эта же книга, по указанію самого Толстого, сильно подѣйствовала и на формы выраженія «Дѣтства» [4]). Если мы прибавимъ сюда еще «Confession» Руссо, вліяніе котораго на Толстого было, какъ мы уже слышали отъ него, «огромное», то станетъ яснымъ источникъ одной характерной для Толстого черты, присущей ему отъ дѣтства и до старости. Черта эта—нѣкоторая сентиментальность, проникающая и во всѣ произведенія Толстого и въ позднѣйшую его проповѣдь. Конечно, сентиментальность эта—не условная, «карамзинская», театральная сентиментальность конца XVIII вѣка, но глубоко скрытая, внутренняя черта характера. И не даромъ всю свою жизнь Толстой былъ такъ «слабъ на слезы», по его выраженію. «Отъ старости, или отъ болѣзни, или того и другого вмѣстѣ я сталъ слабъ на слезы умиленія, радости», писалъ Толстой мѣсяца за четыре до смерти; онъ забылъ, что это всегда было характерной его чертой. Это видно изъ «Дѣтства», «Отрочества» и «Юности»; но и офицеръ-Толстой часто продолжаетъ плакать «сладкими слезами»; онъ постоянно плачетъ отъ радости и умиленія, читая письма своей «тетеньки», Т. А. Ергольской, и,

сообщая ей объ этомъ, говоритъ: «j'ai toujours été Лёва-рева» (такъ, очевидно, шутливо звали его въ семьѣ). И черезъ двадцать лѣтъ послѣ этого Толстой съ такими же «слезами умиленія» читаетъ письма Фета; также «слабъ на слезы» и Левинъ, и Пьеръ, и Нехлюдовъ и вообще всѣ герои Толстого, близкіе ему по душѣ. «Сдерживаемыя слезы умиленія и радости» слишкомъ часто встрѣчаются въ произведеніяхъ и въ письмахъ Толстого, чтобы на эту черту можно было не обратить пристальнаго вниманія.

Исторія души ребенка, переданная съ глубокой правдивостью, тонкой нѣжностью и съ налетомъ сентиментальности, сразу показала въ авторѣ громаднаго художника. Въ «Отрочествѣ» и «Юности» (1854—1857 г.) Толстой уже съ увѣренностью шелъ по начатому пути; и въ виду того, что по прежнему все главное въ этихъ произведеніяхъ вполнѣ автобіографично, повѣсти эти представляютъ не только спеціальный историко-литературный интересъ. Передъ нами проходитъ все развитіе души Толстого: глубокое впечатлѣніе, произведенное на мальчика юродивымъ Гришей и его безхитростной бесѣдой съ Богомъ; первыя религіозныя переживанія, навѣки запечатлѣвшіяся въ дѣтской душѣ. Затѣмъ начинается «отрочество», съ его расширеніемъ горизонта жизни, съ первымъ осознаніемъ соціальнаго элемента, съ первымъ признаніемъ кромѣ своего единичнаго «я» еще и множественнаго «ты». Въ этомъ осознаніи и признаніи Толстой видитъ моральный переворотъ, означающій собою начало отрочества. «Мнѣ въ первый разъ пришла въ голову ясная мысль о томъ, что не мы одни, т. е. наше семейство, живемъ на свѣтѣ, что не всѣ интересы вертятся около насъ, а что существуетъ другая жизнь людей, ничего не имѣющихъ общаго съ нами, не заботящихся о насъ и даже не имѣющихъ понятія о нашемъ существованіи. Безъ сомнѣнія, я и прежде зналъ все это; но зналъ не такъ, какъ я это узналъ теперь, не сознавалъ, не чувствовалъ» [5]). Новый, соціальный элементъ вошелъ въ сознаніе ребенка; старая религіозная работа души продолжалась. Рождаются первыя

отроческія религіозныя сомнѣнія, вызванныя несправедливой обидой; а отсюда уже недалеко и до мысли о несправедливости Провидѣнія вообще, до первыхъ отроческихъ «богоборческихъ» вопросовъ и сомнѣній. Несправедливо наказанный и запертый въ темномъ чуланѣ, мальчикъ начинаетъ мучительно думать на тѣ самыя темы, которыя черезъ много лѣтъ станутъ на пути жизни уже знаменитаго писателя Л. Толстого, когда онъ придетъ къ той мысли, что человѣкъ отъ рожденія запертъ Богомъ въ тѣсный чуланъ, и отъ рожденія до смерти наказывается несправедливо. Ибо что справедливаго, напримѣръ, въ севастопольской бойнѣ и что другое, какъ не темный чуланъ—жизнь человѣка, трепещущаго смерти? «Положительно могу сказать, что первый шагъ къ религіознымъ сомнѣніямъ, тревожившимъ меня во время отрочества, былъ сдѣланъ мною теперь, не потому, чтобы несчастіе побудило меня къ ропоту и невѣрію, но потому, что мысль о несправедливости Провидѣнія, пришедшая мнѣ въ голову въ эту пору совершеннаго душевнаго разстройства и суточнаго уединенія, какъ дурное зерно, послѣ дождя упавшее на рыхлую землю, съ быстротой стала разростаться и пускать корни»... [6])

А отсюда—первые вопросы пробудившейся души и первыя попытки отвѣта на нихъ, «склонность къ умствованіямъ», которую молодой авторъ-Толстой считаетъ своимъ главнымъ недостаткомъ, «которому—пишетъ онъ—суждено надѣлать мнѣ еще много вреда въ жизни». И «умствованія» эти были у мальчика Толстого все тѣ-же самыя, которыя старикъ-Толстой записывалъ дрожащими руками передъ своей смертью... «Едва-ли мнѣ повѣрятъ, какіе были любимѣйшіе и постояннѣйшіе предметы моихъ размышленій во время моего отрочества—такъ они были несообразны съ моимъ возрастомъ и положеніемъ. Но, по моему мнѣнію, несообразность между положеніемъ человѣка и его моральною дѣятельностію есть вѣрнѣйшій признакъ истины... Всѣ отвлеченные вопросы о назначеніи человѣка, о будущей жизни, о безсмертіи души уже представлялись мнѣ; и дѣтскій, слабый умъ мой со всѣмъ жаромъ неопытности старался уяснить

тѣ вопросы, предложеніе которыхъ составляетъ высшую ступень, до которой можетъ достигнуть умъ человѣка, но разрѣшеніе которыхъ не дано ему»... «Мнѣ кажется,—прибавляетъ Толстой,— что умъ человѣческій въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ проходитъ въ своемъ развитіи по тому-же пути, по которому онъ развивается и въ цѣлыхъ поколѣніяхъ, что мысли, служившія основаніемъ различныхъ философскихъ теорій, составляютъ нераздѣльныя части ума, но что каждый человѣкъ болѣе или менѣе ясно сознавалъ ихъ еще прежде, чѣмъ зналъ о существованіи философскихъ теорій» [7]). И Толстой разсказываетъ, какъ онъ то приходилъ къ мысли, что счастіе зависитъ только отъ нашего отношенія къ внѣшнимъ причинамъ, и потому пріучалъ себя переносить страданія, стегая себя веревкой по голой спинѣ или держа въ вытянутыхъ рукахъ тяжелые лексиконы; то рѣшалъ, что счастіе человѣка только въ пользованіи настоящимъ, безъ помышленія о будущемъ, и потому на цѣлые дни бросалъ уроки и, лежа въ постели, наслаждался чтеніемъ романовъ и ѣдою пряниковъ съ кроновскимъ медомъ, купленныхъ на послѣднія деньги; то приходилъ къ самому крайнему скептицизму и «терялъ одно за другимъ убѣжденія, которыя для счастія моей жизни я никогда бы не долженъ былъ смѣть затрогивать»... Всѣ позднѣйшія религіозныя и философскія исканія Толстого заключены, какъ громадное дерево въ маломъ зернѣ, въ этихъ отроческихъ его «умствованіяхъ». Самосовершенствованіе, идея прогресса, религія жизни—все то, чѣмъ жилъ и росъ впослѣдствіи Толстой, все имѣло свои корни еще въ его отрочествѣ, въ его ранней юности.

«Склонность къ умствованіямъ» привела мальчика къ дружбѣ съ такимъ-же «мечтателемъ», Дмитріемъ Нехлюдовымъ (другъ Л. Толстого, Д. А. Дьяковъ): начиналась «юность», съ ея мечтами о цѣли жизни, о самосовершенствованіи. Послѣдняя идея была главной, центральной, господствующей идеей всей юности Толстого, и вотъ почему «юность» такъ напоминаетъ намъ старость Толстого, послѣднія его вѣрованія и надежды. «Подъ вліяніемъ Нехлюдова—пишетъ Толстой въ послѣднихъ строкахъ «Отро-

чества»—я невольно усвоилъ и его направленіе, сущность котораго составляли восторженное обожаніе идеала добродѣтели и убѣжденіе въ назначеніи человѣка постоянно совершенствоваться. Тогда исправить все человѣчество, уничтожить всѣ пороки и несчастія людскіе казалось удобоисполнимою вещью; очень легко и просто казалось исправить самого себя, усвоить всѣ добродѣтели и быть счастливымъ... А впрочемъ, Богъ одинъ знаетъ, точно-ли смѣшны были эти благородныя мечты юности, и кто виноватъ въ томъ, что онѣ не осуществились»... Пятьдесятъ лѣтъ спустя, въ мало-извѣстной статьѣ «Вѣрьте себѣ» (1906 г.), самъ Толстой перебросилъ мостъ отъ своихъ старческихъ вѣрованій къ этимъ мечтаніямъ юности; и онъ былъ глубоко правъ [8]). И это касается не только однихъ мечтаній о самосовершенствованіи, но и рѣшительно всего круга мыслей Толстого, всего строя его души; нѣтъ лучшаго доказательства органической цѣльности его личности. Читая «Юность» такъ и видишь всего Толстого, отъ его юности и до старости. Развѣ не всю жизнь сопровождала Толстого та «любовь любви», о которой онъ говоритъ въ «Юности»? «Мнѣ хотѣлось сказать свое имя... и чтобы всѣ были поражены этимъ извѣстіемъ, обступили меня и благодарили бы за что-нибудь»... Развѣ не всю жизнь преслѣдовали Толстого тѣ вопросы—«ну, а потомъ?..» и «зачѣмъ?», о которыхъ онъ впервые упомянулъ въ «Юности», а затѣмъ въ «Исповѣди», черезъ три десятка лѣтъ? [9]). Развѣ чувство «отвращенія къ себѣ и раскаянія», о которомъ Толстой пишетъ въ «Юности», не проходило черезъ всю его жизнь? «Я даже наслаждался въ отвращеніи къ прошедшему и старался видѣть его мрачнѣе, чѣмъ оно было»—это свое юношеское чувство Толстой съ особенной рѣзкостью сталъ снова испытывать и выражать въ старости. А тѣ схемы поведенія и «правила жизни», которыя строилъ въ юности Толстой—не проходятъ-ли они черезъ всю его жизнь и черезъ все его творчество? Вспомните, какъ герой «Юности» составляетъ «расписаніе обязанностей», раздѣливъ ихъ на три рода: «обязанности къ самому себѣ, къ ближнимъ и къ Богу», какъ онъ криво

и косо пишетъ свои «правила жизни»—развѣ это не исторія всей жизни Толстого? Недаромъ-же и князь Нехлюдовъ (изъ «Утра помѣщика», 1852 г.), приступая къ дѣятельности, прежде всего «написалъ себѣ правила дѣйствія»; недаромъ Пьеръ, въ «Войнѣ и мирѣ», распредѣляетъ свои добродѣтельныя обязанности по рубрикамъ 1, 2, 3 и a, b, c, d; недаромъ князь Нехлюдовъ уже въ «Воскресеніи», написанномъ черезъ полъ-вѣка послѣ «Утра помѣщика», попрежнему «составляетъ себѣ правила, которымъ намѣревается слѣдовать уже навсегда» и всегда собирается начать новую жизнь—«turning a new leaf». Недаромъ, наконецъ, самъ Толстой, съ начала и до конца своей жизни, подводитъ все подъ рубрики, подъ схемы и правила. Три способа устроиться помѣщику въ деревнѣ («Дѣтство», гл. IV); три рода любви къ человѣку («Юность», гл. XXIV); три главные типа солдатъ, каждый съ двумя подраздѣленіями («Рубка лѣса», гл. II); четыре «упряжки» дня и четыре рода дѣятельности человѣка («Такъ что же намъ дѣлать»?, гл. XXXVIII), десятки мѣстъ такихъ подробно разработанныхъ схемъ и «правилъ жизни»—все это не случайные гости въ творчествѣ Толстого, а основныя вѣхи, намѣчающія собою весь путь его жизни. И если ко всему этому прибавить еще ту сентиментальность, о которой мы уже говорили, и ту способность «невозможно-ребячески мечтать», о которой самъ Толстой разсказываетъ въ «Юности» и которая сохранилась до старости его, то органическая цѣльность личности Толстого станетъ еще болѣе несомнѣнной. «Я убѣжденъ въ томъ,—писалъ Толстой въ III главѣ «Юности»,—что, ежели мнѣ суждено прожить до глубокой старости, и разсказъ мой догонитъ мой возрастъ, я старикомъ семидесяти лѣтъ буду точно такъ же невозможно-ребячески мечтать, какъ и теперь. Буду мечтать о какой-нибудь прелестной Маріи, которая полюбитъ меня, беззубаго старика, какъ она полюбила Мазепу, о томъ, какъ мой слабоумный сынъ вдругъ сдѣлается министромъ по какому-нибудь необыкновенному случаю, или о томъ, какъ вдругъ у меня будетъ пропасть милліоновъ денегъ»... И Толстой не ошибся: семидесяти-

лѣтнимъ старикомъ онъ продолжалъ по-юношески мечтать—правда, не о милліонахъ, не о любви прелестной Маріи, не о мѣстѣ министра для слабоумнаго сына, но о томъ, какъ вдругъ исправится все человѣчество, какъ по какому-нибудь необыкновенному случаю у людей откроются глаза на истину, какъ «стоитъ только захотѣть»—и самосовершенствованіе спасетъ міръ. Еще разъ спрошу: послѣднія страницы «Отрочества» и первыя «Юности»—не повторилъ ли ихъ буквально Толстой уже въ глубокой старости, когда онъ снова пришелъ къ мечтамъ о самосовершенствованіи, какъ единственномъ назначеніи человѣка?

Когда Толстой закончилъ свою юношескую трилогію, онъ былъ уже знаменитымъ русскимъ писателемъ, стоявшимъ въ одномъ ряду съ Тургеневымъ, Гончаровымъ, Островскимъ. «Дѣтство» было сравнительно мало замѣчено критикой, но замѣчено читающей публикой, и чуткій Некрасовъ, стоявшій во главѣ «Современника», немедленно учелъ это, предложивъ Толстому за послѣдующія произведенія «лучшую плату, какую получаютъ наши извѣстнѣйшіе, весьма немногіе, беллетристы». Еще большій успѣхъ имѣло «Отрочество», и Тургеневъ, радуясь этому успѣху въ одномъ изъ своихъ писемъ, пророчески прибавлялъ: «дай только Богъ Толстому пожить, а онъ, надѣюсь, еще удивитъ насъ всѣхъ—это талантъ первостепенный». И въ другихъ письмахъ того же времени (1854—1857 г.): «когда это молодое вино перебродитъ, выйдетъ напитокъ достойный боговъ»; «этотъ человѣкъ пойдетъ далеко и оставитъ за собой глубокій слѣдъ». Однако не эта трилогія создала литературную славу Толстого среди читающей публики того времени; эта слава создалась и упрочилась только послѣ появленія трехъ очерковъ «Севастополь».

Мы должны, впрочемъ, остановиться сперва на другомъ произведеніи Толстого—на его «кавказскомъ романѣ», написанномъ еще въ 1852 году, но законченномъ и отданномъ въ печать десятью годами позднѣе. Романъ этотъ Толстой такъ и не довелъ до конца, задуманную вторую часть такъ никогда и не написалъ,

такъ что мы имѣемъ теперь только первую часть этого романа, въ формѣ повѣсти «Казаки».

Подобно всѣмъ произведеніямъ Л. Толстого, автобіографична и эта повѣсть: Оленинъ—слишкомъ явный Левъ, чтобы это стоило доказывать. Два героя въ этомъ произведеніи: Оленинъ-Толстой, попавшій въ первобытную, нетронутую среду и радостно смывающій съ себя всѣ румяна цивилизаціи, и второй герой—непосредственная, первобытная природа, представителями которой являются казаки и прежде всего дядя Ерошка. Дядя Ерошка—величайшій во всемъ творчествѣ Толстого выразитель инстинкта жизни, силы жизни, любви жизни. Его философія такъ же проста и глубока, какъ та природа, въ которой онъ живетъ,—именно «въ которой», потому что жизнь природы для него то-же самое, что воздухъ для человѣка, вода для рыбы. Жизнь цѣнна и дорога сама по себѣ, кто бы ни былъ ея носитель; и дядя Ерошка своими корявыми толстыми пальцами ловитъ и отгоняетъ летящихъ на огонь бабочекъ: «сгоришь, дурочка; вотъ сюда лети—мѣста много. Сама себя губишь, а я тебя жалѣю»... Все живое человѣку надо любить, но охотнику дядѣ Ерошкѣ надо не только любить, но и убить—и онъ подчиняется этому «закону». «Ты ее (дикую свинью) убить хочешь, а она по лѣсу живая гулять хочетъ. У тебя такой законъ, а у нея такой законъ. Она свинья, а все она не хуже тебя, такая же тварь Божія»... И именно потому, что у всякаго «свой законъ», столкновеніе этихъ законовъ есть фактъ жизни, который надо принять. «Всякій свой законъ держитъ. А по-моему все одно. Все Богъ сдѣлалъ на радость человѣку. Ни въ чемъ грѣха нѣтъ. Хоть съ звѣря примѣръ возьми»... «Грѣхъ—гдѣ грѣхъ? На хорошую дѣвку поглядѣть грѣхъ? Погулять съ ней грѣхъ? Али любить ее грѣхъ? Это у васъ такъ? Нѣтъ, отецъ мой, это не грѣхъ, а спасеніе. Богъ тебя сдѣлалъ, Богъ и дѣвку сдѣлалъ. Все Онъ, Батюшка, сдѣлалъ»... Жить надо до дна, во всю, беря отъ жизни все, что она даетъ, потому что «сдохнешь—трава выраститъ на могилѣ, вотъ и все»...

Эта наивная, примитивная и глубокая философія дяди Ерошки

впослѣдствіи такъ безконечно углубленная Толстымъ въ «Войнѣ и мирѣ», оттѣняетъ психологію Оленина, одного изъ постоянныхъ «авто-героевъ» Л. Толстого. Оленинъ—это все тотъ-же герой «Юности», только что вышедшій изъ юности, во всемъ юношески «разочарованный», ничѣмъ не связанный, вѣчно увлекающійся и невозможно-ребячески мечтающій. «Для него не было никакихъ, ни физическихъ, ни моральныхъ оковъ; онъ все могъ сдѣлать, и ничего ему не нужно было, и ничто его не связывало. У него не было ни семьи, ни отечества, ни вѣры, ни нужды. Онъ ни во что не вѣрилъ и ничего не признавалъ. Но, не признавая ничего, онъ не только не былъ мрачнымъ, скучающимъ и резонирующимъ юношей, а напротивъ, увлекался постоянно... Онъ любилъ до сихъ поръ только себя одного и не могъ не любить, потому что ждалъ отъ себя одного хорошаго и не успѣлъ еще разочароваться въ самомъ себѣ»... [10]). Онъ попадаетъ въ новую для него среду первобытной природы, первобытныхъ людей— и съ нимъ свершается одинъ изъ тѣхъ душевныхъ переворотовъ, которые неизбѣжно совмѣщаются съ органической цѣльностью личности Толстого. Оленинъ начинаетъ, во-первыхъ, видѣть всю ложь былой своей городской жизни, а во-вторыхъ, онъ начинаетъ понимать всю ложь своей былой любви «только къ себѣ»; онъ приходитъ къ убѣжденію, что «счастье—это быть съ природой, видѣть ее, говорить съ ней», и въ то-же время «счастіе въ томъ, чтобы жить для другихъ». Съ отвращеніемъ и гадливостью относится онъ къ былой своей московской жизни, къ городской «цивилизаціи», къ тому «средне-высшему кругу» (по слову Достоевскаго), въ которомъ шла его жизнь, жизнь Оленина-Толстого. «Какъ вы мнѣ всѣ гадки и жалки! Вы не знаете, что такое счастье и что такое жизнь! Надо разъ испытать жизнь во всей ея безыскусственной красотѣ. Надо видѣть и понимать, что я каждый день вижу передъ собой: вѣчные неприступные снѣга горъ и величавую женщину въ той первобытной красотѣ, въ которой должна была выйти первая женщина изъ рукъ своего Творца, и тогда ясно станетъ, кто себя губитъ, кто живетъ въ правдѣ или во лжи—вы

или я... Надо видѣть и понять, что такое правда и красота, и въ прахъ разлетится все, что вы говорите и думаете, всѣ ваши желанія счастья и за меня, и за себя. Счастье—это быть съ природой, видѣть ее, говорить съ ней»...[11]). И это первый членъ его новаго символа вѣры—его эстетическое оправданіе идеи «опрощенія»; пройдетъ много лѣтъ—и эту же идею Толстой будетъ обосновывать уже не на эстетическихъ, а на этическихъ началахъ. Но и теперь у него есть этическій мотивъ, второй членъ его символа вѣры: «счастіе въ томъ, чтобы жить для другихъ»—то самое, что говорилъ уже герой «Юности», и что будетъ повторять Толстой въ старости.

«Счастіе въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложена потребность счастія; стало быть она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, то-есть отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастія незаконна. Какія-же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе»![12]). Хорошо было проповѣдывать эту истину старику-Толстому; но каково было примѣнять ее Толстому-Оленину, примиряя эту этическую истину съ первой, эстетической, по которой счастіе есть жизнь въ природѣ и съ природой! Какъ соединить мораль «жизни для другихъ» съ жизнью дяди Ерошки, съ его «жизнью для себя» ? Въ неумѣніи соединить эти два начала—причина раздвоенія Оленина, причина новаго душевнаго кризиса Толстого той эпохи. Иногда Оленинъ забывалъ «этическій» членъ своего символа вѣры, пробовалъ сливаться съ жизнью дяди Ерошки, но потомъ вдругъ опоминался и тотчасъ-же хватался за мысль сознательнаго самоотверженія. Стоило ему, однако, полюбить красавицу-казачку Марьяну, въ которой онъ увидѣлъ олицетвореніе всего прекраснаго въ природѣ, чтобы теорія его рухнула, подкопанная съ двухъ сторонъ. Оленинъ понялъ, что, отчаливъ отъ одного берега, отказавшись отъ лжи

«культурной» жизни, онъ въ то же время не можетъ уже всецѣло стать дядей Ерошкой; а съ другой стороны, страстная любовь показала ему, что ни для какого казака Лукашки не можетъ онъ пожертвовать своимъ счастьемъ, что счастье—жить не только для другихъ, но и для себя. Пришло это сознаніе,—и вся моральная теорія, построенная съ такимъ трудомъ, рухнула, какъ карточный домикъ. «Пришла красота и въ прахъ разсѣяла всю египетскую жизненную внутреннюю работу. И сожалѣнія нѣтъ объ исчезнувшемъ! Самоотверженіе—все это вздоръ, дичь. Это все гордость, убѣжище отъ заслуженнаго несчастья, спасеніе отъ зависти къ чужому счастью. Жить для другихъ, дѣлать добро! Зачѣмъ? когда въ душѣ моей одна любовь къ себѣ и одно желаніе любить ее и жить съ нею, ея жизнью. Не для другихъ, не для Лукашки я теперь желаю счастья. Я не люблю теперь этихъ другихъ»... [13])

Такъ рѣзко и безпощадно разрушило непосредственное чувство всѣ «египетскія» построенія разума. И отнынѣ передъ Толстымъ будетъ стоять все тотъ-же нерѣшенный вопросъ: какъ соединить «жизнь для себя» и «жизнь для другихъ»? какъ примирить жертву съ личнымъ счастьемъ? Прошло еще тридцать лѣтъ прежде чѣмъ Толстой окончательно рѣшилъ для себя тѣ вопросы, которые ставилъ Оленинъ вслѣдъ за героемъ «Юности»... Когда «Казаки» появились въ печати, Толстой (въ апрѣлѣ 1863 года) писалъ между прочимъ Фету: «Казаки—съ сукровицей, хотя и плохо». Эта «сукровица» была въ Толстомъ по существу одна и та же и въ 1852 и въ 1902 году.

Одновременно почти съ «Казаками», немедленно вслѣдъ за «Дѣтствомъ», Толстой начинаетъ писать большой «Романъ русскаго помѣщика», но планъ остается невыполненнымъ и осуществляется только фрагментъ—небольшая повѣсть «Утро помѣщика» (1852 г.). Герой, князь Дмитрій Нехлюдовъ—все тотъ же Л. Толстой, тотъ же Оленинъ до отъѣзда на Кавказъ; и попрежнему онъ съ восторгомъ приходитъ къ уже знакомой намъ мысли, что «любовь и добро есть истина и счастіе», что «любовь, самоотвер-

женіе — вотъ одно истинное, независимое отъ случая счастіе». И попрежнему эта теорія разбивается отъ столкновенія съ дѣйствительностью—на этотъ разъ не съ первобытной природой и первобытной душой человѣческой, а лишь съ захудалой русской деревней. Нехлюдовъ «благодѣтельствуетъ» крестьянамъ и все-таки испытывалъ въ результатѣ только чувство усталости, стыда, безсилія и раскаянія. Отчего это? Тургеневъ находилъ объясненіе (и видѣлъ нравственный смыслъ разсказа) въ томъ, что, «пока будетъ существовать крѣпостное состояніе, нѣтъ возможности сближенія и пониманія обѣихъ сторонъ, несмотря на самую безкорыстную и честную готовность сближенія» (письмо Тургенева къ Дружинину отъ 23 января, 1857 г.). Это объясненіе характерно для автора «Записокъ охотника» съ его знаменитой «Аннибаловой клятвой»; но Толстой, разумѣется, былъ за тысячи верстъ и отъ этой морали, и отъ подобнаго аболиціонистскаго пониманія своего разсказа. Онъ смотрѣлъ глубже, онъ безсознательно чувствовалъ причину всего не только въ личномъ, но и въ земельномъ рабствѣ. Это стало понятнымъ Толстому только много лѣтъ спустя, когда имъ была рѣзко поставлена и рѣшена для себя соціальная проблема. Много лѣтъ спустя, когда уже никакого крѣпостного права не было, герой «Воскресенія», тоже князь Дмитрій Нехлюдовъ, тоже «облагодѣтельствовалъ» крестьянъ, отдавъ имъ свою землю въ аренду «по очень дешевой цѣнѣ»,—и онъ тоже остался чѣмъ-то недоволенъ, «чего-то было грустно и чего-то стыдно»; но тогда Толстой уже зналъ причины этого, зналъ, что всякая «жертва» должна идти до конца, или вовсе не надо за нее браться. Такъ это или нѣтъ, но ясно, что «сукровица» раздѣленныхъ другъ отъ друга полувѣкомъ «Утра помѣщика» и «Воскресенія»—одна и та же, постоянная толстовская.

Нѣсколько небольшихъ очерковъ кавказской военной жизни закончили собою этотъ періодъ творчества Толстого. Сюда относятся разсказы: «Набѣгъ» (1852 г.), «Рубка лѣса» (1854—55 гг.), «Встрѣча въ отрядѣ съ московскимъ знакомымъ» (1856 г.). Все это были только мастерскія пробы пера, небольшіе наброски,

послужившіе впослѣдствіи только этюдами къ великой эпопеѣ «Войны и мира». Впервые входилъ въ русскую литературу типъ «солдата», впервые художественно обрисовывался этотъ особый искусственный міръ, его особенная психологія, отношеніе въ немъ къ жизни и смерти; но всюду за этимъ особеннымъ, частнымъ Толстой умѣлъ показывать общее, человѣческое, всюду «бытъ» приводилъ его къ послѣднимъ, крайнимъ проблемамъ человѣческой мысли. «Война»—вѣдь это самая острая постановка вопроса о жизни и смерти, того вопроса, который только и занималъ Толстого съ начала и до конца его жизни и дѣятельности; а какой же изъ вопросовъ не связанъ въ свою очередь съ вопросомъ о жизни и смерти? Такъ, напримѣръ, въ «Набѣгѣ», заговоривъ о войнѣ, какъ о непонятномъ, неестественномъ и несправедливомъ по существу явленіи, которое кажется естественнымъ только отъ своего постоянства, понятнымъ только отъ своей обыденности и справедливымъ только отъ чувства самосохраненія, Толстой задумывается надъ вопросомъ о справедливости массовой и индивидуальной. Русскіе завоевываютъ Кавказъ, обезпечивая этимъ «богатыя и просвѣщенныя русскія владѣнія отъ грабежей, убійствъ и набѣговъ народовъ дикихъ и воинственныхъ»; фейерверкеръ 4-ой батареи, Толстой, находитъ, что это «справедливо»... Но тутъ-же онъ вспоминаетъ, что вѣдь и сами русскіе, «справедливо» завоевывая Кавказъ, могутъ дѣйствовать только путемъ «набѣговъ, убійствъ и грабежей»—на то и война, и разсказъ «Набѣгъ» какъ разъ и посвященъ описанію такихъ сценъ, при взятіи русскими горскаго аула. Что-же, и это тоже «справедливо»?—съ недоумѣніемъ спрашиваетъ себя Толстой, и, конечно, отвѣчаетъ отрицательно. Индивидуальная справедливость—не на сторонѣ того блестящаго офицера, который пріѣхалъ на Кавказъ воевать съ горцами отъ скуки и отъ желанія показать свою храбрость; не на сторонѣ того адъютанта, который сдѣлался врагомъ горцевъ только изъ желанія получить поскорѣе тепленькое мѣстечко и чинъ капитана; не на сторонѣ того генерала, который мило-небрежнымъ тономъ разрѣшаетъ вой-

скамъ—«пускай грабятъ»! Индивидуальная справедливость, думаетъ Толстой, въ этомъ случаѣ на сторонѣ того несчастнаго оборванца-горца, который, «услыхавъ о приближеніи русскихъ, съ проклятіемъ сниметъ со стѣны старую винтовку..., побѣжитъ навстрѣчу гяурамъ и, увидавъ, что русскіе все-таки идутъ впередъ, подвигаются къ его засѣянному полю, которое они вытопчутъ, къ его саклѣ, которую сожгутъ, и къ тому оврагу, въ которомъ, дрожа отъ испуга, спрятались его мать, жена и дѣти, подумаетъ, что все, что только можетъ составить его счастіе, все отнимутъ у него—въ безсильной злобѣ, съ крикомъ отчаянія сорветъ съ себя оборванный зипунишко, броситъ винтовку на землю и, надвинувъ на глаза папаху, запоетъ предсмертную пѣсню и съ однимъ кинжаломъ въ рукахъ, очертя голову, бросится на штыки русскихъ.». [14]) На его сторонѣ справедливость,—и она-же на сторонѣ его враговъ. Что-же ? Или есть двѣ справедливости? и здѣсь все тотъ-же нерѣшенный двойственный вопросъ? И какъ соединить двѣ эти справедливости въ одну великую и единую Правду? Вопросы эти, рожденные зрѣлищемъ войны, Толстой опять-таки рѣшилъ для себя только черезъ много десятковъ лѣтъ, когда окончательно пришелъ къ вѣрѣ въ абсолютное значеніе великой заповѣди—«не убій».

Если разсказы изъ кавказской военной жизни оказались только этюдами для предпринятой десятью годами позднѣе эпопеи «Войны и мира», то севастопольскіе разсказы (1854—1855 гг.), тоже сыгравшіе впослѣдствіи роль этюдовъ къ той же эпопеѣ, сами по себѣ были настолько замѣчательны, что не могли не обратить на себя восторженнаго вниманія общества пятидесятыхъ годовъ. Они-то собственно и составили славу Толстого, выдвинули его въ первый рядъ литературы того времени. Экспансивный Тургеневъ «прослезился и кричалъ: ура!», читая эти севастопольскіе разсказы, ипохондрикъ Писемскій ворчливо выражалъ опасеніе, что «этотъ офицеришка всѣхъ насъ заклюетъ, хоть бросай перо», а осторожный и недовѣрчивый Некрасовъ писалъ автору, что «вы начинаете такъ, что за-

ставляете самыхъ осмотрительныхъ людей заноситься въ надеждахъ очень далеко»: уже по одному этому можно судить о впечатлѣніи, произведенномъ севастопольскими разсказами Толстого. Это была первая въ русской литературѣ потрясающая правда о войнѣ—и первая по силѣ, быть можетъ, не въ одной русской литературѣ. Стэндаль въ своей «Chartreuse de Parme» сдѣлалъ въ этомъ направленіи только первые шаги; севастопольскіе разсказы были продолженіемъ, «Война и миръ»—высшей точкой этого пути. До Толстого въ русской литературѣ войну романизировали; даже великій реалистъ Пушкинъ въ своемъ «Путешествіи въ Арзрумъ» набросилъ романтическій флеръ на описаніе войны. Впрочемъ, онъ настоящей войны и не видѣлъ. Надо было великому художнику попасть въ осажденный Севастополь, чтобы понять, что такое война, и описать ее съ потрясающимъ, безпощаднымъ реализмомъ. Толстой сумѣлъ показать, что война—это вовсе не театральное геройство «мюратовскаго» образца, такъ осмѣянное впослѣдствіи имъ въ «Войнѣ и мирѣ»; война —это незамѣтное, молчаливое исполненіе «долга» — долга принять смерть — тысячами сѣрыхъ, незамѣтныхъ людей; въ то же время война—это интриги, аристократизмъ штабныхъ бѣлоручекъ, интендантское воровство, игра честолюбія и тщеславія; но прежде всего и послѣ всего война — это безсмысленная, случайная смерть, безпощадныя страданія, увѣчія, раны, озвѣреніе, гибель. И если въ первомъ очеркѣ «Севастополь въ декабрѣ 1854 года» главной темой является молчаливое геройство незамѣтныхъ людей, то остальныя изъ указанныхъ темъ преобладаютъ во второмъ и третьемъ изъ севастопольскихъ разсказовъ. И если въ первомъ очеркѣ авторъ еще хотѣлъ показать духовную «силу русскаго народа», то во второмъ и третьемъ очеркахъ настроеніе его уже другое: слишкомъ много страданій, убійства, труповъ видѣлъ онъ для того, чтобы оправдать ихъ какимъ бы то ни было высокимъ словомъ. И лучшимъ объясненіемъ смысла этихъ двухъ послѣднихъ севастопольскихъ разсказовъ является заключительная сцена средняго очерка: по заваленной трупами цвѣтущей долинѣ

ходитъ, во время короткаго перемирія, десятилѣтній мальчуганъ собираетъ полевые цвѣты и долго смотритъ на страшные трупы, потомъ пугается и, спрятавъ лицо въ цвѣты, съ крикомъ бѣжитъ прочь... Смыслъ всего этого ужаса войны, быть можетъ, и могутъ понять (на словахъ) принимающіе въ ней участіе люди, но авторъ не съ ними, а съ этимъ десятилѣтнимъ мальчуганомъ. «На бастіонѣ и на траншеѣ выставлены бѣлые флаги, цвѣтущая долина наполнена мертвыми тѣла́ми, прекрасное солнце спускается къ синему морю, и синее море, колыхаясь, блеститъ на золотыхъ лучахъ солнца. Тысячи людей толпятся, смотрятъ, говорятъ, и улыбаются другъ другу. И эти люди, христіане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія, глядя на то, что они сдѣлали, съ раскаяніемъ не упадутъ вдругъ на колѣни передъ Тѣмъ, Кто, давъ имъ жизнь, вложилъ въ душу каждаго вмѣстѣ съ страхомъ смерти любовь къ добру и къ прекрасному, и со слезами радости и счастія не обнимутся, какъ братья? Бѣлые флаги спрятаны, и снова свистятъ орудія смерти и страданій, снова льется невинная кровь и слышатся стоны и проклятія...»

Такъ заканчиваетъ Толстой второй изъ своихъ севастопольскихъ разсказовъ. Слишкомъ ясно слышенъ за этими словами вопросъ автора Тому, Кто допускаетъ людей лить невинную кровь. И если еще въ отрочествѣ Толстого—мы видѣли—первыя религіозныя сомнѣнія его были вызваны несправедливой обидой, приведшей къ мысли о несправедливости Провидѣнія, то насколько же должны были усилиться эти сомнѣнія и перейти въ прямое отрицаніе при созерцаніи этой массовой обиды, этой величайшей въ мірѣ несправедли вости—убійства человѣкомъ человѣка? Слабый человѣкъ могъ схватиться за вѣру въ севастопольской бойнѣ, сильный — могъ потерять тамъ послѣднюю вѣру. Толстой же никогда не былъ слабымъ человѣкомъ. Правда, иногда въ самую минуту опасности, дежуря на знаменитомъ четвертомъ бастіонѣ, онъ взывалъ къ Богу съ молитвой, благодарилъ за покровительство и просилъ: «не остави меня, Боже, напутствуй меня не для удовлетворенія моихъ ничтожныхъ стремленій, а

для достиженія вѣчной и великой, невѣдомой, несознаваемой мною цѣли бытія» (Дневникъ 11—14 апрѣля 1855 г.), — но это были уже послѣднія вспышки вѣры. И нельзя не связать именно съ Севастополемъ того обстоятельства, что именно къ 1856 году сходитъ на нѣтъ былая вѣра Толстого въ благое Провидѣніе, въ мздовоздаятеля Бога.

Кризисъ этотъ подготовлялся постепенно. Въ «Исповѣди» Толстой разсказалъ, что потеря вѣры въ церковное ученіе произошла съ нимъ еще въ возрастѣ 16—18 лѣтъ; но мы знаемъ изъ его писемъ и дневниковъ, что это еще не было потерей вѣры въ Бога. «Я не вѣрилъ въ то, что мнѣ было сообщено съ дѣтства, но я вѣрилъ во что-то. Во что я вѣрилъ, я никакъ бы не могъ сказать. Вѣрилъ я и въ Бога, или, скорѣе, я не отрицалъ Бога, но какого Бога, я бы не могъ сказать» («Исповѣдь»). И въ минуту жизни трудную молодой Толстой (до 1856 года) обращается къ невѣдомому Богу съ молитвами и наивными просьбами—о спасеніи отъ карточнаго проигрыша, объ уплатѣ по проигранному векселю; и когда «просьба» эта оказывается исполненной ante factum, до молитвы— онъ все-таки горячо благодаренъ Богу и говоритъ, что такой случай «m'aurait fait croire en Dieu, si je n'y croyais déjà fermement depuis quelque temps».[15]) Это было еще очень наивно, очень по-дѣтски; но въ дневникахъ того же времени мы видимъ и болѣе глубокіе запросы, сомнѣнія, рѣшенія. Вопросъ о злѣ, о страданіяхъ, такъ фатально сталкивающійся во всякой религіозной душѣ съ понятіемъ благого Бога, не могъ миновать Толстого; онъ пытался такъ или иначе отвѣтить на этотъ вопросъ для самого себя. «Страданія необходимы,—пишетъ онъ въ дневникѣ 11 іюня 1851 года.— Зачѣмъ? Не знаю. И какъ я смѣю говорить: не знаю! Какъ смѣлъ я думать, что можно знать пути Провидѣнія! Оно источникъ разума, и разумъ хочетъ (его) постигнуть!..»

Но такая вѣра была у него уже на исходѣ. Ему надо было попасть въ Севастополь, увидѣть сотни и тысячи труповъ, чтобы въ душѣ его завершился уже давно развивавшійся процессъ,

чтобы совершился первый главный кризисъ его жизни: потеря вѣры въ Бога. Но, по позднѣйшимъ словамъ самого Толстого, человѣкъ безъ религіи — химера, потеря одной вѣры есть всегда сознательно или безсознательно замѣна ея другой. Такъ случилось и съ Толстымъ. Вѣру въ благого Бога замѣнила ему вѣра въ благодѣтельный прогрессъ человѣчества. Съ этой вѣры начался новый—петербургскій и заграничный—періодъ жизни и творчества Л. Толстого.

II.

«Двадцати шести лѣтъ—вспоминалъ впослѣдствіи Толстой—я пріѣхалъ послѣ войны въ Петербургъ и сошелся съ писателями. Меня приняли, какъ своего»... И Толстой подробно разсказываетъ, какъ онъ, въ свою очередь, принялъ ту «вѣру», которая является присущей большинству образованнаго общества. «Вѣра эта приняла во мнѣ ту обычную форму, которую она имѣетъ у большинства образованныхъ людей нашего времени. Вѣра эта выражалась словомъ п р о г р е с с ъ»... («Исповѣдь»). Подъ знакомъ этой вѣры Толстой, по его же собственному указанію, прожилъ шесть лѣтъ; и эта эпоха, 1856—1862 гг., занимаетъ особое мѣсто и въ жизни, и въ творчествѣ Толстого.

Это были знаменитые шестидесятые годы, когда дѣйствительно понятіе «прогресса» носилось въ воздухѣ, когда приложеніе этого понятія стало хоть въ малой степени осуществимо въ жизни для проснувшагося русскаго общества. Тенденція разсматривать великихъ людей внѣ эпохъ общественнаго развитія ихъ времени терпитъ фіаско во всѣхъ случаяхъ,—а особенно въ приложеніи къ Толстому. Внѣ эпохи шестидесятыхъ годовъ непонятна его «вѣра въ прогрессъ», внѣ этой эпохи невозможны его замѣчательныя построенія народническихъ теорій, внѣ этой эпохи немыслимы его педагогическія воззрѣнія,—о чемъ ниже еще будетъ рѣчь. Но всѣ эти теоріи и воззрѣнія, объясняемыя духомъ эпохи, не могли бы пустить корни въ душѣ Толстого, если бы зерна ихъ не лежали въ ней уже съ давнихъ поръ.

Такъ было и съ «вѣрой въ прогрессъ». Вѣдь по своимъ формамъ эта вѣра въ прогрессъ мало чѣмъ отличается отъ той вѣры

въ самосовершенствованіе, которую мы видѣли въ героѣ «Юности» и которую увидимъ въ Толстомъ-старцѣ. «Все развивается, и я развиваюсь; а зачѣмъ это я развиваюсь вмѣстѣ со всѣми, это видно будетъ», — такъ иронически формулировалъ Толстой въ «Исповѣди» свою былую вѣру въ прогрессъ; но вѣдь буквально въ этой же формѣ можетъ быть выражена его постоянная вѣра въ совершенствованіе: все совершенствуется, и я совершенствуюсь; а зачѣмъ это я совершенствуюсь вмѣстѣ со всѣми, это видно будетъ—видно во всякомъ случаѣ Богу. Неудивительно поэтому, что вѣра въ прогрессъ могла пустить глубокіе корни въ душѣ Толстого. Когда онъ 17 апрѣля 1847 года писалъ въ своемъ дневникѣ, что «цѣль жизни есть сознательное стремленіе къ всестороннему развитію всего существующаго», онъ выявлялъ этимъ то зерно «вѣры въ прогрессъ», которое дало ростки десятью годами позднѣе. За быстрымъ кризисомъ этой новой вѣры намъ теперь предстоитъ прослѣдить и по художественнымъ произведеніямъ Толстого, и по его письмамъ и дневникамъ, и по его статьямъ.

Пріѣхавъ въ 1856 году въ Петербургъ, Толстой приступилъ къ окончанію своей трилогіи, а закончивъ «Юность», написалъ нѣсколько сравнительно небольшихъ вещей — разсказы и повѣсти «Метель», «Записки маркера», «Два гусара», «Альбертъ» (1856 г.). Это вещи разнаго художественнаго достоинства, но замѣчательныя во многихъ отношеніяхъ. Въ «Метели» — тонкое, филигранное мастерство безъ какого бы то ни было «содержанія», въ смыслѣ фабулы. Вьюга, снѣгъ, поле, ночь, тройка, замирающій звонъ колокольчиковъ, спина ямщика, смѣна мыслей и сновъ автора— надо было появиться въ русской литературѣ Толстому, чтобы показать возможность той изумительной тонкости письма, съ которой написана вся эта картина, якобы безъ «содержанія». Мы коснемся еще этой тонкости письма, этой способности отъ самаго грубаго внѣшняго впечатлѣнія перейти къ самому тонкому внутреннему движенію души. Въ «Метели» черта эта сказалась особенно сильно, хотя самъ авторъ и остался недоволенъ

разрѣшеніемъ поставленной имъ себѣ задачи. («Какъ понравилась тебѣ «Метель?» Я ею недоволенъ — серьезно», писалъ Л. Толстой брату Сергѣю 25 марта 1856 года.) Настолько же остался онъ недоволенъ и «Записками маркера», которыя являются какъ бы эпилогомъ къ «Утру помѣщика». Устами бильярднаго маркера—очень колоритно и тонко—Толстой разсказываетъ о самоубійствѣ князя Нехлюдова, быть можетъ, того сáмаго, который такъ и не сумѣлъ «облагодѣтельствовать» своихъ крестьянъ въ деревнѣ. И въ этомъ разсказѣ, несомнѣнно, есть автобіографическія черты. Конечно, Толстой никогда не доходилъ до трактирныхъ униженій князя Нехлюдова, никогда не думалъ по этому поводу о самоубійствѣ, но жизнь въ Петербургѣ онъ велъ весьма «безпутную», чтобы не сказать больше. «Вернулся онъ изъ Севастополя съ батареи, остановился у меня—разсказывалъ тогда же Тургеневъ—и пустился во всѣ тяжкія. Кутежи, цыгане и карты во всю ночь; а затѣмъ до двухъ часовъ дня спитъ, какъ убитый. Старался удерживать его, но теперь махнулъ рукой»... Эта безпутная жизнь тяжелѣе всего была самому Толстому; онъ самъ съ ненавистью отзывался тогда о «проклятомъ Петербургѣ», самъ осуждалъ свои кутежи, но не переставалъ въ то же время и развиваться внутренно. Со стороны были видны только кутежи и «вся тяжкая», а духовное развитіе могъ сознавать только самъ Толстой, записывавшій, между прочимъ, въ своемъ дневникѣ 4 янв. 1857 г.: «я рѣшительно счастливъ все это время, упиваясь быстротой моральнаго движенія впередъ». Уже по одному этому Толстой не былъ, конечно, Нехлюдовымъ изъ «Записокъ маркера»; но многія черты жизни Толстого 1856 года, несомнѣнно, были обрисованы имъ въ этомъ типѣ. Впрочемъ, этотъ разсказъ не имѣетъ особенно большого значенія — ни художественнаго, ни автобіографическаго—среди другихъ произведеній Толстого.

Другое дѣло—написанная тогда же повѣсть «Два гусара», которой, повидимому, и самъ авторъ остался доволенъ. Въ первой половинѣ — это великолѣпный историческій жанръ, день и под-

виги гусара типа Дениса Давыдова «въ губерніи», въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка. Прототипомъ для этого гусара, графа Федора Турбина, послужилъ, вѣроятно, знаменитый въ двадцатыхъ годахъ графъ Федоръ Толстой [16]), «американецъ», которому посчастливилось попасть и въ «Горе отъ ума» («алеутъ»), и въ «Евгенія Онѣгина» (Зарѣцкій), и впослѣдствіи—въ «Войну и миръ» Толстого (Долоховъ). Такимъ образомъ повѣсть «Два гусара» послужила тоже какъ бы этюдомъ къ «Войнѣ и миру»; но она имѣетъ и свое самостоятельное значеніе, какъ цѣльное, законченное, мастерское произведеніе. Вторая половина повѣсти описываетъ слѣдующее поколѣніе гусаровъ—день и подвиги сына графа Турбина. Но, конечно, дѣло здѣсь не въ гусарахъ, а въ людяхъ; дѣло въ сравненіи поколѣнія двадцатыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Разгулъ, кутежъ, безумная щедрость, беззаботность, благородство стараго гусара и разсчетливость, холодность, брюзгливость, аккуратность и вообще «рыбья кровь» его сына двадцать-тридцать лѣтъ спустя: въ этомъ сопоставленіи, проведенномъ красочно и убѣдительно, видны двѣ черты, которыя могли занимать Толстого въ то время. Первая — нѣкоторое pro domo sua: кутежи самого Толстого, о которыхъ мы упоминали выше, подходили, конечно, къ типу графа Федора Турбина, а не его холоднокровнаго сына; Толстой, быть можетъ, безсознательно, оправдывалъ самъ себя и свое поведеніе. Вторая, болѣе важная черта — слегка ироническое отношеніе Толстого къ тому самому «прогрессу», въ который онъ, по его же словамъ, такъ твердо увѣровалъ въ это время. Хорошъ прогрессъ окружающихъ формъ жизни, который сопровождается регрессомъ нравственной личности людей!—вотъ что какъ будто хочетъ сказать Толстой своей повѣстью и несомнѣнно говоритъ это: стоитъ только обратить вниманіе на первую, вводную страницу къ повѣсти, гдѣ авторъ иронически сравниваетъ «культуру» своего времени съ любезнымъ простодушіемъ дѣдовскихъ временъ [17]).

Двѣ совершенно такія же черты мы находимъ и въ написанномъ тогда же разсказѣ «Альбертъ», гдѣ Толстой описалъ исто-

рію, случившуюся съ нимъ самимъ въ 1848 году, когда онъ увезъ изъ Петербурга въ Ясную Поляну талантливаго и пьющаго за́поемъ нѣмца-музыканта Рудольфа. Въ разсказѣ Альбертъ и Делесовъ—это, конечно, Рудольфъ и самъ Толстой, при чемъ «добрый» поступокъ Делесова, желающаго «спасти» съ высоты своего величія погибающаго отъ вина музыканта, освѣщается—какъ и въ «Утрѣ помѣщика»—такъ, что читателямъ сразу видна его, этого поступка, отрицательная сторона. Насильно дѣлая добро и не умѣя облечь его въ пріемлемыя формы, Делесовъ разочаровывается въ своемъ добромъ поступкѣ и смотритъ на Альберта, какъ на мертваго человѣка, которому ничѣмъ помочь нельзя. Но художникъ-Толстой знаетъ, что пьяный, несчастный Альбертъ болѣе живъ, чѣмъ благотворящій ему Делесовъ, и послѣдняя сцена разсказа—сны пьянаго Альберта—достаточно выясняетъ взглядъ автора. «Онъ, какъ соломинка, сгорѣлъ весь отъ священнаго огня... Онъ исполнилъ все то, что было вложено въ него Богомъ... Онъ счастливъ и добръ... Онъ любитъ одно—красоту, единственное несомнѣнное благо въ мірѣ... Онъ вамъ жалокъ кажется, вы его презираете, а онъ лучшій и счастливѣйшій»... Такой голосъ—голосъ автора—слышитъ Альбертъ въ своемъ пьяномъ снѣ на ступеняхъ лѣстницы дома терпимости; и голосъ этотъ заглушаетъ порицающія слова Делесова, который указываетъ, что Альбертъ не принесъ пользы обществу, велъ себя нечестно, стыдно, что это человѣкъ опустившійся, мертвый. «Да я живъ, зачѣмъ же хоронить меня»,—послѣднія слова соннаго Альберта и послѣднія слова разсказа. И Альбертъ, погибающій герой искусства, поистинѣ живъ — болѣе живъ, чѣмъ многіе окружающіе его люди.

Можно предполагать, что разсказъ этотъ является автобіографическимъ, такъ сказать, съ двухъ сторонъ. Что Делесовъ—самъ Толстой, это мы уже видѣли; но что и Альбертъ — тоже Толстой, это, повидимому, несомнѣнно. Подобно тому, какъ въ «Двухъ гусарахъ» Толстой далъ, безсознательно быть можетъ, апологію своей петербургской жизни 1856 года, такъ и въ «Альбертѣ» онъ

далъ ту же апологію, но подъ другимъ угломъ зрѣнія, развивая тему пушкинскаго «Моцарта и Сальери». Да, какъ бы говоритъ онъ намъ, вдохновеніе часто озаряетъ голову «безумца», «гуляки празднаго», и уже по одному этому пьяный Альбертъ на ступеняхъ притона разврата—«лучшій и счастливѣйшій»... Конечно, не Толстой спалъ на этой лѣстницѣ, точно такъ же какъ не онъ стрѣлялъ въ себя въ бильярдной комнатѣ «Записокъ маркера»; но несомнѣнно—мы видѣли это—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ есть много элементовъ авторскаго pro domo sua. Въ «Альбертѣ» это особенно ясно, такъ какъ апологія искусства или, вѣрнѣе, освященіе всякой, самой безпутной жизни искусствомъ («священный даръ озаряетъ голову безумца, гуляки празднаго»), апологія, которую мы имѣемъ въ этомъ разсказѣ, вполнѣ совпадаетъ съ тѣми мыслями, которыя Толстой, по позднѣйшему своему признанію, тогда исповѣдывалъ. Объ этомъ въ «Исповѣди» онъ достаточно подробно говоритъ, заключая свои воспоминанія тѣмъ, что «вѣра эта въ значеніе поэзіи и въ развитіе жизни была вѣра, и я былъ однимъ изъ жрецовъ ея»... Нельзя не замѣтить только, что въ «Альбертѣ» вѣра въ значеніе поэзіи не совпадаетъ съ вѣрой въ развитіе жизни, то-есть, иными словами, съ вѣрой въ прогрессъ. Уже въ «Двухъ гусарахъ» прогрессъ культуры противопоставлялся регрессу человѣка; несомнѣнно, что и въ «Альбертѣ» мы имѣемъ подобное же косвенно-отрицательное отношеніе автора къ понятію «прогресса»: хорошъ прогрессъ общества, хорошо общество, въ которомъ «лучшимъ и счастливѣйшимъ» можно быть только въ образѣ издерганнаго и изломаннаго Альберта!

Изучая эти разсказы, мы приходимъ къ неожиданному и противорѣчивому выводу: Толстой, по собственному своему категорическому утвержденію, «вѣритъ въ прогрессъ», живетъ этой вѣрой цѣлыхъ шесть лѣтъ (1856—1862 г.), и вдругъ тутъ же, въ первый же годъ этой новой своей вѣры, онъ въ своихъ разсказахъ иронически или отрицательно относится къ объекту своей вѣры! Это можетъ быть странно, но это дѣйствительно такъ. Въ худо-

жественной дѣятельности Толстого съ самаго же начала «новой вѣры» совершалась работа постепеннаго развѣнчанія и разрушенія ея; новый кризисъ подготовлялся съ самаго же начала. Толстой вѣрилъ въ прогрессъ, но не могъ не видѣть отрицательныхъ сторонъ окружающаго его общества; мало того—не могъ онъ не увидѣть отрицательныхъ сторонъ всего современнаго соціальнаго строя. Сильно и ярко сдѣлалъ онъ это впервые въ своемъ замѣчательномъ разсказѣ «Люцернъ».

Въ началѣ 1857 года Толстой уѣхалъ за-границу и въ теченіе полугода объѣхалъ Германію, Францію, Швейцарію. Два событія произвели на него во время этого путешествія особенно сильное впечатлѣніе: это, во-первыхъ, смертная казнь, которую онъ видѣлъ въ Парижѣ, и, во-вторыхъ, тотъ случай, свидѣтелемъ котораго онъ былъ въ Люцернѣ и который описанъ въ этомъ его разсказѣ отъ лица снова воскрешеннаго имъ князя Д. Нехлюдова.

«Седьмого іюля 1857 года въ Люцернѣ передъ отелемъ Швейцергофомъ, въ которомъ останавливаются самые богатые люди, странствующій нищій пѣвецъ въ продолженіе получаса пѣлъ пѣсни и игралъ на гитарѣ. Около ста человѣкъ слушали его. Пѣвецъ три раза просилъ всѣхъ дать ему что-нибудь. Ни одинъ человѣкъ не далъ ему ничего, и многіе смѣялись надъ нимъ... Вотъ событіе, которое историки нашего времени должны записать огненными, неизгладимыми буквами. Это событіе значительнѣе, серьезнѣе и имѣетъ глубочайшій смыслъ, чѣмъ факты, записываемые въ газетахъ и исторіяхъ»... Такъ писалъ и подчеркивалъ Толстой въ этомъ своемъ разсказѣ «Люцернъ», и почти тѣми же словами вскрывалъ онъ ту же глубокую болѣзнь современнаго общественнаго организма и полувѣкомъ позднѣе. Въ Люцернѣ онъ получилъ только первый ударъ, первое впечатлѣніе отъ мелкаго, казалось бы, факта — и сразу понялъ, что «что-то

не такъ» во всей нашей цивилизаціи, во всемъ строѣ общества. Онъ видѣлъ, что «событіе, происшедшее въ Люцернѣ 7-го іюля», которое ему казалось «совершенно ново и странно»,—онъ видѣлъ, что событіе это «относится не къ вѣчнымъ дурнымъ сторонамъ человѣческой природы, но къ извѣстной эпохѣ развитія общества; это фактъ не для исторіи дѣяній людскихъ, но для исторіи прогресса и цивилизаціи». Но именно потому и осудилъ онъ эту цивилизацію, именно потому, что «этотъ безчеловѣчный фактъ, невозможный ни въ какой деревнѣ нѣмецкой, французской или итальянской, возможенъ здѣсь, гдѣ цивилизація, свобода и равенство доведены до высшей степени»... А если такъ, то почему же—спрашиваетъ Толстой,—почему же слѣдствіе прогресса, «цивилизація»—благо, а не зло? «И кто опредѣлитъ мнѣ, что̀ свобода, что̀ деспотизмъ, что̀ цивилизація, что̀ варварство? И гдѣ границы одного и другого? У кого въ душѣ такъ непоколебимо это мѣрило добра и зла, чтобы онъ могъ мѣрить имъ бѣгущіе, запутанные факты?» Одно остается вѣчнымъ въ этой бѣгущей смѣнѣ явленій жизни—красота, поэзія (здѣсь тема «Люцерна» соприкасается съ темой «Альберта») ибо за тѣ самыя деньги, которыхъ богачи-туристы не дали нищему пѣвцу, за тѣ самыя деньги, будь ихъ хоть милліоны рублей, нельзя совершить того, что дѣлаетъ съ людьми красота Швейцаріи или простая, но полная поэзіи пѣсня странствующаго пѣвца. «Зачѣмъ вы всѣ покинули свое отечество, родныхъ, занятія и денежныя дѣла и столпились въ маленькомъ швейцарскомъ городкѣ Люцернѣ? Зачѣмъ вы всѣ нынче вечеромъ высыпали на балконы и въ почтительномъ молчаніи слушали пѣсню маленькаго нищаго?.. Что за деньги, хоть за милліоны, васъ можно бы было всѣхъ выгнать изъ отечества и собрать въ маленькомъ уголкѣ Люцернѣ? За деньги васъ можно бы было всѣхъ собрать на балконахъ и въ продолженіе получаса заставить стоять молчаливо и неподвижно? Нѣтъ! А заставляетъ васъ дѣйствовать одно, и вѣчно будетъ двигать сильнѣе всѣхъ другихъ двигателей жизни—потребность поэзіи, которую вы не сознаете, но чувствуете и вѣкъ будете чувствовать, пока въ васъ

останется что-нибудь человѣческое»... Поэзія вѣчна—и вѣченъ высшій источникъ ея—Всемірный Духъ, въ которомъ синтезируются всѣ противорѣчія жизни и создается всеобщая гармонія—гармонія цивилизаціи съ варварствомъ, свободы съ неволей, нищеты пѣвца съ внутреннимъ міромъ его души, пресыщеннаго богатства съ тусклой, скучной жизнью. Но эти гармонія и синтезъ достигаются не благодаря прогрессу, а независимо отъ него, быть можетъ, даже вопреки ему. «Безконечна благость и премудрость Того, Кто позволилъ и велѣлъ существовать всѣмъ этимъ противорѣчіямъ»...

Такъ заканчивается этотъ замѣчательный разсказъ, въ которомъ Толстой столь скептически относится къ своей новой вѣрѣ въ благодѣтельный прогрессъ и почти возвращается къ недавно покинутой вѣрѣ въ благого Бога. Эта послѣдняя вѣра не могла усилиться отъ другого событія, особенно сильно повліявшаго въ то время на Толстого, но и вѣра въ прогрессъ пошатнулась отъ этого же событія еще больше. Событіе это — зрѣлище смертной казни, которую Толстому случилось видѣть въ Парижѣ 6 апрѣля 1857 года. Въ дневникѣ этого числа Толстой записалъ: ...«Толстая, бѣлая, здоровая шея и грудь, цѣловалъ Евангеліе и потомъ смерть. Что за безсмыслица. Сильное и не даромъ прошедшее впечатлѣніе»... «Зрѣлище гильотинированія такъ подѣйствовало на меня, что я ночи не спалъ», писалъ тогда же Толстой своей сестрѣ (письмо отъ 2 мая 1857 г.). Чтобы потерять—хоть на время—вѣру въ благого Бога, Толстому достаточно было попасть въ Севастополь; чтобы потерять вѣру въ прогрессъ, достаточно было попасть на зрѣлище гильотинированія. «Въ бытность мою въ Парижѣ,—вспоминалъ впослѣдствіи Толстой въ «Исповѣди»,—видъ смертной казни обличилъ мнѣ шаткость моего суевѣрія прогресса. Когда я увидалъ, какъ голова отдѣлилась отъ тѣла и то, и другое врозь застучало въ ящикѣ, я понялъ—не умомъ, а всѣмъ существомъ—что никакія теоріи разумности существующаго и прогресса не могутъ оправдать этого поступка, и что если бы всѣ люди въ мірѣ по какимъ бы то ни было теоріямъ,

съ сотворенія міра, находили, что это нужно—я знаю, что это не нужно, что это дурно, и что поэтому судья тому, что хорошо и нужно, не то, что говорятъ и дѣлаютъ люди, и не прогрессъ, а я со своимъ сердцемъ».

Какъ въ Севастополѣ, такъ и въ Парижѣ смерть человѣка, смерть людей нарушила вѣру Толстого. Скоро еще одно событіе такого же рода легло на вѣсы, чтобы ускорить наступленіе новаго кризиса въ его міропониманіи. «Другой случай сознанія недостаточности для жизни суевѣрія прогресса была смерть моего брата. Умный, добрый, серьезный человѣкъ, онъ заболѣлъ молодымъ, страдалъ болѣе года и мучительно умеръ, не понимая, зачѣмъ онъ жилъ, и еще менѣе понимая, зачѣмъ онъ умираетъ. Но это были—прибавляетъ Толстой—только рѣдкіе случаи сомнѣнія, въ сущности же я продолжалъ жить, исповѣдуя только вѣру въ прогрессъ». Въ Люцернѣ онъ усомнился въ соціальныхъ основахъ прогресса, въ Парижѣ усомнился въ этическихъ и религіозныхъ его обоснованіяхъ; дневники и письма Толстого той эпохи проникнуты мрачными, отчаянными мыслями невѣрія въ жизнь. «Къ чему все это, когда завтра начнутся муки смерти со всею мерзостью лжи, самообмана, и кончится ничтожествомъ нулемъ для себя», — писалъ Толстой Фету 17 окт. 1860 года. И еще, въ томъ же письмѣ: «хуже смерти ничего нѣтъ. А какъ хорошенько подумать, что она все-таки конецъ всего, такъ и хуже жизни ничего нѣтъ»... Хорошо тѣмъ, кто можетъ тѣшить себя мыслью о загробномъ свиданіи, «а мои мертвые исчезли, какъ сгорѣвшее дерево»,—писалъ въ тотъ же день Толстой въ другомъ письмѣ. Дорого далъ-бы теперь Толстой, чтобы вернуться къ прежней вѣрѣ, о которой всего годомъ ранѣе онъ говорилъ, какъ о твердомъ, вѣчномъ фактѣ: «я нашелъ,—говорилъ Толстой о своихъ религіозныхъ исканіяхъ эпохи кавказской жизни,—я нашелъ простую, старую вещь, но которую я знаю такъ, какъ никто не знаетъ,—я нашелъ, что есть безсмертіе»... (письмо къ гр. А. А. Толстой отъ мая 1859 года). Но вотъ прошло всего полтора года, и въ письмѣ къ той же собесѣдницѣ Толстой говоритъ

о мертвыхъ, исчезающихъ, какъ сгорѣвшее дерево... Черезъ нѣсколько лѣтъ Толстой снова пишетъ ей же о своемъ возрожденномъ знаніи: «я теперь уже знаю, что у меня есть душа и безсмертная, и знаю, что есть Богъ» (письмо отъ 14 ноября 1865 г.); но и эта воскресшая вѣра снова погибла, такъ же какъ и въ первый разъ. Геніально сказалъ самъ о себѣ Толстой въ отмѣченномъ выше письмѣ 1859 года: «жизнь у меня дѣлаетъ религію, а не религія жизнь»... И теперь, послѣ зрѣлища смертной казни, послѣ смерти брата—жизнь привела его къ временной вспышкѣ религіи отчаянія, безвѣрія, къ отрицанію самой жизни. А жить надо было, и хотѣлось жить.

Въ этомъ настроеніи полу-вѣры и полу-невѣрія были созданы Толстымъ художественныя произведенія 1859—1861 гг.: разсказъ «Три смерти», повѣсть «Поликушка», романъ «Семейное счастіе» и исторія «Холстомѣра». Романъ «Семейное счастіе» (1859 г.)—наименѣе извѣстное изъ всѣхъ произведеній Толстого. Въ романѣ этомъ Толстой продолжилъ до возможнаго пересѣченія съ жизнью тотъ дѣйствительный романъ, который онъ пережилъ еще въ 1856 г. Любовь его къ свѣтской барышнѣ В. Арсеньевой едва не закончилась бракомъ; они разошлись только потому, что невѣста Толстого оказалась слишкомъ склонной къ свѣтскимъ развлеченіямъ, а перевоспитать ее Толстой, какъ ни старался, не могъ. Что было бы, если бы они не разошлись?—на эту тему написанъ романъ «Семейное счастіе». Героиня (во второй части романа) также увлечена свѣтской жизнью, мужъ также тщетно пытается ее перевоспитать и, наконецъ, предоставляетъ сдѣлать это самой жизни. «Всѣмъ намъ,—говоритъ онъ потомъ женѣ,—особенно вамъ, женщинамъ, надо прожить самимъ весь вздоръ жизни, для того чтобы вернуться къ самой жизни; а другому вѣрить нельзя. Ты еще далеко не прожила тогда этотъ прелестный и милый вздоръ, и я оставлялъ тебѣ выживать его и чувствовалъ, что не имѣлъ права стѣснять тебя, хотя для меня уже давно прошло время»... Въ этихъ словахъ—вся суть романа, который кончается возвращеніемъ жены къ семейнымъ пенатамъ; мужъ съ

женой сторонятся отъ жизни и даютъ дорогу новому поколѣнію—своимъ дѣтямъ. Романъ этотъ, несмотря на прелестную поэтическую первую часть, вполнѣ заслуженно затѣненъ другими произведеніями Л. Толстого; причина этого та, что онъ почти совсѣмъ лишенъ обычной толстовской «сукровицы». Тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ несомнѣнное автобіографическое значеніе, которое станетъ еще яснѣе послѣ опубликованія неизданной доселѣ переписки между Л. Н. Толстымъ и его временной невѣстой.—Самъ Толстой очень низко цѣнилъ это свое произведеніе. «Горе у меня,—писалъ онъ 3 мая 1859 г. своей родственницѣ, гр. А.А. Толстой:—моя «Анна» (такъ называлъ Толстой романъ «Семейное счастіе»), какъ я пріѣхалъ въ деревню и перечелъ ее, оказалась такая постыдная гадость, что я не могу опомниться отъ сраму, и, кажется, больше никогда писать не буду. А она ужъ напечатана. И въ этомъ не утѣшайте меня. Я знаю, что я знаю»... [18]). Это строго, но близко къ истинѣ: романъ этотъ значительно ниже таланта Толстого, романъ блѣдный, безкровный и совершенно лишенный обычной толстовской «сукровицы».

Зато безспорно съ «сукровицей»—два другихъ произведенія той же эпохи: разсказъ «Три смерти» (1859 г.) и повѣсть «Поликушка». Проблема смерти и проблема смысла смерти не переставала мучить Толстого послѣ Севастополя, послѣ Парижа. Какъ, на какой почвѣ можно примириться со смертью? И какія теоріи прогресса могутъ помочь въ этомъ дѣлѣ? «Лучшіе и счастливѣйшіе» въ жизни—это Альбертъ и нищій пѣвецъ: мы это уже слышали отъ Толстого; пусть такъ,—но кто же лучшіе и счастливѣйшіе въ смерти? Ибо вѣдь это старая истина, со временъ Солона и Креза, что въ понятіе счастья человѣка входитъ счастливая смерть. На эту тему и написанъ Толстымъ его классическій разсказъ «Три смерти». Тяжело и мучительно умираетъ молодая и богатая дама, судорожно цѣпляясь за жизнь, цѣпляясь за христіанскія утѣшенія, умираетъ съ отчаяніемъ, плачемъ, ропотомъ на судьбу; просто и спокойно умираетъ отъ такой же мучительной болѣзни мужикъ въ тѣсной избѣ, просто и спокойно смотрятъ

на эту смерть и онъ самъ, и всѣ окружающіе его; красиво и покорно умираетъ дерево въ лѣсу, падая подъ ударами топора на росистую траву. Живыя деревья «еще радостнѣе красовались на новомъ просторѣ»; взошедшее солнце освѣтило вѣчную жизнь въ лѣсу, «и вѣтви живыхъ деревъ медленно, величаво зашевелились надъ мертвымъ поникшемъ деревомъ». Вотъ — идеалъ смерти, смерти внѣ всякихъ ложныхъ утѣшеній, смерти на груди природы и въ единствѣ съ нею: лучшій и счастливѣйшій въ смерти тотъ, кто отходитъ отъ жизни просто, спокойно, покорно, величаво, красиво. Живому же остается въ назиданіе вѣчная языческая мудрость: спящій въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій. Но и здѣсь, среди живущихъ,—какая разница между «пользующимся жизнью» мужемъ умирающей дамы, который, лицемѣрно вздыхая, прожевываетъ бутербродъ, безсознательно радуясь, что это не онъ, а жена его умираетъ; какая разница, повторяю, между этимъ человѣкомъ, который якобы «пользуется жизнью», и вѣчнымъ трепетаніемъ жизни деревьевъ надъ погибшимъ собратомъ! Лучшая и счастливѣйшая и жизнь, и смерть— только на груди природы, въ вѣчномъ единеніи съ нею: такова «сукровица» этого замѣчательнаго разсказа Толстого, тоже направленнаго своимъ остріемъ противъ духовныхъ результатовъ «цивилизаціи» и прогресса, противъ культуры, уводящей человѣка отъ природы.

Но есть еще и другая сторона въ этомъ разсказѣ, о которой самъ Толстой говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: это —противопоставленіе христіанскаго языческому, противопоставленіе тѣхъ двухъ членовъ символа вѣры, которые Толстой тщетно пытался соединить еще въ «Казакахъ». Принципъ этическій— христіанство, эстетическій—язычество: примиримы ли они? и какъ? и почему? Вотъ что говоритъ самъ Толстой объ этомъ своемъ разсказѣ: «моя мысль была: три существа умерли—барыня, мужикъ и дерево. Барыня жалка и гадка, потому что лгала всю жизнь и лжетъ передъ смертью. Христіанство, какъ она его понимаетъ, не рѣшаетъ для нея вопроса жизни и смерти. Зачѣмъ умирать,

когда хочется жить? Въ обѣщанія будущія христіанства она вѣритъ воображеніемъ и умомъ, а все существо ея становится на дыбы, и другого успокоенія (кромѣ ложно-христіанскаго) нѣту,—а мѣсто занято. Она гадка и жалка. Мужикъ умираетъ спокойно, именно потому, что онъ не христіанинъ. Его религія другая, хотя онъ по обычаю и исполнялъ христіанскіе обряды; его религія—природа, съ которой онъ жилъ. Онъ самъ рубилъ деревья, сѣялъ рожь и косилъ ее, убивалъ барановъ, и рожались у него бараны, и дѣти рожались, и старики умирали, и онъ знаетъ твердо этотъ законъ, отъ котораго онъ никогда не отворачивался, какъ барыня, и прямо, просто смотрѣлъ ему въ глаза. «Un brute», вы говорите,—да чѣмъ же дурно un brute? Un brute есть счастье и красота, гармонія со всѣмъ міромъ, а не такой разладъ, какъ у барыни. Дерево умираетъ спокойно, честно и красиво. Красиво—потому что не лжетъ, не ломается, не боится, не жалѣетъ. Вотъ моя мысль, съ которой вы, разумѣется, не согласны, но которую оспаривать нельзя—это есть и въ моей душѣ, и въ вашей... Во мнѣ есть, и въ сильной степени, христіанское чувство; но и это есть, и это мнѣ дорого очень. Это чувство правды и красоты, а то чувство личное—любви, спокойствія. Какъ это соединяется—не знаю и не могу растолковать; но сидятъ кошка съ собакой въ одномъ чуланѣ—это положительно»... [19]). Три года спустя, когда Толстой заканчивалъ и отдѣлывалъ для печати своихъ «Казаковъ», набросанныхъ еще въ 1852 году, онъ вернулся ко всему этому ряду мыслей и чувствъ: въ Оленинѣ мы и видѣли соединеніе «христіанскаго чувства» съ чувствомъ природы, съ философіей «великаго язычника» дяди Ерошки. Но тамъ-же мы видѣли и полную неудачу такого соединенія «кошки съ собакой въ одномъ чуланѣ»: цивилизація и прогрессъ уводятъ человѣка отъ природы и ставятъ его мораль въ противорѣчіе съ его чувствами. Такъ и въ разсказѣ «Три смерти»: счастіе и красота, гармонія со всѣмъ міромъ тѣмъ недоступнѣе, чѣмъ дальше человѣкъ (и вообще живое существо) уходитъ отъ этого міра первозданной природы.

Нѣкоторые отзвуки этихъ настроенiй есть и въ «Холстомѣрѣ» (1861 г.), хотя построенiе этого разсказа совершенно иное. Разсказъ стараго рысака о своей минувшей жизни, загубленной людьми, табунъ, ночь, пофыркиванiе лошадей, ихъ молчаливое вниманiе,—все это было ново и для Толстого, и для русской литературы той эпохи. Сопоставленiе жизни, старости и смерти бывшаго рысака Холстомѣра и бывшаго богача, хозяина его, князя Серпуховскаго, проведено въ характерныхъ «толстовскихъ» тонахъ: рысакъ даже послѣ смерти служитъ собою другимъ жизнямъ—волчица кормитъ имъ своихъ дѣтей; а «ходившее по свѣту ѣвшее и пившее мертвое тѣло Серпуховскаго убрали въ землю гораздо послѣ. Ни кожа, ни мясо, ни кости его никуда не пригодились»... Не въ этой обычной толстовской темѣ, однако, прелесть разсказа; главное значенiе и прелесть его—въ тонкихъ, глубоко наблюдательныхъ описанiяхъ жизни табуна, лошадиной сноровки , игры, любви, злобы. Громадное мастерство всѣхъ этихъ описанiй несомнѣнно, но самый планъ разсказа страдаетъ значительнымъ недостаткомъ: авторъ заставилъ Холстомѣра разсказывать табуну лошадей не только то, что условно можно вложить въ пониманiе лошади, но и то, чего вложить безусловно нельзя. Именно поэтому впечатлѣнiе падаетъ, когда, волею автора, Холстомѣръ разсказываетъ лошадямъ не только о своихъ ощущенiяхъ и воспоминанiяхъ, но также и о любовницѣ князя Серпуховскаго, о восьмистахъ рубляхъ, о бобровомъ сѣдомъ воротникѣ и т. п. Читатель принимаетъ условность, но самый замыселъ все-таки признаетъ неудачей. Впослѣдствiи, въ «Аннѣ Карениной» Толстой показалъ, какъ надо трактовать подобную тему въ главѣ, посвященной скачкамъ и лошади Фру-фру.

Еще одно произведенiе той же эпохи—повѣсть «Поликушка» (1861 г.). Толстой отзывался о ней пренебрежительно: «П о л и к у ш к а, —писалъ онъ Фету,—болтовня на первую попавшуюся тему человѣка, который владѣетъ перомъ; а К а з а к и — съ сукровицей, хотя и плохо». Онъ былъ несправедливъ къ самому себѣ, хотя, повидимому, «Поликушка» написанъ дѣйствительно

случайно. Весною 1861 года Толстой заканчивалъ свое второе заграничное путешествіе (о которомъ будетъ еще рѣчь ниже); пріѣхавъ изъ Лондона въ Брюссель, на пути въ Россію, онъ узналъ о манифестѣ 19 февраля 1861 года, объ отмѣнѣ крѣпостного права. И здѣсь же, въ Брюсселѣ, онъ написалъ (въ мартѣ—апрѣлѣ 1861 года) повѣсть изъ эпохи крѣпостного права—«Поликушку», написалъ какъ будто «случайно», «на первую попавшуюся тему». Точно также лѣтъ десять спустя Толстой «случайно» началъ писать «Анну Каренину», подъ вліяніемъ прозы Пушкина... Конечно, и то, и другое совершенно невѣрно по существу: послѣдній толчокъ былъ, конечно, данъ манифестомъ и Пушкинымъ, но для того, чтобы толчокъ этотъ могъ привести въ движеніе Толстого, въ немъ должна была предварительно совершиться большая (а по отношенію къ «Аннѣ Карениной»—даже громадная) внутренняя работа. И мы даже могли бы въ общихъ чертахъ уяснить себѣ эту внутреннюю работу Толстого по отношенію къ вопросу крѣпостного права, обратившись къ его произведеніямъ и письмамъ пятидесятыхъ годовъ. Рядъ главъ въ «Дѣтствѣ», «Отрочествѣ» и особенно «Юности», отрывокъ «Утро помѣщика», рядъ писемъ Толстого той эпохи показываетъ, какъ чутко относился къ этому вопросу Толстой, хотя и не дѣлая себѣ изъ него никакой «Аннибаловой клятвы». Особенно ужаснуло его крѣпостное безправіе, когда онъ вернулся осенью 1857 года изъ за границы; онъ писалъ тогда изъ Ясной Поляны своей теткѣ гр. А. А. Толстой: «въ Россіи скверно, скверно, скверно. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ всѣ что-то кричатъ, негодуютъ, ожидаютъ чего-то, а въ глуши все то же происходитъ, патріархальное варварство, воровство и беззаконіе. Повѣрите ли, что, пріѣхавъ въ Россію, я долго боролся съ чувствомъ отвращенія къ родинѣ, и теперь только начинаю привыкать ко всѣмъ ужасамъ, которые составляютъ вѣчную обстановку нашей жизни»... И онъ разсказываетъ свои впечатлѣнія: какъ барыня на улицѣ палкой била свою дѣвку, «какъ мой бурмистръ, желая услужить мнѣ, наказалъ загулявшаго садовника тѣмъ, что, кромѣ побой, послалъ его

босого по живнью стеречь стадо, и радовался, что у садовника всѣ ноги были въ ранахъ»... Десятки, сотни подобныхъ впечатлѣній безсознательно накапливались въ душѣ Толстого, такъ что и «случайно» написанный «Поликушка» оказался не «болтовней на первую попавшуюся тему», а глубоко выношеннымъ и сильнымъ произведеніемъ. «Прочелъ я Поликушку Толстого,—писалъ тогда же въ одномъ изъ своихъ писемъ Тургеневъ, и удивлялся силѣ этого крупнаго таланта. Только ужъ матеріалу больно много потрачено, да и сынишку онъ напрасно утопилъ. Ужъ очень страшно выходитъ. Но есть страницы поистинѣ удивительныя. Даже до холода въ спинной кости пробираетъ, а вѣдь она у насъ и толстая, и грубая».

Этотъ отзывъ очень вѣренъ; но все-таки въ повѣсти этой нѣтъ въ сущности никакого нагроможденія ужасовъ,—и именно отъ того впечатлѣніе особенно сильно. Помѣщица, барыня—вовсе не какая-нибудь жестокая Салтычиха, а просто добродушная, безтолковая, болтливая деревенская дама; приказчикъ Егоръ Михайлычъ—тоже степенный, солидный, не жестокій толстовскій бурмистръ. И все-таки самый строй крѣпостной жизни таковъ, что, не оправдавъ довѣрія сентиментальной помѣщицы, Поликей повѣсился,—а отъ этого и жена его, Акулина, сошла съ ума, и грудной ребенокъ ихъ утонулъ въ корытѣ. Здѣсь не нагроможденіе ужасовъ, какъ полагалъ Тургеневъ, а только развитіе той темы, о которой Толстой не переставалъ думать со времени начала «вѣры въ прогрессъ» и особенно со времени смерти его брата Николая (20 сент. 1860 г.), о которой мы упоминали выше. Въ дневникѣ отъ конца ноября 1860 года Толстой, между прочимъ, записываетъ: «умеръ въ мученіяхъ мальчикъ 13 лѣтъ отъ чахотки. За что?» Никакія теоріи прогресса не могли бы объяснить это Толстому; и именно эта тема мимолетно проходитъ въ концѣ «Поликушки», тамъ, гдѣ, по Тургеневу, «ужъ очень страшно выходитъ». И такимъ образомъ вопросъ о крѣпостномъ безправіи русскаго мужика расширяется и переходитъ—какъ вездѣ у Толстого—въ вопросъ о своего рода крѣпостномъ правѣ всего человѣчества

предъ лицомъ неумолимыхъ законовъ природы, законовъ «прогресса».

Всѣ эти произведенія Толстого эпохи 1857—1861 гг. были написаны имъ, повторяю, въ состояніи полу-вѣры и полу-невѣрія въ жизнь и въ современныя формы культуры; подъ разными углами зрѣнія эти мысли проводятся и въ «Люцернѣ», и въ «Поликушкѣ», и въ разсказѣ «Три смерти». Разочаровавшись въ формахъ жизни, Толстой не разочаровался еще въ жизни вообще, не разувѣрился въ «прогрессѣ»; наоборотъ, именно въ это самое время онъ весь отдался большой работѣ строительства жизни—образованія новыхъ поколѣній. «Вернувшись изъ-за границы,—вспоминалъ впослѣдствіи Толстой,—я поселился въ деревнѣ и напалъ на занятіе крестьянскими школами. Занятіе это было мнѣ особенно по сердцу, потому что въ немъ не было той, ставшей для меня очевидною, лжи, которая уже рѣзала мнѣ глаза въ дѣятельности литературнаго учительства. Здѣсь я тоже дѣйствовалъ во имя прогресса, но я уже относился критически къ самому прогрессу. Я говорилъ себѣ, что прогрессъ въ нѣкоторыхъ явленіяхъ своихъ совершался неправильно, и что вотъ надо отнестись къ первобытнымъ людямъ, крестьянскимъ дѣтямъ, совершенно свободно, предлагая имъ избрать тотъ путь прогресса, который они захотятъ... Послѣ года, проведеннаго въ занятіяхъ школой, я въ другой разъ поѣхалъ за-границу, чтобы тамъ узнать, какъ бы это такъ сдѣлать, чтобы, самому ничего не зная, умѣть учить другихъ»... [20]) Вернувшись изъ этой второй заграничной поѣздки (1860—1861 гг.), Толстой съ новой энергіей взялся за школу и сталъ въ 1862 году издавать свой журналъ, посвященный школѣ—«Ясную Поляну». Въ журналѣ этомъ помѣщенъ рядъ замѣчательныхъ статей Толстого, особенно «Воспитаніе и образованіе», и «Прогрессъ и опредѣленіе образованія»; не говоримъ уже объ «отчетахъ» по веденію ясно-полянской школы,—вмѣсто отчетовъ подъ перомъ Толстого рождались незабываемо-яркія художественныя статьи.

Эта педагогическая дѣятельность привела Толстого къ окон-

чательному кризису и безъ того пошатнувшейся вѣры его въ прогрессъ. «Литературное учительство»—мы только что слышали это отъ Толстого—стало для него ложью, и стало именно потому, что нельзя было учить и проповѣдывать, не имѣя твердой вѣры. По поводу тургеневскаго «Накануне» Толстой писалъ въ началѣ 1860 года: «вотъ мое мнѣніе: писать повѣсти вообще напрасно, а еще болѣе такимъ людямъ, которымъ грустно и которые не знаютъ хорошенько, чего они хотятъ отъ жизни»... Такъ писалъ онъ о Тургеневѣ, но думалъ это о себѣ. Подходя въ такомъ настроеніи къ педагогической дѣятельности, Толстой, разумѣется, не могъ и не хотѣлъ передать это настроеніе дѣтямъ. Дѣти крестьянскія, какъ и всякія дѣти, твердо знаютъ, чего они хотятъ отъ жизни; педагогу остается только насыщать ихъ любознательность, передавать имъ свои свѣдѣнія,—но никакъ не свое настроеніе, свое міропониманіе. Отсюда—главный выводъ, выраженный въ статьѣ «Воспитаніе и образованіе» (1862 г.): «образованіе и воспитаніе суть два различныя понятія; образованіе—свободно, и потому законно и справедливо; воспитаніе—насильственно, и потому незаконно и несправедливо, не можетъ быть оправдываемо разумомъ и потому не можетъ быть предметомъ педагогики».

Этотъ рядъ мыслей былъ характеренъ не только для Толстого той эпохи,—не менѣе характеренъ былъ онъ и для самой эпохи «эмансипаціи личности», всяческаго освобожденія. Достаточно вспомнить аналогичную проповѣдь Писарева, который въ то самое время категорически заявлялъ, что воспитаніе есть насиліе надъ личностью, что воспитывать—«безчестно и нелѣпо», что «умный и широко развитый человѣкъ никогда не рѣшится воспитывать ребенка», что «человѣкъ, дѣйствительно уважающій человѣческую личность, долженъ уважать ее въ своемъ ребенкѣ, начиная съ той минуты, когда ребенокъ почувствовалъ свое *я* и отдѣлилъ себя отъ окружающаго міра. Все воспитаніе должно измѣниться подъ вліяніемъ этой идеи»... Писаревъ говорилъ все это какъ разъ въ то самое время, когда и Толстой высказывалъ совершенно аналогичныя, почти тождественныя мысли о воспи-

таніи; все, что говорилъ Писаревъ—все это буквально совпадаетъ съ положеніями Толстого, заявляющаго, что «права воспитанія не существуетъ. Я не признаю его, не признаетъ, не признавало и не будетъ признавать его все воспитываемое молодое поколѣніе, всегда и вездѣ возмущающееся противъ насилія воспитанія. Чѣмъ вы докажете это право?» Это мимолетное сравненіе показываетъ, насколько глубоко въ эпохѣ коренились педагогическія воззрѣнія Толстого, какое сильное вліяніе оказала (быть можетъ, незамѣтно для него) переживавшаяся тогда эпоха всяческой «эмансипаціи».

Но тутъ же надо особенно подчеркнуть и ту линію, идя по которой, Толстой разошелся съ своей эпохой, хотя и предвосхитивъ этимъ основныя положенія эпохи послѣдующей. И это было какъ разъ въ понятіи «прогресса». Когда въ отвѣтъ на его статью «Воспитаніе и образованіе» послышались возраженія, что право высшихъ классовъ вмѣшиваться въ народное образованіе оправдывается прогрессомъ, то послѣдніе остатки былой вѣры въ прогрессъ рухнули у Толстого. Еще въ началѣ 1860 года онъ записывалъ въ своемъ дневникѣ: «странная религія моя и религія нашего времени—религія прогресса... Это только отсутствіе вѣрованія и потребность созданной дѣятельности, облеченная въ вѣрованіе. Человѣку нуженъ порывъ, Schwung,—да». Толстой все больше и больше приходилъ къ мысли, что «прогрессъ есть логарифмъ времени, т. е. ничего, констатизмъ факта, что мы живемъ во времени» (по его мѣткому позднѣйшему выраженію въ письмѣ 1878 г. къ Страхову); и вдругъ онъ сталкивается съ оправданіемъ образовательнаго насилія понятіемъ этого самаго «прогресса» (въ возражающей Толстому статьѣ Евг. Маркова). Обдумывая свой отвѣтъ на эту статью, Толстой пришелъ къ окончательному разрушенію своей «религіи прогресса». Со статьей Маркова («Русск. Вѣстн.» 1862 г., № 5) Толстой ознакомился передъ самымъ отъѣздомъ своимъ на лѣто 1862 года въ Самарскую губернію, на кумысъ; и вотъ что записываетъ онъ въ своемъ дневникѣ 20 мая: «На пораходѣ. Какъ будто опять возрождаюсь къ жизни

и къ знанію ея. Мысль о нелѣпости прогресса преслѣдуетъ. Съ умнымъ и глупымъ, съ старикомъ и ребенкомъ бесѣдую объ одномъ». Результатомъ этихъ размышленій была замѣчательная статья «Прогрессъ и опредѣленіе образованія» («Отвѣтъ г-ну Маркову»). Статья эта была оцѣнена только впослѣдствіи, поколѣніемъ семидесятыхъ годовъ, соціалистами-народниками (Михайловскій).

Оправданіе прогрессомъ права «высшихъ классовъ» общества вмѣшиваться въ образованіе народа рѣзко оспаривается Толстымъ, и прежде всего потому, что цѣли, выгоды, интересы «народа» и «общества» далеко не охватываются однимъ и тѣмъ же словомъ «прогрессъ». Люди изъ высшихъ классовъ общества открыли общій законъ, «по которому все человѣчество двигается впередъ и безъ участія мысли, противоположной царствующимъ убѣжденіямъ. Мнимый этотъ законъ человѣчества называется прогрессъ... Я не держусь религіи прогресса, а кромѣ вѣры ничто не доказываетъ необходимости прогресса»... Что такое въ сущности прогрессъ?—спрашиваетъ Толстой и доказываетъ, что фраза «человѣчество движется впередъ», есть вовсе не законъ, а просто «констатизмъ факта, что мы живемъ во времени»... Но отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что «движеніе впередъ» равносильно «благу»: въ томъ-то и весь вопросъ, можно ли поставить здѣсь знакъ равенства. Толстой доказываетъ, что нельзя, что надо различать «прогрессъ цивилизаціи» и «прогрессъ общаго благосостоянія»: первый касается только высшихъ слоевъ общества, второй касается всего народа; первый есть прогрессъ «движеніе», второй—прогрессъ «благо». И эти два «прогресса» вовсе не совпадаютъ другъ съ другомъ. Для большинства «образованнаго» общества «весь интересъ исторіи заключается въ прогрессѣ цивилизаціи; для насъ же интересъ этотъ заключается въ прогрессѣ общаго благосостоянія. Прогрессъ же благосостоянія (это Толстой доказываетъ подробно) не только не вытекаетъ изъ прогресса цивилизаціи, но большею частью противоположенъ ей»... А если такъ, то оправдывать что бы то ни было

«прогрессомъ»—нельзя, ибо оправдывать можно только «благомъ», а не «движеніемъ впередъ». «П р о г р е с с ъ!.. Сказано слово п р о г р е с с ъ—и безсмыслица кажется яснымъ, и ясное кажется безсмыслицей. Благости прогресса я не признàю, пока мнѣ не докажутъ ея»...

Этотъ замѣчательный рядъ мыслей интересенъ для насъ въ трехъ отношеніяхъ. Прежде всего—онъ тѣсно связываетъ великаго человѣка съ его эпохой. Самъ того не зная, Толстой геніальной интуиціей дошелъ до тѣхъ выводовъ, къ которымъ въ это же время приходила изъ совершенно иныхъ исходныхъ пунктовъ русская соціалистическая мысль; но Толстой предвосхитилъ эти выводы на цѣлое десятилѣтіе. Противоположность между интересами «общества» и «народа», противоположность между двумя родами прогресса—прогрессомъ-эволюціей и прогрессомъ-благомъ: весь этотъ рядъ мыслей охарактеризовалъ собою впослѣдствіи исторію русской общественной мысли семидесятыхъ годовъ, при чемъ главные представители ея и не подозрѣвали, что задолго до нихъ Толстой съ громадной силой мысли высказалъ ихъ основныя положенія. Въ свое время Михайловскій, приступивъ къ изученію произведеній Толстого, былъ очень изумленъ, найдя въ его педагогическихъ статьяхъ 1862 года тѣ самыя основныя положенія критическаго народничества, которыя Михайловскій, идя вслѣдъ за Герценомъ, Лавровымъ и Чернышевскимъ, развивалъ въ семидесятыхъ годахъ.

Другой выводъ болѣе важенъ; онъ касается самого Толстого. Мы уже не одинъ разъ отмѣчали выше по разнымъ поводамъ единство всего творчества Толстого, отсутствіе въ немъ какого бы то ни было «перелома»; «Люцернъ» и педагогическія статьи являются самымъ разительнымъ примѣромъ. Тридцатью годами позднѣе Толстой продолжалъ развитіе того же ряда мыслей, которыя были имъ съ такой замѣчательной силой высказаны еще въ пятидесятыхъ-шестидесятыхъ годахъ. «Прогрессъ цивилизаціи»—вреденъ «народу»: это положеніе, обоснованное на религіозной почвѣ, легло во главу угла грандіозной соціально-этической системы.

воздвигнутой Толстымъ въ восьмидесятыхъ годахъ. Такъ въ главномъ, такъ и въ частностяхъ: въ своемъ мѣстѣ мы покажемъ непосредственную преемственность положеній между замѣчательными «отчетами» 1862 года о ясно-полянской школѣ и статьей 1897 года «Что такое искусство?»

Третій выводъ—самый важный: онъ касается глубокаго душевнаго кризиса, происшедшаго въ цѣльной натурѣ Толстого въ 1862 году и явившагося ближайшимъ результатомъ педагогическихъ занятій, а также и всего развитія Толстого послѣ Севастополя. Мы видѣли, какъ этотъ второй кризисъ въ жизни Толстого назрѣвалъ, начиная съ произведеній 1856 года, какъ все больше и больше Толстой терялъ вѣру въ «религію прогресса». Послѣднимъ ударомъ этой вѣрѣ была именно педагогическая дѣятельность Толстого: задавшись вопросомъ, чему и какъ учить крестьянскихъ дѣтей, Толстой послѣдовательно поднималъ слои все болѣе и болѣе глубокихъ вопросовъ, пока не дошелъ до основного, послѣдняго—что такое п р о г р е с с ъ, во имя котораго надо учить? Углубившись въ рѣшеніе, онъ потерялъ послѣднюю вѣру въ ту «религію прогресса», которой онъ, по его же словамъ, жилъ въ 1856—1862 гг.

Такъ заключился второй кризисъ въ жизни и міропониманіи Толстого. Въ «Исповѣди» онъ самъ разсказываетъ, какъ онъ впалъ отъ этого въ отчаяніе, какъ онъ «заболѣлъ болѣе духовно, чѣмъ физически, бросилъ все и поѣхалъ въ степь къ башкирамъ—дышать воздухомъ, пить кумысъ и жить животною жизнью»... Начинался третій періодъ жизни и творчества Толстого, періодъ полнаго расцвѣта его духовныхъ и творческихъ силъ, ознаменованный въ области художественнаго творчества созданіемъ двухъ грандіозныхъ эпопей, а въ области философскаго и религіознаго творчества—созданіемъ безсознательнаго, но глубокаго и яркаго міропониманія.

III.

«Войну и миръ» Л. Толстой началъ писать въ концѣ 1863 года. Онъ уже годъ былъ женатъ и совершенно счастливъ; ему казалось, что всѣ его былыя мученія, исканія вѣръ, религіозные кризисы отошли въ прошлое, что ни религія, ни вѣра: ни исканія ему больше не нужны. «Новыя условія счастливой семейной жизни—писалъ онъ впослѣдствіи въ «Исповѣди»—совершенно уже отвлекли меня отъ всякаго исканія общаго смысла жизни... Стремленіе къ усовершенствованію, подмѣненное уже прежде стремленіемъ къ усовершенствованію вообще, къ прогрессу, теперь подмѣнились уже прямо стремленіемъ къ тому, чтобы мнѣ съ семьей было какъ можно лучше. Такъ продолжалось пятнадцать лѣтъ. Несмотря на то, что я считалъ писательство пустяками въ продолженіе этихъ пятнадцати лѣтъ, я все-таки продолжалъ писать... и предавался писательству, какъ средству къ улучшенію своего матеріальнаго положенія и заглушенію въ душѣ всякихъ вопросовъ о смыслѣ жизни моей и общей. Я писалъ, поучая тому, что для меня было единой истиной—что надо жить такъ, чтобы самому съ семьей было какъ можно лучше»... За эти пятнадцать лѣтъ, о которыхъ говоритъ Толстой (1862—1877 гг.), имъ написаны двѣ эпопеи, историческая и психологическая, «Война и миръ» и «Анна Каренина»,—и вотъ въ чемъ весь ихъ смыслъ видѣлъ впослѣдствіи Толстой!.. Если это такъ, то тогда писательство дѣйствительно «пустяки»; если же это не такъ, то, стало быть, Толстой самъ не замѣчалъ того глубокаго «исканія общаго смысла жизни», какое проходитъ черезъ обѣ его эпопеи. Послѣднее несомнѣнно вѣрно, и мы это увидимъ; великія художественныя ин-

туиціи часто бываютъ подсознательны и открываются только позднѣйшимъ поколѣніямъ. Такъ было съ Шекспиромъ; такъ было и съ «Войной и миромъ» Толстого.

Впрочемъ, въ только что приведенныхъ словахъ Толстого кое-что соотвѣтствовало дѣйствительности. Начиная писать великую эпопею, онъ былъ всецѣло поглощенъ счастіемъ своей семейной жизни, ушелъ въ себя и охладѣлъ на время ко всему тому, что не затрагивало непосредственно его «я». Для того, чтобы религія прогресса замѣнилась религіей жизни, Толстому надо было пройти черезъ узкій мостъ крайняго индивидуализма, и только пройдя его, понять, что внѣ общества, внѣ народа, внѣ жизни другихъ — жизнь моя становится узкой, сжатой, ограниченной. Начиная «Войну и миръ», Толстой еще не видѣлъ, не сознавалъ всего этого. «Я никогда не чувствовалъ свои умственныя и даже всѣ нравственныя силы столько свободными и столько способными къ работѣ,—писалъ Толстой своей родственницѣ, гр. А. Толстой, въ концѣ 1863 года:—и работа эта есть у меня. Работа эта—романъ изъ времени 1810 и 20-хъ годовъ, который занимаетъ меня вполнѣ съ осени. Доказываетъ ли это слабость характера или силу,—я иногда думаю и то, и другое,— но я долженъ признаться, что взглядъ мой на жизнь, на народъ и на общество теперь совсѣмъ другой, чѣмъ тотъ, который у меня былъ въ послѣдній разъ, какъ мы съ вами видѣлись (это было весною 1859 года, когда вѣрою Л. Толстого еще была религія прогресса). Ихъ можно жалѣть, но любить—мнѣ трудно понять, какъ я могъ такъ сильно. Все-таки я радъ, что прошелъ черезъ эту школу; эта послѣдняя моя любовница меня очень формировала»... Толстой былъ правъ: недаромъ прошелъ онъ черезъ школу религіи прогресса, ибо только отсюда могъ онъ взять то преодолѣніе своего крайняго индивидуализма, которое лежитъ уже въ самой концепціи «человѣчества»—въ главномъ понятіи религіи прогресса. Все это сказалось вскорѣ; но къ писанію «Войны и мира» Толстой приступилъ безъ всякихъ подобныхъ теоретическихъ построеній: «я не копаюсь въ своемъ

положеніи и въ своихъ чувствахъ, а только чувствую»—писалъ Толстой въ томъ же письмѣ. Философія «Войны и мира» была создана не разумомъ, а геніальной подсознательной художественной интуиціей.

Извѣстно, какъ подошелъ Толстой къ темѣ этого эпическаго романа. Въ 1863 году онъ задумалъ писать романъ «Декабристы» и сталъ уже собирать матеріалы. «Стремясь возсоздать время декабристовъ,—говоритъ гр. С. А. Толстая,—онъ невольно переходилъ мыслью къ предыдущему времени, къ прошлому своихъ героевъ. Постепенно передъ авторомъ раскрывались все глубже и глубже источники тѣхъ явленій, которыя онъ задумывалъ описать: семья, воспитаніе, общественныя условія и проч. избранныхъ имъ лицъ»... Такъ подошелъ Толстой къ эпохѣ наполеоновскихъ войнъ и сталъ писать романъ «Война и миръ», въ эпилогѣ котораго онъ дошелъ и до начала движенія декабристовъ.

Семья, воспитаніе, общественная среда и вообще вся жизнь главныхъ героевъ «Войны и мира» были хорошо извѣстны Толстому и внѣ процесса художественнаго творчества: богатымъ матеріаломъ ему послужили семейныя воспоминанія, впечатлѣнія дѣтства, разсказы тетушекъ, одна изъ которыхъ стала даже героиней романа. Стоитъ только обратиться къ «Воспоминаніямъ дѣтства» Толстого, написаннымъ въ 1905 году, чтобы найти въ нихъ почти всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ «Войны и мира». Дѣдъ Л. Толстого, графъ Илья Андреевичъ Толстой, воспроизведенъ въ романѣ подъ именемъ графа Ильи Андреевича Ростова; графиня Ростова—бабушка Л. Толстого, Пелагея Николаевна, вполнѣ вѣрно нарисованная въ романѣ; сынъ ихъ Николай, отецъ Толстого—одинъ изъ главныхъ героевъ «Войны и мира», Николай Ростовъ; Соня—Т. А. Ергольская, о которой мы уже нѣсколько разъ упоминали; Княжна Марья—мать Л. Толстого, Марія Волконская; отецъ ея князь Н. С. Волконскій—старикъ князь Болконскій романа; даже m-lle Bourienne романа была въ жизни—m-lle Enitienne, компаньонка княжны Маріи.

Даже «чернопѣгая Милка» была дѣйствительно любимой собакой отца Л. Толстого...

Списокъ этотъ можно было бы значительно удлинить; можно было бы найти въ воспоминаніяхъ Л. Толстого еще многихъ другихъ дѣйствующихъ лицъ «Войны и мира»; мало того—весь скелетъ романа между Николаемъ и Соней до мельчайшихъ подробностей взятъ изъ жизни отца Л. Толстого и изъ жизни Т. А. Ергольской. Княжна Марья, ея дневники, хозяйство Николая Ростова, обожженная горячей линейкой рука, имѣніе Лысыя Горы (Ясная Поляна)—все, важное и мелкое, черпалъ Толстой изъ дѣйствительной жизни, для того чтобы въ своемъ романѣ возвести это къ высшей дѣйствительности художественнаго творчества. Такимъ образомъ, въ «Войнѣ и мирѣ» мы имѣемъ лучшее введеніе къ біографіи самого Л. Толстого—имѣемъ ту среду, ту почву, на которой онъ выросъ «изъ земли къ небесамъ». Этотъ полу-великосвѣтскій, «средне-высшій» кругъ былъ въ первой половинѣ XIX вѣка той средой, изъ которой выходила почти вся «интеллигенція» той эпохи, изъ которой вышла вся литература того времени. Наивный эпикуреизмъ, всегда господствующій въ этой средѣ, не переходилъ въ интеллигенцію и литературу, но когда переходилъ, то выражался въ безконечно углубленныхъ формахъ, преображался въ гармонію радости и страданія: такимъ было, напримѣръ, глубочайшее содержаніе поэзіи Пушкина, ярче всего выраженное въ его «Евгеніи Онѣгинѣ». Но недаромъ же «Евгеній Онѣгинъ» оказалъ на Толстого, по его же собственному признанію, «очень большое вліяніе». Религія жизни, апостоломъ которой былъ Пушкинъ, полвѣка спустя нашла не менѣе глубокое выраженіе въ «Войнѣ и мирѣ» Толстого,—и самъ Толстой этого не сознавалъ. А между тѣмъ глубокое утвержденіе жизни, принятіе мукъ и страданій и творческое претвореніе ихъ въ силу и радость жизни—въ этомъ весь главный смыслъ грандіознаго романа Толстого.

Громадная задача стояла передъ авторомъ. Мѣсто дѣйствія романа—вся Европа, отъ Волги до Аустерлица; дѣйствующія

лица—въ равной мѣрѣ и стотысячныя громады войска, и дѣвочка Наташа, и «великій Наполеонъ», и плѣнный солдатъ Платонъ Каратаевъ. Бородинское сраженіе и псовая охота, огромныя передвигающіяся полчища войскъ и чуть замѣтныя движенія души человѣка, массовыя убійства и незамѣтное личное горе, историческое свиданіе Александра съ Наполеономъ и встрѣча Пьера съ Наташей—въ одинъ клубокъ жизни соединяются всѣ эти историческія и «романическія» происшествія. Размотать этотъ клубокъ въ стройную нить романа авторъ могъ только въ томъ случаѣ, если бы ему удалось осмыслить, уяснить себѣ весь этотъ причинный рядъ явленій не только подъ угломъ зрѣнія «обстоятельства цѣли», но и съ точки зрѣнія «обстоятельства образа дѣйствій»: надо было уяснить себѣ не только, зачѣмъ все это дѣлалось, но и какъ все это происходило, каковы были побудительныя причины, психологическія основанія, почему то или иное должно было совершиться именно такъ, а не иначе. Задавшись всѣми этими вопросами, Толстой неизбѣжно пришелъ къ философскому обоснованію исторической и художественной стороны романа, при чемъ это философское обоснованіе онъ пожелалъ выразить не въ художественныхъ образахъ, а въ формѣ обширныхъ (особенно въ третьемъ и четвертомъ томѣ вводныхъ разсужденій на темы о власти, о свободѣ и необходимости, о волѣ и т. п. Это могло бы испортить обычный романъ; но чѣмъ дальше Толстой работалъ надъ этимъ своимъ произведеніемъ, тѣмъ меньше намѣревался онъ вложить его въ предписанныя теоріями словесности формы. «Что такое В о й н а и м и р ъ?—говорилъ самъ Толстой въ послѣсловіи: — это не романъ, еще менѣе поэма, еще менѣе историческая хроника. В о й н а и м и р ъ есть то, что хотѣлъ и могъ выразить авторъ въ той формѣ, въ которой оно выразилось»... И онъ правъ. «Война и миръ» это х у д о ж е с т в е н н о-и с т о р и к о - ф и л о с о ф с к а я эпопея, всѣ стороны которой—и художественная, и историческая, и философская—неразрывно сплетены другъ съ другомъ. Историческое событіе выражается въ художественномъ творчествѣ автора

«Войны и мира», преломляясь сквозь призму его философскихъ воззрѣній: таково построеніе каждой исторической сцены романа, таковъ и весь онъ въ своемъ цѣломъ.

Этой всепреломляющей призмой была для Л. Толстого, какъ извѣстно, философія фатализма. Не надо думать, что только въ «Войнѣ и мирѣ» Л. Толстой смотрѣлъ на жизнь сквозь эту призму; нѣтъ, и раньше, и позднѣе онъ всегда, хотя и подъ разными углами зрѣнія, былъ сторонникомъ этой философской теоріи которая, пожалуй, была вообще его житейской философіей. Вѣра въ «предопредѣленіе» всегда была вѣрой Толстого; уже въ серединѣ семидесятыхъ годовъ, когда Толстой искалъ гувернера для своихъ дѣтей, онъ писалъ: «я вѣрю, что не только помощникъ въ воспитаніи дѣтей, но и кучеръ, который наймется—предопредѣленъ» [21]). Въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ вѣра эта выразилась у Толстого въ новыхъ формахъ, не измѣнившись по существу; отъ теоріи безсилія личности онъ перешелъ къ теоріи всесилія личности, но личности, руководимой Богомъ, безъ воли котораго и волосъ упасть не можетъ. Объ этихъ позднѣйшихъ взглядахъ Л. Толстого у насъ еще будетъ рѣчь; здѣсь надо было только подчеркнуть, что историческая философія «Войны и мира» не была чѣмъ-то случайнымъ или временнымъ въ строѣ общихъ взглядовъ Л. Толстого.

Эта философія опредѣлила собою все освѣщеніе исторической стороны романа. Міровая исторія предопредѣлена свыше неизвѣстной намъ силой и неизвѣстнымъ намъ образомъ. Сила эта реальный фактъ жизни, а не наивная былая вѣра Толстого въ Провидѣніе, озабоченное уплатою его карточнаго долга. «Возвратиться къ прежнему вѣрованію въ непосредственное участіе Божества въ дѣлахъ человѣчества—...невозможно: вѣрованіе разрушено»,—заявляетъ самъ Толстой уже въ концѣ своей эпопеи [22]). Но въ то-же время вѣровать въ могущество личности въ этомъ историческомъ процессѣ Толстой не могъ: вѣдь и въ религіи прогресса онъ незадолго передъ этимъ разочаровался именно потому, что не отъ воли человѣка (будь онъ хоть въ десятки разъ

могущественнѣе Наполеона) зависитъ изъ прогресса-«движенія» сдѣлать прогрессъ-«благо», замѣнить эволюцію прогрессомъ. Личность безсильна въ историческомъ процессѣ. Особенно наглядно это безсиліе проявляется именно тамъ, гдѣ люди думаютъ, что это они двигаютъ событіями. Примѣръ—Наполеонъ. Онъ былъ увѣренъ, что это по его «волѣ» милліоны народа убиваютъ другъ друга, что дѣйствительно «маніемъ руки» онъ можетъ «двинуть полки»; но это была простая иллюзія, аберрація познанія. Въ дѣйствительности же Наполеонъ аналогиченъ тому маленькому мальчику, который, сидя внутри кареты и держась за какія-то тесемки, воображаетъ, что это онъ правитъ лошадьми. Наполеону противоположенъ Кутузовъ, который смутно сознаетъ, что носитель власти есть лишь лицо, «тѣмъ менѣе принимающее участіе въ дѣйствіи, чѣмъ болѣе лицо это выражаетъ мнѣнія, предположенія и оправданія совершающагося совокупнаго дѣйствія». Вотъ та историческая философія, которая легла въ основу «Войны и мира», и на которой только Толстой могъ выткать такія геніальныя по своей художественности и ясности картины, какъ Аустерлицъ, Бородино и особенно Шенграбенское сраженіе.

Что въ великомъ, то и въ маломъ; что въ диспозиціи какого-нибудь бородинскаго сраженія, то и въ «міровой диспозиціи», въ которую безсиленъ вмѣшаться хотя бы и Наполеонъ. Сраженіе рѣшается не диспозиціями, планами обходнаго движенія, а случайной психикой солдатской массы (при чемъ сама «случайность» фатально предопредѣлена) и цѣлою массою другихъ случайностей. Распоряжаться сраженіемъ такъ же невозможно, какъ и ходомъ всемірной исторіи; идеальный руководитель сраженія—человѣкъ, спокойно выражающій и соединяющій въ себѣ мнѣнія, предположенія и оправданія совершающагося совокупнаго дѣйствія. Таковъ Кутузовъ въ Бородинѣ, Багратіонъ въ Шенграбенѣ. Стремясь послѣдовательно провести этотъ взглядъ, Толстой иногда впадалъ въ непослѣдовательность; онъ не замѣчалъ, напримѣръ, что въ его описаніи аустерлицкой битвы этому

закону невозможности руководительства подчинены только союзники, колонны которыхъ путаются, приходятъ не туда, куда надо, и не тогда, когда надо, а Наполеонъ вѣрно и мѣтко осуществляетъ заранѣе задуманный планъ прорыва непріятельскаго центра. Психологически это понятно: военная теорія Толстого была основана на личномъ опытѣ севастопольской войны, на опытѣ Черной рѣчки, Федюхиныхъ высотъ, сраженія при Альмѣ и прочихъ печальныхъ опытахъ; въ своемъ «предисловіи», которое было по существу послѣсловіемъ къ «Войнѣ и миру» [23]), Толстой невольно обнаруживаетъ это, ссылаясь на свои севастопольскія впечатлѣнія и на мнѣніе одного боевого генерала, Муравьева-Карскаго... Толстой забылъ, что своимъ описаніемъ тактики Наполеона при Аустерлицѣ, онъ свелъ на нѣтъ и всѣ свои личныя впечатлѣнія, и всѣ мнѣнія какихъ бы то ни было боевыхъ генераловъ.

Но не въ этихъ противорѣчіяхъ дѣло, а въ томъ, насколько Толстому удалось претворить въ художественную плоть и кровь свои хотя бы и очень спорныя воззрѣнія; а это воплощеніе было совершено съ такой геніальной силой, что спорность теоріи отходила на задній планъ.

Борьба Толстого съ Наполеономъ—вотъ въ чемъ проявляется вся сущность исторической философіи «Войны и мира»; и если кто-нибудь остался побѣжденнымъ въ этой борьбѣ, то ужъ конечно не Толстой. Часто бываетъ, что художникъ, борясь съ ненавистной ему идеей, воплощаетъ ее въ соломенное чучело, въ неживого, картоннаго героя, котораго ему не трудно побѣдоносно уничтожить; такіе случаи—паденіе художника, его пораженіе. Такъ было, напримѣръ, съ Гончаровымъ, когда онъ сочинилъ и побѣдилъ Марка Волохова. Не то въ «Войнѣ и мирѣ»: Наполеонъ, съ которымъ борется Толстой—до жуткости живое лицо въ романѣ; онъ не историческая абстракція, а художественный типъ, хотя и является воплощеніемъ опредѣленной философской идеи. Историческое безсиліе личности—вотъ что онъ воплощаетъ въ романѣ, но эту отвлеченную идею онъ выражаетъ, какъ живое

лицо. Du glaubst zu schieben und du bist geschoben—этотъ стихъ Гёте Л. Толстой взялъ въ 1862 году эпиграфомъ къ своему педагогическому журналу «Ясная Поляна»; съ одинаковымъ правомъ онъ могъ бы поставить его и на «Войнѣ и мирѣ» и особенно на главахъ, посвященныхъ Наполеону. Съ геніальнымъ мастерствомъ обрисованы всѣ импульсы стихійной силы, которая толкаетъ Наполеона, въ то время какъ тому кажется, что это онъ движетъ народами и исторіей; и если гдѣ-либо и когда-либо происходило самое безпощадное «развѣнчиваніе героя», героя, вообще кумира массы, то это было сдѣлано именно Толстымъ въ «Войнѣ и мирѣ». Немногочисленныя сцены, въ которыхъ дѣйствуетъ или проходитъ Наполеонъ, написаны такъ мастерски, что и безъ всякихъ комментаріевъ отъ автора «развѣнчиваніе» совершается въ душѣ читателя силою одного художественнаго впечатлѣнія. Читатель уже не спрашиваетъ себя, правъ Толстой или нѣтъ въ своемъ «развѣнчиваніи» Наполеона, но видитъ и сознаетъ, что мало-по-малу блѣднѣетъ въ его глазахъ образъ этого «героя».

Сильный ударъ нанесъ Л. Толстой культу героевъ, но это не значило, чтобы онъ вообще отрицалъ «героическое въ исторіи»; онъ видѣлъ героевъ и любилъ ихъ, но только это были не Наполеоны, не «герои меча», а «герои духа»: такимъ былъ, напримѣръ, Платонъ Каратаевъ, это живое «олицетвореніе всего русскаго, добраго и круглаго», крестьянскаго и «хрестьянскаго», «непостижимое, круглое и вѣчное олицетвореніе духа простоты и правды». Не то что дѣйствіями массъ, но и внѣшней стороной одной своей жизни не могъ бы руководить Платонъ Каратаевъ; онъ чувствуетъ и знаетъ, что жизнь сильнѣе его, что каждый человѣкъ—только соломинка въ бурномъ потокѣ. И оттого онъ принимаетъ, не противясь, этотъ бурный потокъ жизни; но зато въ немъ самомъ, въ душѣ его, такая сила, которую никто и никогда сломить не можетъ. Онъ твердо знаетъ, чтò добро, и чтò зло, но знаетъ это не за себя одного, не какъ Платонъ Каратаевъ, а какъ органическая часть того цѣлаго, въ которомъ онъ живетъ. «Жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла, какъ отдѣльная

жизнь; она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ»...

Наполеонъ и Платонъ Каратаевъ—это два полюса, между которыми размѣщаются всѣ другіе «герои» романа. И чѣмъ больше въ человѣкѣ «каратаевскаго» начала, тѣмъ больше онъ подлинный «герой» въ глазахъ автора, герой, быть можетъ, незамѣтный въ потокѣ жизни, но подлинно великій въ своей сущности; наоборотъ, чѣмъ сильнѣе «наполеоновскій» элементъ, тѣмъ ниже стоитъ человѣкъ, думающій стоять очень высоко. Эти два элемента Толстой разграничилъ отчасти по національнымъ категоріямъ, выводя «каратаевщину» изъ духа русскаго народа, а «наполеоновское» начало приписывая французской почвѣ; но въ то же время онъ видѣлъ, что оба эти начала по существу общечеловѣчны и разбиваютъ рамки національностей. И, напримѣръ, въ одномъ и томъ же князѣ Андреѣ онъ показалъ духовный ростъ по направленію отъ «наполеоновскаго» къ «каратаевскому» элементу духа. Но любимые его герои, незамѣтные въ міровой исторіи Наташа, Соня, княжна Марья, Николай Ростовъ—всѣ они безсознательно полны «каратаевскаго» начала, какъ полны ткани растенія тѣми соками, которые незамѣтно поднялись по скрытымъ волокнамъ изъ глубины земли. Самопожертвованіе Сони, духовная «лучистость» княжны Марьи, групповое сознаніе Николая Ростова, его жизнь въ цѣломъ—все это въ большей или меньшей степени пронизано «каратаевскимъ» духомъ, и оттого всѣ эти незамѣтные люди—главные герои Л. Толстого. Таковы его неизвѣстные міру герои, но таковъ и Кутузовъ, который является тоже носителемъ «каратаевскаго» начала въ своемъ своеобразномъ пониманіи роли и значенія главнокомандующаго, въ своемъ отрицаніи значенія личности въ ходѣ историческихъ событій.

Таковъ общій смыслъ историко-философской части «Войны и мира»; другую сторону ея увидимъ мы, обращая вниманіе на художественно-философскую часть эпопеи. Обѣ эти части, обѣ эти стороны не только не взаимно противорѣчатъ, но тѣснѣйшимъ образомъ дополняютъ другъ друга. Полное отрицаніе роли

личности въ исторіи дополняется проповѣдью и признаніемъ великаго значенія всякой личности въ кипѣніи «настоящаго момента». Въ историческомъ процессѣ ничтоженъ самъ Наполеонъ, въ личной жизни—«всякій изъ насъ ежели не больше, то никакъ не меньше человѣкъ, чѣмъ всякій Наполеонъ». Въ исторіи личность поглащается фатально-предопредѣленнымъ процессомъ; но самая жизнь этой личности, жизнь въ семьѣ, въ обществѣ, на груди природы, есть жизнь полная, яркая, значительная. Недаромъ только года за два передъ «Войной и миромъ» Толстымъ былъ окончательно дорисованъ дядя Ерошка (изъ «Казаковъ»), великій апологетъ жизни самой по себѣ. Черезъ всю эпопею проходитъ эта художественная, безсознательная проповѣдь религіи жизни, выражающейся и въ семейномъ счастьѣ, и въ общественномъ строительствѣ, и въ поискахъ истины, въ духовныхъ исканіяхъ, въ радости, въ любви, отчаяніи, смѣхѣ, слезахъ—во всемъ, составляющемъ и внѣшность, и сущность жизни каждаго человѣка. Въ этомъ весь внутренній смыслъ художественной стороны романа, вся его глубокая подсознательная художественная философія, безмѣрно болѣе убѣдительная, чѣмъ могъ бы быть разсуждающій трактатъ на эту тему. И эта художественная философія проходитъ черезъ весь романъ, съ начала и до конца; въ эпилогѣ отдѣльныя нити связываются въ окончательный узелъ, подводится итогъ тому, что было ясно и на протяженіи всего романа. Великія исканія приводятъ къ этой религіи жизни, точно такъ же, какъ могутъ привести они и къ религіи смерти; и крестъ этихъ исканій возложенъ авторомъ на плечи двухъ героевъ романа—князя Андрея и Пьера, такихъ разныхъ и такъ другъ друга дополняющихъ. Другіе герои романа просто живутъ, эти два — мучительно ищутъ дорогу жизни; и не удивительно поэтому, что оба они—и Болконскій, и Безуховъ—являются отраженіемъ и воплощеніемъ души самого Толстого, мучительныхъ и великихъ его исканій вѣчныхъ цѣнностей. По этой же самой причинѣ это почти единственные главные герои романа, которые не имѣютъ своихъ прототиповъ въ воспо-

минаніяхъ Толстого: мы видѣли, что почти всѣ дѣйствующія лица, отъ Николая Ростова до чернопѣгой Милки, взяты Толстымъ изъ жизни двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ; только князь Андрей и Пьеръ составляютъ исключеніе, и это именно потому, что оба они—самъ Л. Толстой [24]).

Князь Андрей Болконскій—это все тотъ же Нехлюдовъ, все тотъ же Оленинъ, воплощенный въ человѣка начала XIX столѣтія; и такое воплощеніе законно и художественно, ибо мучительныя исканія князя Андрея не составляютъ монополіи какой-либо одной эпохи, они вѣчны. Несомнѣнно, однако, что самъ Толстой стоитъ за княземъ Андреемъ, когда тотъ признается самому себѣ въ своей любви къ славѣ людской, для которой онъ всѣмъ готовъ пожертвовать. Помните героя «Юности», который признается, что однимъ изъ главныхъ его чувствъ является «любовь любви» человѣческой? Князь Андрей только продолжаетъ эту линію постоянной толстовской мысли, мечтая о славѣ и сопровождая свои мечты постоянными толстовскими недоумѣнными вопросами: зачѣмъ? ну, а потомъ? Но пока онъ еще слишкомъ ослѣпленъ этой «любовью любви», чтобы сумѣть взглянуть дальше, отвѣтить смѣло на свои-же вопросы. «Ну, а потомъ что-жъ? Ну, а потомъ,—отвѣчаетъ самъ себѣ князь Андрей,—я не знаю, что будетъ потомъ, не хочу и не могу знать; но ежели хочу этого, хочу славы, хочу быть извѣстнымъ людямъ, хочу быть любимымъ ими, то вѣдь я не виноватъ, что я хочу этого, что одного этого я хочу, для одного этого я живу. Да, для одного этого! Я никогда никому не скажу этого, но, Боже мой! что-же мнѣ дѣлать, ежели я ничего не люблю, какъ только славу, любовь людскую. Смерть, раны, потеря семьи, ничто мнѣ не страшно. И какъ ни дороги, ни милы мнѣ многіе люди,—отецъ, сестра, жена, самые дорогіе мнѣ люди,—но, какъ ни страшно и неестественно это кажется, я всѣхъ ихъ отдамъ сейчасъ за минуту славы, торжества надъ людьми, за любовь къ себѣ людей, которыхъ я не знаю и не буду знать»... [25]). Эти земные помыслы, хорошо знакомые намъ еще изъ «Юности» Толстого, обрываются тяжелой раной на аустерлицкомъ

полѣ; и только тогда, лежа раненый на этомъ полѣ, впервые увидѣлъ князь Андрей неизмѣримо высокое безконечное небо; только тогда понялъ онъ цѣну всѣхъ своихъ мечтаній о славѣ, цѣну своего чувства «любви любви» человѣческой. «Какъ же я не видѣлъ прежде этого высокаго неба? И какъ я счастливъ, что узналъ его наконецъ. Да! все пустое, все обманъ, кромѣ этого безконечнаго неба. Ничего, ничего нѣтъ, кромѣ него. Но и того даже нѣтъ, ничего нѣтъ, кромѣ тишины, успокоенія»... Теперь, передъ лицомъ этого небытія, передъ лицомъ смерти, бывшій его герой и кумиръ, Наполеонъ, «казался ему столь маленькимъ, ничтожнымъ человѣкомъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило теперь между его душой и этимъ высокимъ безконечнымъ небомъ»; теперь все казалось ему ничтожнымъ, и передъ лицомъ смерти князь Андрей «думалъ о ничтожности величія, о ничтожности жизни, которой никто не могъ понять значенія, и о еще большемъ ничтожествѣ смерти, смысла которой никто не могъ понять и объяснить изъ живущихъ»... И все-таки, умирая съ такими мыслями, князь Андрей страстно стремился еще къ жизни, въ которой онъ чувствовалъ какое-то новое, неизвѣстное ему доселѣ значеніе; онъ молчаливо желалъ, «чтобы люди помогли ему и возвратили бы его къ жизни, которая казалась ему столь прекрасной, потому что онъ такъ иначе понималъ ее теперь»... [26]). Желаніе его исполнилось, онъ выздоровѣлъ; онъ ушелъ отъ смерти, но не вернулся къ жизни. Подобно андреевскому Елеазару, князь Андрей, взглянувъ въ глаза смерти, не хотѣлъ или не могъ вернуться къ земной жизни, земнымъ страстямъ, земнымъ интересамъ, радости, горю, исканію, строительству, общей жизни съ другими людьми; передъ его «потухшимъ, мертвымъ взглядомъ» люди понимаютъ, что какая бы то ни было «восторженность, мечты, надежды на счастье и на добро неприличны», что ему надо только «какъ-нибудь получше, никому не мѣшая, дожить до смерти» [27]). Князь Андрей ушелъ отъ смерти, но все еще не понялъ жизни, а потому онъ влачитъ свои дни съ безнадежностью въ душѣ: «я живу и въ этомъ невиноватъ; стало быть, надо какъ-

нибудь получше, никому не мѣшая, дожить до смерти»... Ему еще не приходитъ въ голову, что формулу—«никому не мѣшая»—можно замѣнить принципомъ «всѣмъ помогая», и что только избавившись отъ холоднаго крайняго индивидуализма можно полюбить чужую и свою, безмѣрно расширенную жизнь. А полюбить — значитъ понять, принять и оправдать. Нѣтъ любви—нѣтъ спасенія; такому человѣку не поможетъ никакая вѣра въ безсмертіе, какъ не можетъ помочь ему и никакая вѣра въ прогрессъ человѣчества, вѣра въ ближняго, который вѣдь все равно тоже умретъ. Во всемъ этомъ нетрудно узнать мысли и чувства самого Л. Толстого, эпохи двухъ его извѣстныхъ уже намъ кризисовъ; и если что-нибудь можетъ спасти человѣка въ этомъ положеніи, то это только новая вѣра, вѣра въ жизнь, вѣра въ человѣка. Такъ было въ 1862-63 году съ Л. Толстымъ; такъ случилось и съ княземъ Андреемъ: его временно воскресила любовь къ Наташѣ, вѣра въ человѣка, вѣра въ жизнь. Есть эта вѣра—жизнь понятна, радостна, ярка; нѣтъ ея—а князь Андрей скоро снова ушелъ отъ Наташи, отъ человѣка, отъ жизни—и все разсыпается, словно карточный домикъ. Когда на князя Андрея нахлынуло чувство любви, чувство жизни, «безпричинное весеннее чувство радости и обновленія», онъ понялъ жизнь, понялъ свою былую ошибку: «мало того, что я знаю все то, что есть во мнѣ; надо, чтобы и всѣ знали это... Надо, чтобы всѣ знали меня, чтобы не для одного меня шла моя жизнь, чтобъ не жили они такъ независимо отъ моей жизни, чтобъ на всѣхъ она отражалась и чтобы всѣ они жили со мною вмѣстѣ»... Вотъ во что обратилось былое чувство—«любовь любви»! Но лишь только князь Андрей теряетъ вѣру въ жизнь, вѣру въ человѣка и любовь къ человѣку, какъ тотчасъ все разсыпается прахомъ, все теряетъ смыслъ. « И прежде были все тѣ-же условія, жизни, но прежде они всѣ вязались между собой, а теперь все разсыпалось. Одни безсмысленныя явленія, безъ всякой связи, одно за другимъ представлялись князю Андрею»... Снова пришелъ онъ къ религіи смерти—а при холодномъ свѣтѣ этой религіи безсмысленны, ничтожны и нелѣпы всѣ

явленія и проявленія жизни. «Да, да, вотъ они, тѣ волновавшіе, и восхищавшіе, и мучившіе меня ложные образы,—говорилъ онъ себѣ, перебирая въ своемъ воображеніи главныя картины своего волшебнаго фонаря жизни, глядя теперь на нихъ при этомъ холодномъ бѣломъ свѣтѣ дня, ясной мысли о смерти:—вотъ онѣ, эти грубо намалеванныя фигуры, которыя представлялись чѣмъ то прекраснымъ и таинственнымъ. Слава, общественное благо, любовь къ женщинѣ, самое отечество—какъ велики казались мнѣ эти картины, какого глубокаго смысла казались онѣ исполненными! И все это такъ просто, блѣдно и грубо при холодномъ, бѣломъ свѣтѣ того утра, которое, я чувствую, поднимается для меня»... Одну только истину знаетъ теперь князь Андрей: умретъ онъ, придутъ люди, возьмутъ его за ноги и за голову и швырнутъ въ яму, и сложатся новыя условія жизни, а его уже не будетъ... [28]). Какой же смыслъ при этомъ «жить для другихъ»? Но въ то-же время какой смыслъ и «жить для себя»? Все одинаково нелѣпо, одинаково безсмысленно.

Такъ, развивая психологію князя Андрея, продолжалъ Толстой ту линію мыслей, которую намѣтилъ еще въ «Казакахъ, въ типѣ Оленина. Конецъ князя Андрея показываетъ намъ, какъ, по мысли и чувству Толстого, не можетъ и не долженъ отвѣчать человѣкъ на ту дилемму, которая стоитъ предъ каждымъ, стояла и передъ Оленинымъ, и передъ княземъ Андреемъ. Когда пришла смерть, когда въ бородинскомъ сраженіи онъ получилъ смертельную рану—тогда только снова спросилъ себя князь Андрей: «отчего мнѣ такъ жалко разставаться съ жизнью?», тогда только снова созналъ онъ, что «что-то было въ этой жизни, чего я не понималъ и не понимаю».... Это «что-то» (онъ скоро начинаетъ понимать), это «что-то» есть любовь не къ одному себѣ, но и къ людямъ, не только принятіе жертвы, но и пожертвованіе собою: «вотъ отчего мнѣ жалко было жизни, вотъ оно то, что еще оставалось мнѣ, ежели бы я былъ живъ»... Жить для другихъ—вотъ правда жизни, и здѣсь развивается только та тема, та проблема, которая была поставлена еще Толстымъ-Оленинымъ; но вѣдь и Оленинъ

не могъ жить по этой правдѣ, и князь Андрей приходитъ къ мысли; что эта правда жизни есть правда только передъ лицомъ смерти: великаго слова любви, думаетъ онъ, не могутъ вмѣстить живые люди, не могутъ снести эту непосильную тяжесть, а мертвые, умирающіе, какъ онъ, могутъ снести, могутъ вмѣстить, но не могутъ осуществить. «Чѣмъ больше онъ, послѣ своей раны, вдумывался въ новое, открытое ему начало вѣчной любви, тѣмъ болѣе онъ, самъ не чувствуя того, отрекался отъ земной жизни. Все, всѣхъ любить, всегда жертвовать собой для любви значило—никого не любить, значило—не жить этою земною жизнью. И чѣмъ больше онъ проникался этимъ началомъ любви, тѣмъ больше онъ отрекался отъ жизни и тѣмъ совершеннѣе уничтожалъ ту страшную преграду, которая (безъ любви) стоитъ между жизнью и смертью»... Евангеліе—благая вѣсть не для живыхъ, а для мертвыхъ! Религію любви, религію жизни могутъ принять только мертвые! Вотъ неожиданный отвѣтъ на тѣ вопросы, которыхъ когда-то не могъ разрѣшить Оленинъ, которыхъ не понималъ все время князь Андрей. Прежде у него былъ потухшій, мертвый взглядъ потому, что онъ, уйдя отъ смерти, не понималъ жизни; и теперь у него потухшій мертвый взглядъ, потому что только уходя отъ жизни, онъ понялъ смерть. «Въ словахъ, въ тонѣ его, въ особенности во взглядѣ этомъ, холодномъ, почти враждебномъ взглядѣ, чувствовалась страшная для живого человѣка отчужденность отъ всего мірского. Онъ, видимо, съ трудомъ понималъ все живое; но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось, что онъ не понималъ живого не потому, что онъ былъ лишенъ силы пониманія, но потому, что онъ понималъ что-то другое, такое, чего не понимали и не могли понимать живые и что поглощало его всего»... Мы знаемъ эту новую его правду жизни передъ лицомъ смерти: живые могли бы осуществить, но не могутъ вмѣстить, а мертвые могутъ вмѣстить, но не могутъ осуществить великаго слова любви. Для живыхъ это слово мертво, для умирающихъ оно только тормазъ на пути къ смерти, ибо «любовь мѣшаетъ смерти; любовь есть жизнь».... Преодолѣть смерть, проснуться отъ смерти къ жизни—значитъ

не сумѣть вмѣстить единой правды жизни, любви; князю Андрею суждено было умереть, пробудиться отъ жизни къ смерти. Ибо, познавъ ту послѣднюю истину, что «все, всѣхъ любить, всегда жертвовать собою для любви значило—никого не любить, значило—не жить этою земною жизнью», познавъ эту послѣднюю истину, князь Андрей могъ только умереть [29]).

Принимаетъ ли Толстой во всей полнотѣ послѣднюю правду князя Андрея? Конечно, нѣтъ, иначе и самому Толстому оставалось бы только умереть. Но мысль, что все любить, всегда жертвовать собою значитъ никого не любить и не жить этою земною жизнью—это былъ выводъ не только князя Андрея, но и самого Толстого, это была послѣдняя точка пути, къ которой могъ притти Оленинъ. Что это былъ выводъ и самого автора,—ярче всего доказываетъ собою другое лицо этого романа, вселюбящая и вѣчно жертвующая собою Соня... «Жертвовать собой для счастья другихъ было привычкой Сони... Она привыкла и любила жертвовать собой»... Но въ этой вѣчной жертвѣ собою, говоритъ намъ Толстой,—величайшая хула на Духа Святого, хула на человѣческую личность, и преступленіе это неминуемо влечетъ за собой наказаніе. «Ты жилъ для себя,—говоритъ какъ-то князь Андрей Пьеру,—и говоришь, что этимъ чуть не погубилъ свою жизнь, а узналъ счастье только тогда, когда сталъ жить для другихъ. А я испыталъ противоположное. Я жилъ для славы. Вѣдь что же слава? Та же любовь къ другимъ, желаніе сдѣлать для нихъ что-нибудь, желаніе ихъ похвалы. Такъ я жилъ для другихъ, и не почти, а совсѣмъ погубилъ свою жизнь»... Пусть князь Андрей ошибается, пусть очевидно, что, любя славу, онъ вовсе не имѣлъ въ виду «любовь къ ближнимъ», а напротивъ, только добивался «любви ближнихъ»; но несомнѣнно, что художникъ и философъ Толстой осуждаетъ о б а эти пути. Добивался исключительно «любви ближнихъ» князь Андрей, жилъ только для себя— и погибъ; отдалась только «любви къ ближнимъ», жила только для другихъ Соня—и осталась только вѣчной приживалкой у жизни. И недаромъ полная жизни Наташа примѣняетъ къ Сонѣ слова

Евангелія, что имущему дастся, а у неимущаго отнимется. «Она неимущій; за что? не знаю. Въ ней нѣтъ, можетъ быть, эгоизма—я не знаю; но у ней отнимается и все отнялось... Она—пустоцвѣтъ знаешь, какъ на клубникѣ». Вѣчная жертва собою—хула противъ личности человѣческой, такъ же какъ жизнь только для одного себя—хула противъ самой жизни. И Соня, и князь Андрей обречены поэтому на гибель, на неудачу, на страданія, на безплодіе.

Гдѣ же и въ чемъ же рѣшеніе вопроса о жизни для себя и жизни для другихъ—рѣшеніе вопроса жизни вообще? Гдѣ и въ чемъ рѣшеніе самого Толстого?—Отвѣтъ на это надо искать въ душевной трагедіи другого искателя вѣчныхъ цѣнностей, столь близкаго сердцу самого автора—въ душевной трагедіи Пьера. «Кто правъ, кто виноватъ?—думаетъ Пьеръ о жизни, и отвѣчаетъ самъ себѣ:—никто. А живъ—и живи: завтра умрешь»... Однако, эта примитивная философія недолго могла удовлетворять его; жизнь больно ударила этого любимаго героя Толстого и толкнула къ вѣчному ряду неразрѣшимыхъ вопросовъ: «что дурно? что хорошо? что надо любить, что ненавидѣть? Для чего жить и что такое я? Что такое жизнь, что смерть? Какая сила управляетъ всѣмъ?—спрашивалъ онъ себя»... Въ душѣ Пьера, который раньше жилъ «для одного себя», началась теперь «сложная и трудная работа внутренняго развитія, открывшая ему многое и приведшая его ко многимъ духовнымъ сомнѣніямъ и радостямъ». Толчокъ къ этому внутреннему развитію дало ему масонство, но и оно не рѣшило его сомнѣній и вопросовъ, а только «вогнало внутрь» его духовную болѣзнь отчаянія, хандры и отвращенія къ жизни, и болѣзнь эта ни на мгновеніе не покидала его. «Къ чему? Зачѣмъ? Что такое творится на свѣтѣ?—спрашивалъ онъ себя съ недоумѣніемъ по нѣскольку разъ въ день, невольно начиная вдумываться въ смыслъ явленій жизни»... Но смыслъ этотъ приходитъ только вмѣстѣ съ любовью къ жизни, съ любовью къ человѣку; пока ея нѣтъ, всѣ окружающіе представляются Пьеру только «спасающимися отъ жизни», все окружающее остается неосмысленнымъ, нелѣпымъ. Новый толчокъ къ жизни даетъ ему полусознан-

ная любовь все къ той же Наташѣ, невѣстѣ князя Андрея. «Страшный вопросъ: зачѣмъ? къ чему? который прежде представлялся ему въ срединѣ всякаго занятія, теперь замѣнился для него не другимъ вопросомъ и не отвѣтомъ на прежній вопросъ, а представленіемъ е я... Онъ не ужасался, какъ прежде; не спрашивалъ себя, изъ чего хлопочутъ люди, когда все такъ кратко и неизвѣстно,—но вспоминалъ е е, и всѣ его сомнѣнія исчезали, не потому, что она отвѣчала на вопросы, которые представлялись ему, но потому, что представленіе о ней переносило его мгновенно въ другую, свѣтлую область душевной дѣятельности, въ которой не могло быть праваго или виноватаго—въ область красоты и любви, для которой стоило жить»... Но и эта вѣра любви терпитъ крушеніе, затемняется страшнымъ зрѣлищемъ войны, безсмысленныхъ убійствъ, безсмысленныхъ казней—отъ одной изъ которыхъ только случай спасаетъ Пьера. Ужасная война, ужасная казнь глубоко потрясаетъ душу Пьера, какъ прежде душу Толстого—ужасы Севастополя и парижской гильотины. Передъ глазами Пьера разстрѣливаютъ человѣка, и послѣ этого зрѣлища «въ душѣ его какъ будто вдругъ выдернута была та пружина, на которой все держалось и представлялось живымъ, и все завалилось въ кучу безсмысленнаго сора». Этими же словами—мы слышали—Толстой описывалъ и душевное состояніе князя Андрея; этими же словами говорилъ Толстой и о самомъ себѣ. «Въ немъ,—продолжаетъ Толстой о Пьерѣ,—въ немъ, хотя онъ и не отдавалъ себѣ отчета, уничтожилась вѣра и въ благоустройство міра, и въ человѣческую, и въ свою душу, и въ Бога... Міръ завалился въ его глазахъ и остались однѣ безсмысленныя развалины. Онъ чувствовалъ, что возвратиться къ вѣрѣ въ жизнь не въ его власти»... Встрѣча съ Каратаевымъ выпрямляетъ душу Пьера; ужасъ смерти, страданія и лишенія плѣна заставляетъ его съ новой силой полюбить человѣческую жизнь и оцѣнить свою и всякую человѣческую душу. Даже въ плѣну онъ сознавалъ себя свободнымъ; здѣсь, въ плѣну, Пьеръ понялъ, что понять жизнь можно только войдя въ общую человѣческую жизнь. Все принадлежитъ человѣку, весь міръ при-

надлежитъ ему—даже запрятанному въ балаганъ, загороженный досками. «Лѣса и поля открывались вдали. И еще дальше этихъ лѣсовъ и полей виднѣлась свѣтлая, колеблющаяся, зовущая въ себя безконечная даль. Пьеръ взглянулъ на небо, въ глубь уходящихъ, играющихъ звѣздъ.—И все это мое, и все это во мнѣ, и все это я!—думалъ Пьеръ»... Все въ человѣкѣ, все человѣка, все можетъ онъ вмѣстить; но долженъ онъ также и осуществить то, что дается ему. Вмѣстить и осуществить—это и значитъ понять жизнь, а осуществить можно только войдя въ кипѣніе жизни человѣческой; и Пьеръ понимаетъ, что ему надо «войти въ эту общую жизнь всѣмъ существомъ», надо уподобиться Каратаеву, для котораго «жизнь имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ»... И когда Пьеръ понялъ все это, тогда «онъ узналъ не умомъ, а всѣмъ существомъ своимъ жизнью, что человѣкъ сотворенъ для счастья, что счастье въ немъ самомъ, въ удовлетвореніи естественныхъ человѣческихъ потребностей;... онъ узналъ еще новую, утѣшительную истину—онъ узналъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего страшнаго». Но разъ нѣтъ ничего страшнаго, то не страшна и смерть; болѣе того—не страшна и жизнь; а вѣдь «труднѣе и блаженнѣе всего—любить эту жизнь въ своихъ страданіяхъ, въ безвинности страданій». А въ этомъ—вся жизнь, и такому принятію жизни научился Пьеръ отъ Каратаева. И на этомъ фундаментѣ «каратаевскаго» начала построилъ Пьеръ свою новую вѣру въ человѣка, въ жизнь, въ то «все», которое онъ назвалъ Богомъ. Съ вѣчной радостью въ душѣ Пьеръ-Толстой принялъ это «все», принялъ жизнь, принялъ міръ, увидѣлъ божественное въ человѣкѣ, «выучился видѣть великое, вѣчное и безконечное во всемъ... и радостно созерцалъ вокругъ себя вѣчно измѣняющуюся, вѣчно великую, непостижимую и безконечную жизнь». И жизнь эта—не для одного себя, но и не только для другихъ; когда Наташа хочетъ пожертвовать собою памяти умершаго князя Андрея, Пьеръ возмущается: «я не виноватъ, что я живъ и хочу жить; и вы тоже». Мертвый въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій. Но, пользуясь ею, помни, что жить

для себя ты можешь только живя въ другихъ и съ другими, что живя для другихъ, ты долженъ жить и для себя; одинаково неправы и жертвующій другими князь Андрей, и жертвующая собою Соня. Жизнь—это колеблющійся шаръ изъ капель, которыя то стремятся разлиться и захватить наибольшее пространство («жить для себя одного»), то уничтожаются и сливаются съ другими («жить только для другихъ»); идеалъ—въ соединеніи личнаго «наполеоновскаго», и безличнаго, «каратаевскаго», начала. И тотъ, кто пойметъ и вмѣститъ это, тотъ пойметъ и вмѣститъ самую жизнь, тотъ станетъ исповѣдывать великую религію жизни, какъ исповѣдывалъ ее Пьеръ, какъ исповѣдывалъ ее въ это время Толстой. «Жизнь есть все. Жизнь есть Богъ. Все перемѣщается, движется, и это движеніе есть Богъ. И пока есть жизнь, есть наслажденіе самосознанія Божества. Любить жизнь—любить Бога. Труднѣе и блаженнѣе всего—любить эту жизнь въ своихъ страданіяхъ, въ безвинности страданій» [30]).

«Ж и з н ь   е с т ь   в с е. Ж и з н ь   е с т ь   Б о г ъ»:—вотъ глубочайшій художественно-философскій смыслъ великой эпопеи Толстого, дополняющій и освѣщающій собою историко-философскую сторону романа; вотъ та религія, которую Толстой исповѣдывалъ теперь, послѣ двухъ тяжелыхъ кризисовъ былой вѣры, послѣ разочарованія и въ церковныхъ вѣрованіяхъ, и въ религіи прогресса; вотъ великая подсознательная основа всего творчества, всей жизни Толстого во всѣ эти «пятнадцать лѣтъ» (1862—1877 гг.), о которыхъ онъ пишетъ въ своей «Исповѣди». Говорю—«подсознательная основа», потому что Толстой по прошествіи этихъ пятнадцати лѣтъ старался убѣдить себя и другихъ, что за все это время онъ былъ далекъ «отъ всякаго исканія общаго смысла жизни... Я писалъ, поучая тому, что для меня было единой истиной,—что надо жить такъ, чтобы самому съ семьей было какъ можно лучше». Глубокая религія жизни Толстого той эпохи, очевидно, была для него подсознательна; а потому Толстой, къ нашему и своему счастью, ошибался въ этомъ своемъ позднѣйшемъ категорическомъ заявленіи. Слишкомъ ярка и ясна была эта его

новая религія—религія жизни, для того чтобы не проявиться ясно, если и не въ области теоретической мысли, то въ области интуитивнаго художественнаго творчества; вся художественная сторона «Войны и мира» пронизана, какъ солнечнымъ свѣтомъ, этой радостной религіей, этой воистину жизненной философіей. «Война и миръ», гдѣ столько слезъ, крови, горя,—величайшее во всей русской литературѣ, воистину «солнечное» произведеніе, утверждающее, принимающее и освящающее великимъ благословеніемъ всю человѣческую жизнь.

Отъ вѣры въ благого Бога Толстой перешелъ когда-то къ вѣрѣ въ благодѣтельный прогрессъ человѣчества; теперь перешелъ онъ къ вѣрѣ въ самую жизнь, къ вѣрѣ въ человѣка. «Жизнь есть все. Жизнь есть Богъ»—вотъ теперь призывный кличъ этой вѣры, и вѣрой этой Толстой жилъ въ эпоху созданія двухъ величайшихъ своихъ произведеній—«Войны и мира» и «Анны Карениной»; «жизнь есть Богъ»—вотъ въ чемъ весь философскій смыслъ великой эпопеи. Мы скоро подойдемъ къ третьему кризису этой вѣры Толстого—его третьей вѣры; теперь же всего нѣсколько словъ о той литературной атмосферѣ, въ которую попала только что рожденная великая эпопея. Ея сразу не понялъ никто, или почти никто; ея истинной философской подоплеки никто не разобралъ и не замѣтилъ. Подвергалась многочисленнымъ нападкамъ и возраженіямъ историко-философская сторона романа; даже Тургеневъ, впослѣдствіи такой восторженный поклонникъ этой эпопеи, сперва отрицалъ «историчность» ея и въ историко-бытовой сторонѣ романа видѣлъ только «кукольную комедію и шарлатанство». Такіе вполнѣ благонамѣренные критики и умные люди, какъ Шелгуновъ, видѣли въ романѣ «отсутствіе глубоко-жизненнаго содержанія, которое одно можетъ дать литературному произведенію долговѣчность»... Повторялась вѣчная исторія: чѣмъ произведеніе выше, геніальнѣе, крупнѣе, тѣмъ труднѣе оцѣнить его современникамъ; и особенно приложимо это именно къ «Войнѣ и миру», быть можетъ, величайшему произведенію всего XIX вѣка не только въ одной рус-

ской литературѣ. Только теперь, отойдя отъ великой эпопеи на полвѣка, мы видимъ истинные ея размѣры и поражаемся ея колоссальностью; только теперь критики оцѣнили эту великую эпопею, какъ нашу русскую «Иліаду» и «Одиссею». И оцѣнка эта не преувеличена. Какъ въ «Иліадѣ» воплощена вся полнота древне-эллинскаго духа и народнаго міровоззрѣнія, такъ «Война и миръ» даетъ единственное по глубинѣ и захвату воплощеніе русскаго народнаго духа. Но кромѣ этого, «Война и миръ» есть проявленіе личности одного человѣка, Л. Толстого, художественное проявленіе глубины его духа, его философіи, его міровоззрѣнія, его религіи. И для исторіи русской литературы имѣетъ глубоко-знаменательное значеніе тотъ фактъ, что это міровоззрѣніе, эта философія, эта религія «Войны и мира» оказались тождественными съ міровоззрѣніемъ и подсознательной философіей другого величайшаго «солнечнаго» произведенія русской литературы XIX вѣка—«Евгенія Онѣгина». «Война и миръ»—высшая точка на пушкинскомъ пути развитія русской литературы; въ то же время это высшая точка на пути развитія художественнаго творчества Толстого.

IV.

«Пять лѣтъ непрестаннаго и исключительнаго труда»—такъ самъ Толстой опредѣляетъ годы, посвященные имъ «Войнѣ и миру». Закончивъ въ 1869 году эту грандіозную эпопею, онъ снова отдался на время педагогической дѣятельности, увлекся методикой, создалъ громадную «Азбуку», которую вскорѣ переработалъ и сократилъ въ «Новую Азбуку», распространенную теперь въ милліонахъ экземпляровъ; въ педагогическомъ мірѣ онъ произвелъ цѣлую бурю, вызвалъ ожесточенную журнальную полемику, обширную литературу, среди которой особенно выдѣляются статьи Н. К. Михайловскаго, всецѣло ставшаго на сторону Толстого. Въ эти же годы (1869 — 1873) Толстой пробуетъ снова отдаться художественному творчеству, усиленно собираетъ и изучаетъ матеріалы по исторіи эпохи Петра I, собираясь писать большой историческій романъ; но вскорѣ онъ разочаровывается въ главномъ героѣ этой эпохи, самомъ Петрѣ, и въ началѣ 1873 года бросаетъ всякую мысль объ этомъ романѣ. Къ тому же, отрицая роль личности въ историческомъ процессѣ, Толстой могъ бы только выставить Петра въ видѣ русскаго Наполеона, то-есть мальчика, сидящаго въ каретѣ и убѣжденнаго, что это онъ правитъ лошадьми, когда дергаетъ какія-то привязанныя внутри кареты тесемки. Пришлось бы во многомъ повториться, — по крайней мѣрѣ, повторить всю философію исторіи, уже высказанную однажды въ «Войнѣ и мирѣ».

Но въ этомъ же 1873 году, 19 марта, Толстой «вдругъ началъ неожиданно писать романъ изъ современной жизни.

Сюжетъ романа—невѣрная жена и вся драма, происшедшая отъ этого» (письмо гр. С. А. Толстой къ Т. А. Кузьминской отъ 20 марта 1873 года). Случайно прочтя начало пушкинскаго отрывка «Гости съѣзжались на дачу», Толстой сказалъ: «вотъ какъ надо начинать! Пушкинъ нашъ учитель. Это сразу вводитъ читателя въ интересъ самаго дѣйствія». И тотчасъ же онъ набросалъ первыя фразы «Анны Карениной»: «все смѣшалось въ домѣ Облонскихъ»...

Такъ разсказываютъ въ своихъ воспоминаніяхъ очевидцы, и, конечно, все это внѣшне фактически вѣрно. Но все это глубоко невѣрно внутренне, по существу: «вдругъ» и «сразу» можно задумать и написать мелкій разсказикъ, но не «Анну Каренину». Очевидцы не могли видѣть главнаго—того духовнаго, внутренняго процесса, который происходилъ всѣ эти четыре года въ Толстомъ, вѣчныхъ и мучительныхъ запросовъ его о томъ, чтò добро, и чтò зло; они не знали и не могли знать, напримѣръ, какъ сильно подѣйствовало на Толстого изученіе имъ Шопенгауера лѣтомъ 1869 года или— еще болѣе раннее впечатлѣніе—казнь рядового Шибунина, о которой Толстой впослѣдствіи писалъ, что «случай этотъ имѣлъ на всю мою жизнь гораздо болѣе вліянія, чѣмъ всѣ кажущіяся болѣе важными событія жизни». Съ другой стороны, «очевидцы» не знали и того, что не случайно одна фраза Пушкина толкнула Толстого къ перу, но что все это время онъ былъ подъ глубокимъ вліяніемъ художественнаго творчества Пушкина, такъ совпадавшаго съ его общимъ настроеніемъ и міровоззрѣніемъ этого времени, чтò намъ уже случилось отмѣтить выше. Вліяніе формы Пушкина продолжалось и тогда, когда Толстой былъ уже въ разгарѣ работы надъ «Анной Карениной». Въ мартѣ 1874 года онъ перечитывалъ прозу Пушкина и говорилъ, между прочимъ, въ одномъ письмѣ про «Повѣсти Бѣлкина»: «ихъ надо изучать и изучать каждому писателю. Я на-дняхъ это сдѣлалъ и не могу передать того благодѣтельнаго вліянія, которое имѣло на меня это чтеніе. Изученіе это чѣмъ важно? Область поэзіи безконечна, какъ жизнь; но

всѣ предметы поэзіи предвѣчно распредѣлены по извѣстной іерархіи, и смѣшеніе низшихъ съ высшими или принятіе низшаго за высшій есть одинъ изъ главныхъ камней преткновенія. У великихъ поэтовъ, у Пушкина, эта гармоническая правильность распредѣленія предметовъ доведена до совершенства. Я знаю, что анализировать этого нельзя, но это чувствуется и усваивается. Чтеніе даровитыхъ, но негармоническихъ писателей (тоже музыка, живопись) раздражаетъ и какъ будто поощряетъ къ работѣ и расширяетъ область, но это ошибочно; а чтеніе Гомера, Пушкина сжимаетъ область, и если возбуждаетъ къ работѣ, то безошибочно» [31]).

Такъ «безошибочно» былъ возбужденъ Толстой къ работѣ надъ «Анной Карениной» и работалъ надъ ней съ небольшими перерывами четыре года (съ 1873 по 1877 гг.), четыре послѣднихъ года его счастливыхъ «пятнадцати лѣтъ», о которыхъ мы уже говорили съ его словъ. Это позволяло бы, повидимому, заключить, что художественная философія романа въ главномъ и существенномъ была сходна съ такой же философіей «Войны и мира»; мы увидимъ скоро, такъ ли это. Что касается внѣшней стороны романа, его дѣйствующихъ лицъ, преломленія окружающей жизни въ творчествѣ Толстого, то объ «Аннѣ Карениной» можно сказать то же, что о «Войнѣ и мирѣ». Почти всѣ дѣйствующія лица взяты Толстымъ изъ жизни, но процессомъ творчества возведены до яркихъ художественныхъ типовъ. Интересно отмѣтить, что дочь Пушкина, баронесса Гартунгъ, послужила для Толстого по своей внѣшности прототипомъ Анны Карениной; на фабулу романа натолкнула Толстого смерть подъ колесами вагоновъ сосѣдки Толстыхъ по имѣнію, Анны Степановны Бибиковой. Впрочемъ, все это имѣетъ значеніе только при детальномъ изученіи романа; здѣсь же для насъ важно только одно— тотъ несомнѣнный фактъ, что Левинъ романа слишкомъ очевидно самъ Левъ Толстой, такъ что въ душевномъ развитіи героя мы будемъ слѣдить за духовнымъ ростомъ самого автора, такъ же какъ это было уже и въ юношеской трилогіи Л. Толстого,

и въ образѣ Оленина, и въ князѣ Андреѣ, и въ Пьерѣ. Все въ той же средѣ «средне-высшаго круга» вращаются герои Толстого, бытописателемъ все того же старо-дворянскаго круга является Толстой — и это естественно: онъ могъ описывать только ту среду, въ которой росъ съ дѣтства, съ которой былъ связанъ узами знакомства, дружбы, родства. Въ этой же средѣ происходитъ и все дѣйствіе «Анны Карениной»; но тема и содержаніе романа такъ глубоки, проблемы, возбуждаемыя ими, такъ общечеловѣчны, что общій смыслъ романа уходитъ далеко вглубь отъ всякихъ сословныхъ или классовыхъ формъ мысли.

Каковъ же этотъ общій смыслъ «Анны Карениной»? Современные роману критики искали этотъ смыслъ въ проблемахъ брака, свободной любви, отношенія къ ней общества и т. п.; Л. Толстой иронически поздравлялъ ихъ, говоря: «ils en savent plus long que moi»... Если бы они дожили до появленія «Живого Трупа», гдѣ, кстати сказать, снова дѣйствуетъ Анна Каренина, какъ бы достигшая уже старости, они бы сказали, что темой пьесы является проблема развода... Тысячи подобныхъ утвержденій—это та одна милліонная часть правды, которая только затемняетъ смыслъ романа, и надъ провозглашеніемъ которой смѣялся самъ Толстой. Единственнымъ человѣкомъ, сразу понявшимъ глубокій смыслъ романа Толстого, былъ единственный человѣкъ, равный Толстому по значенію въ русской литературѣ—Достоевскій. Онъ первый увидѣлъ, что основной смыслъ «Анны Карениной» вовсе не въ темахъ брака, свободной любви, развода и тому подобнаго, а въ глубокомъ и вѣчномъ вопросѣ вины и страданія человѣческаго. И кому же было первому указать на это, какъ не автору написаннаго на ту же тему «Преступленія и наказанія»?

Самъ Толстой подчеркнулъ смыслъ своего романа эпиграфомъ: «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ». Но отсюда какъ разъ и начинаются тѣ вопросы, которые только и могутъ ввести въ глубокую сущность того, что Толстой хотѣлъ сказать въ формѣ художественнаго творчества, а не голой отвлеченной мысли.

«Мнѣ отмщеніе»: за что же, за какой же грѣхъ «отмщеваетъ» этотъ израильскій Богъ несчастной Аннѣ? За нарушеніе «супружеской вѣрности»? За измѣну «супружеской любви»? Но самъ авторъ знаетъ и показываетъ, что едва ли не безмѣрно высшимъ грѣхомъ была та супружеская «вѣрность» и «любовь», которая много лѣтъ подъ рядъ соединяла молодую красавицу Анну съ сухимъ чиновникомъ, съ слизнякомъ Каренинымъ. «Азъ воздамъ»: но почему же тогда не воздаетъ этотъ «Азъ» брату Анны, милѣйшему и безпутнѣйшему Стивѣ Облонскому? Вѣдь тотъ тоже измѣнилъ «супружеской вѣрности и любви»; недаромъ именно съ этого начинается все дѣйствіе романа. Но то, что прощается Стивѣ Облонскому, за то сторицей воздается Аннѣ Карениной. И мы, читатели, мы знаемъ и чувствуемъ, что это такъ и должно быть, что это с п р а в е д л и в о: вотъ въ чемъ главное дѣло, вотъ въ чемъ убѣдить можетъ только тайна искусства. Страдаютъ и гибнутъ всегда лучшіе и высшіе—таковъ законъ въ области человѣческаго духа; убѣдить въ с п р а в е д л и в о с т и такого закона можетъ только художественное творчество. Мы знаемъ, что трагедія духа недаромъ дается, что званіе человѣка надо выстрадать; но страданіе это дается только избраннымъ. Лучше быть несчастнымъ человѣкомъ, чѣмъ довольной свиньей: не всѣ достойны осуществить собою эту истину, высказанную Д. Ст. Миллемъ. Стива Облонскій всегда будетъ румянъ, свѣжъ, веселъ, доволенъ собою и міромъ; но вотъ Вронскому дано путемъ мучительнаго процесса развитія стать человѣкомъ изъ «глупой говядины». «Это былъ очень глупый, и очень самоувѣренный, и очень здоровый, и очень чистоплотный человѣкъ, и больше ничего»—вотъ что видитъ Вронскій въ зеркалѣ; долгій и мучительный путь пришлось ему совершить, для того чтобы изъ этой «глупой говядины» выроcти до человѣка. Пусть то же самое примѣнимо и къ Аннѣ, пусть все это справедливо, пусть все это такъ; но все-таки—з а ч т о ж е «отмщеніе», з а к а к у ю в и н у воздаетъ «Азъ» Аннѣ и Вронскому?

Въ первыхъ трехъ частяхъ романа авторъ показалъ намъ

растущую, какъ снѣжный комъ, страсть Анны къ Вронскому; и страсть эта, эта первая любовь Анны вызываетъ только сочувствіе читателя; самъ Каренинъ, со своими тупыми ногами, выдающимися хрящами ушей, похрустывающими пальцами—этотъ Каренинъ съ первыхъ же страницъ становится читателю почти настолько же физически противнымъ, какъ и самой Аннѣ. Анна ему уже измѣнила, сказала ему объ этомъ; но онъ не считаетъ себя вправѣ «разрывать тѣхъ узъ, которыми мы связаны властью свыше»... Въ своей чиновнической сухости, въ своей формальной правотѣ онъ еще болѣе невыносимъ Аннѣ и читателямъ; и Толстой не пожалѣлъ красокъ, чтобы дать это понять, дать это почувствовать. «Правъ! Правъ!—говоритъ про своего мужа Анна, и ея устами говоритъ авторъ, ея чувствами живетъ читатель:— разумѣется, онъ всегда правъ, онъ христіанинъ, онъ великодушенъ! Да, низкій, гадкій человѣкъ! И этого никто, кромѣ меня, не понимаетъ... Они не знаютъ, какъ онъ восемь лѣтъ душилъ мою жизнь, душилъ все, что было во мнѣ живого, что онъ ни разу и не подумалъ о томъ, что я живая женщина, которой нужна любовь... Я ли не старалась, всѣми силами старалась, найти оправданіе своей жизни? Я ли не пыталась любить его, любить сына, когда уже нельзя было любить мужа? Но пришло время, я поняла, что я не могу больше себя обманывать, что я живая, что я не виновата, что Богъ меня сдѣлалъ такою, что мнѣ нужно любить и жить». И она права, она невиновата, ее сдѣлалъ такою тотъ самый Богъ, именемъ котораго гласитъ эпиграфъ: «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ». Она только проситъ спокойствія, молитъ свободы: «я просто хочу жить; никому не дѣлать зла, кромѣ себя. Это я имѣю право, не правда ли»? И даже добродѣтельная Долли, недоумѣвая, спрашиваетъ себя: «въ чемъ же она виновата? Она хочетъ жить. Богъ вложилъ намъ это въ душу». И все-таки за какую-то вину ей «воздается отмщеніе»; за какую-то вину она, правая передъ Богомъ и передъ людьми, несетъ тяжелый крестъ искупляющаго страданія [32]).

Съ изумительнымъ мастерствомъ подготовляетъ Толстой

почву для единственнаго отвѣта на всѣ эти вопросы. Сначала это только одна напыщенная фраза сухого чиновника Каренина, убѣждающаго Анну, что она стоитъ на опасномъ пути: «жизнь наша связана не людьми, а Богомъ. Разорвать эту связь можетъ только преступленіе, и преступленіе этого рода влечетъ за собой кару». Конечно, не Толстой, а Каренинъ говоритъ эти слова; но въ высшей степени интересно, что слова эти—почти буквальное повтореніе эпиграфа ко всему роману: «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ». И когда Каренинъ, узнавъ объ измѣнѣ жены, мучается безсознательнымъ желаніемъ, «чтобы она не только не торжествовала, но получила возмездіе за свое преступленіе», то развѣ это его желаніе не находитъ себѣ отклика все въ тѣхъ же безпощадныхъ словахъ эпиграфа? И когда Анна, въ сознаніи своей правоты, задается вопросомъ: «неужели они не простятъ меня, не поймутъ, какъ все это не могло быть иначе»?,—то, «остановившись и взглянувъ на колебавшіяся отъ вѣтра вершины осинъ съ обмытыми, ярко блистающими на холодномъ солнцѣ листьями, она поняла, что они не простятъ, что все и всѣ къ ней теперь будутъ безжалостны, какъ это небо, какъ эта зелень». Безжалостное небо и безжалостная зелень—это значитъ, что возмездіе лежитъ въ душѣ самой Анны; и Толстой, повторяю, съ изумительнымъ мастерствомъ не только вскрываетъ причинныя нити этого возмездія, но и показываетъ его нравственную справедливость, даетъ отвѣтъ на вопросъ: «за что»? [33]).

Вронскій былъ «глупой говядиной»,—трагедія сдѣлала его человѣкомъ. Каренинъ былъ сухой чиновной душой,—страданія сдѣлали его человѣкомъ. Художникъ, начиная съ четвертой части романа, дѣлаетъ воочію чудо: заставляетъ насъ сначала пожалѣть, а потомъ чуть ли не полюбить того самаго Каренина, который раньше былъ такъ невыносимъ и для Анны, и для читателей. Сначала это почти смѣшно, когда въ объясненіи съ женой Каренинъ взволнованно говоритъ, что «вы только себя помните! Но страданія человѣка, который былъ вашимъ мужемъ, вамъ неинтересны. Вамъ все равно, что вся жизнь его рушилась, что

онъ пеле... педе... пелестрадалъ»... Аннѣ это взволнованное «пелестрадалъ» кажется сперва смѣшно, потомъ ей стыдно за свой смѣхъ, потомъ ей въ первый разъ становится жалко Каренина, «въ первый разъ она на мгновеніе почувствовала за него, перенеслась въ него». Но это чувство было у нея мимолетно, читатель же съ этой страницы не можетъ уже забыть нелѣпаго «пелестрадалъ» Каренина; изъ сухого чиновника онъ выростаетъ въ страдающаго человѣка. Мало того—онъ выростаетъ въ героя, на котораго отъ стыда не смѣетъ поднять глазъ Вронскій; сцена у постели умирающей отъ родовъ Анны, «геніальная сцена» (по характеристикѣ Достоевскаго), ставитъ Каренина на такую высоту, которая недоступна для другихъ героевъ романа. И съ ясновидѣніемъ умирающей, Анна въ эту минуту прозрѣваетъ въ Каренинѣ человѣка, человѣка добраго, незлобиваго,—она говоритъ даже «святого», и она гордится за него. Она имѣетъ право говорить такъ, и Вронскій въ эти минуты чувствуетъ въ смѣшномъ и обманутомъ мужѣ «что-то высшее и даже недоступное» его пониманію. Это высшее—«счастіе прощенія», которое растопило душу сухого чиновника и сдѣлало его человѣкомъ. И онъ подставляетъ другую щеку, онъ принимаетъ крестъ «смѣшного мужа» и готовъ сдѣлаться посмѣшищемъ свѣта: «вы можете затоптать меня въ грязь, сдѣлать посмѣшищемъ свѣта,—говоритъ онъ Вронскому,—я не покину ея и никогда слова упрека не скажу вамъ». И его дѣйствительно затаптываютъ въ грязь, такъ какъ выздоровѣвшая Анна уходитъ съ Вронскимъ, оставляя его «непоправимо несчастнымъ» [34]).

Когда Анна ушла, Каренинъ сперва не могъ понять, какъ могло это случиться. «Если бы жена тогда, объявивъ о своей невѣрности, ушла отъ него, онъ былъ бы огорченъ, несчастливъ, но онъ не былъ бы въ томъ, для самого себя безвыходномъ, непонятномъ положеніи, въ какомъ онъ чувствовалъ себя теперь. Онъ не могъ теперь никакъ примирить свое недавнее прощеніе, свое умиленіе, свою любовь къ больной женѣ и чужому ребенку съ тѣмъ, что теперь было, то-есть съ тѣмъ, что, какъ бы въ на-

граду за все это, онъ теперь очутился одинъ, опозоренный, осмѣянный, никому ненужный и всѣми презираемый... Онъ чувствовалъ, что не можетъ отвратить отъ себя ненависти людей, потому что ненависть эта происходила не оттого, что онъ былъ дуренъ (тогда бы онъ могъ стараться быть лучше), но оттого, что онъ постыдно и отвратительно несчастливъ. Онъ зналъ, что за это, за то самое, что сердце его истерзано, они будутъ безжалостны къ нему». Но именно въ это самое время, когда Каренинъ былъ непоправимо и непростительно несчастливъ, Анна говорила о себѣ: «стыдно признаться, но я... я непростительно счастлива». И при этомъ она сознавала себя причиной непоправимаго несчастія мужа. «Анна чувствовала себя непростительно счастливою (недаромъ же въ разныхъ мѣстахъ авторъ говоритъ о н е п р о с т и т е л ь н о м ъ счастіи Анны) и полною радости жизни. Воспоминаніе несчастія мужа не отравляло ея счастія. Воспоминаніе это, съ одной стороны, было слишкомъ ужасно, чтобы думать о немъ; съ другой стороны, несчастіе ея мужа дало ей слишкомъ большое счастіе, чтобы раскаиваться». Она оторвала отъ себя тонувшаго человѣка, а сама выплыла и спаслась; но къ утонувшему по ея винѣ чувствовала не столько жалость, сколько отвращеніе. Она хотѣла искупить свое счастіе и несчастіе другого добровольными страданіями—отъ разлуки съ сыномъ, отъ потери «честнаго имени»,—«но какъ ни искренно хотѣла Анна страдать, она не страдала». Страданія должны были притти и пришли позже... И въ результатѣ передъ нами тѣсно связанныя одно съ другимъ причинной связью—непоправимое несчастіе одного человѣка и непростительное счастіе другого. И слышится голосъ грознаго, карающаго, ветхозавѣтнаго Бога: «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ» [35]).

Вотъ, стало быть, «за что» отмщеніе и воздаяніе: з а с т р а д а н і я ч е л о в ѣ к а. Пусть Каренинъ скоро падаетъ съ той высоты, на которой онъ не могъ удержаться, пусть онъ играетъ потомъ только роль прощающаго и незлобиваго человѣка, пусть раскаивается даже въ лучшемъ своемъ поступкѣ и со стыдомъ

вспоминаетъ о немъ, пусть злоба и мстительность побѣждаютъ человѣка въ его чиновничьемъ сердцѣ,—но его подлинныя страданія, его гибель, его несчастіе не могутъ быть заглажены ничѣмъ. И во имя высшей справедливости Анна не можетъ, Анна не смѣетъ безнаказанно пользоваться своимъ «непростительнымъ» счастіемъ. И оно ей дѣйствительно не прощается. Достоевскій сперва въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», а затѣмъ въ своей знаменитой пушкинской рѣчи, вовсе не имѣя въ виду «Анны Карениной», сказалъ и формулировалъ то самое, что Толстой высказалъ въ своемъ романѣ яркими художественными образами. Достоевскій задавался вопросомъ—почему Татьяна не могла уйти съ Онѣгинымъ отъ стараго мужа, изувѣченнаго въ сраженіяхъ смѣшного генерала? «Я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна»—отчего, почему? Потому,—отвѣчалъ Достоевскій,—что человѣкъ не можетъ строить своего счастія на несчастіи другого. Въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» этотъ вопросъ Достоевскій ставилъ обобщеннѣе устами Ивана: «представь, что это ты самъ,—говоритъ Иванъ Алешѣ,—возводишь зданіе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданьице... и на не отомщенныхъ слезкахъ его основать это зданіе—согласился бы ты быть архитекторомъ?.. И можешь ли ты допустить идею, что люди, для которыхъ ты строишь, согласились бы сами принять свое счастіе на неоправданной крови маленькаго замученнаго, а принявъ, остаться навѣки счастливыми?» Отрицательный отвѣтъ для Достоевскаго несомнѣненъ. Въ своей пушкинской рѣчи онъ тѣ же вопросы относитъ не къ человѣчеству и замученному невинному созданію, а къ Татьянѣ съ Онѣгинымъ и смѣшному старому генералу. Если для счастія съ Онѣгинымъ Татьянѣ надо всего на всего причинить «непоправимое несчастіе» одному только человѣку, пусть смѣшному, пусть ничтожному,—можетъ ли она согласиться на такое счастіе? А если согласится, то будетъ ли счастлива?

Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ—главная тема, главный смыслъ «Анны Карениной», все значеніе грознаго эпиграфа, внутренняя необходимость и справедливость котораго такъ геніально вскрываются мало-по-малу въ развитіи романа. И въ этомъ отношеніи «Анна Каренина» есть какъ бы продолженіе и завершеніе того самаго «Евгенія Онѣгина», о которомъ говорилъ Достоевскій. Татьяна, по его объясненію, не хотѣла и не могла сдѣлать «непоправимо несчастнымъ» своего мужа, котораго она не любила; не могла и не хотѣла строить своего счастія на несчастіи другого. Анна сдѣлала этотъ шагъ—и вотъ за это-то «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ». Въ послѣдующемъ несчастіи Анны авторъ заставляетъ читателей видѣть высшую справедливость—искупленіе вины; и вина эта—муки, причиненныя человѣку. «Страданіе есть путь искупленія»—эту любимую мысль Достоевскаго, вѣковую народную и всемірную мысль, Толстой не разъ выражалъ въ своихъ произведеніяхъ и въ письмахъ («Страданіе и есть искупленіе», говоритъ онъ, напримѣръ, въ одномъ письмѣ 1891 года). Но искупленіе это можетъ быть или слѣдствіемъ сознанія вины, или быть неосознаннымъ; примѣръ перваго мы увидимъ еще въ позднѣйшемъ «Воскресеніи», примѣръ второго видимъ въ «Аннѣ Карениной». Авторъ шагъ за шагомъ развиваетъ нить событій, изъ которыхъ создается та паутина, въ которой гибнетъ Анна; желѣзная необходимость неизбѣжно и фатально приводитъ ее къ гибели. Ее мучаетъ часто во снѣ кошмаръ: старичокъ съ взлохмаченной бородой что-то дѣлаетъ, нагнувшись надъ желѣзомъ, приговаривая какія-то слова; дѣлаетъ какое-то страшное дѣло въ желѣзѣ надъ нею, не обращая на нее вниманія. Мы знаемъ, какія слова онъ приговариваетъ,—ихъ Толстой поставилъ эпиграфомъ къ роману; но и смыслъ этихъ словъ намъ теперь такъ же понятенъ, какъ и неизбѣжная гибель Анны подъ грохочущимъ желѣзомъ проходящаго поѣзда.

Для Анны спасенія не было. Она принесла въ жертву своему счастію несчастіе другого—и погибла; если бы она принесла въ жертву свое счастіе и осталась бы жить съ ненавистнымъ ей

мужемъ, она обрекла бы себя на вѣчное несчастіе. Что же дѣлать? По желѣзному закону жизни—внѣшняя гибель ожидаетъ лучшихъ и достойнѣйшихъ; подлинный герой—всегда обреченъ въ жертву, ибо величіе, геройство и вообще человѣческое достоинство надо выстрадать. Когда-то на этотъ законъ жизни и именно по этому же поводу—съ ненавистью обрушивался Бѣлинскій, предвосхищая мучительные вопросы и Достоевскаго, и Толстого. Для осуществленія «трагическаго» избирается самою жизнью «герой, благороднѣйшій сосудъ духа, какъ самый жирный баранъ для закланія»—горько иронизировалъ Бѣлинскій; этому герою, для осуществленія «нравственнаго закона», приходится либо принести свое сердце въ жертву «долгу», т. е. страдать, либо быть побѣжденному своей страстью, т. е. опять-таки страдать подъ гнетомъ «долга». (Въ этихъ немногихъ словахъ разсказаны двѣ громадныя исторіи—исторія Татьяны Лариной и исторія Анны Карениной). «Стоитъ ли жить въ томъ и другомъ случаѣ!— восклицаетъ Бѣлинскій:—я... я не герой, но люблю героевъ, и въ иныя минуты мнѣ кажется, что я пожертвовалъ бы тысячью жизнями въ ознаменованіе моей безконечной любви и безконечнаго умиленія къ благородной жертвѣ долга, я всегда предпочту безмолвное ея страданіе беззаконному, хотя и божественному блаженству; но законъ-то, осуждающій на страданіе повинующагося ему, такъ же какъ и не повинующагося, законъ-то этотъ я и ненавижу, и презираю»... [36]).

Лучше погибнуть, чѣмъ погубить—это, конечно, мысль и Бѣлинскаго, и Достоевскаго, и Толстого; но въ этомъ же романѣ Толстой въ художественныхъ образахъ пробуетъ дать кромѣ отрицательнаго еще и положительный выводъ. Какъ жить?— спрашиваетъ онъ себя все время, спрашивалъ себя въ «Войнѣ и мирѣ», спрашиваетъ и теперь. Отвѣтомъ служила ему въ это время исповѣдуемая имъ религія жизни: «Жизнь есть все. Жизнь есть Богъ». Но у этого Бога-Жизни есть свои желѣзные законы необходимости и справедливости—мы видѣли это на Аннѣ. Поневолѣ еще и еще разъ задается Толстой все тѣмъ

же вопросомъ «какъ жить?», и параллельно съ романомъ Анны даетъ намъ еще разъ исторію своихъ исканій, своихъ запросовъ, своихъ сомнѣній и отвѣтовъ въ исторіи и развитіи второго главнаго героя романа—Константина Левина, съ его вопросомъ и отвѣтомъ: «какъ жить?—жить для души».

Левинъ—это все тотъ же Оленинъ, все тотъ же Левъ Толстой въ его вѣчномъ развитіи. Снова, съ первыхъ же страницъ романа, мы встрѣчаемся съ вѣчными «вопросами» Толстого—«съ тѣми вопросами о значеніи жизни и смерти для него самого, которые въ послѣднее время чаще и чаще приходили ему на умъ». Примитивная философія Облонскихъ, эта опошленная религія жизни («цѣль образованія—изъ всего сдѣлать наслажденіе»), не можетъ, конечно, удовлетворить Левина: «если это цѣль, то я желалъ бы быть дикимъ», отвѣчаетъ онъ. Общее для всѣхъ кающихся дворянъ семидесятыхъ годовъ чувство соціальной вины и вопросъ «какъ мнѣ жить свято?»—не миновали и Левина; вопросы религіозные и философскіе онъ пытается одно время удовлетворить соціальнымъ рѣшеніемъ. «Мнѣ, главное, надо чувствовать, что я невиноватъ», говоритъ онъ; но какъ же чувствовать себя соціально невиноватымъ, имѣя тысячи десятинъ земли и тысячи рублей дохода? Спасенія Левинъ ищетъ и въ работѣ на «общее благо», въ своеобразныхъ сельскихъ кооперативахъ; и въ крестьянскомъ трудѣ; и въ мечтахъ, подобно Оленину, объ опрощеніи; ему приходитъ въ голову мысль, что «отъ него зависитъ перемѣнить ту столь тягостную, праздную, искусственную и личную жизнь, которою онъ жилъ, на эту трудовую, чистую и общую прелестную жизнь». Это легко въ теоріи; но—что скажетъ Кити?.. Отвѣтъ на это дала послѣдующая жизнь Л. Толстого; соціальные же эксперименты Левина кончаются той теоріей, что, работая для себя и семьи, онъ работаетъ этимъ самымъ и для общаго блага. Именно къ этому мѣсту романа только и могутъ быть отнесены позднѣйшія слова Л. Толстого изъ «Исповѣди»: «я писалъ, поучая тому, что для меня было единой истиной—что надо жить такъ, чтобы самому съ семьей было какъ можно

лучше»... Такимъ образомъ, вѣчный вопросъ—«жить для себя» или «жить для другихъ»?—рѣшался самымъ неожиданнымъ образомъ: живи для себя, и уже этимъ самымъ ты будешь приносить благо другимъ... «Прежде, когда Левинъ старался сдѣлать что-нибудь такое, что сдѣлало бы добро для всѣхъ, для человѣчества, для Россіи, для всей деревни, онъ замѣчалъ, что мысли объ этомъ были пріятны, но самая дѣятельность всегда бывала нескладная ...теперь же, когда онъ, послѣ женитьбы, сталъ болѣе и болѣе ограничиваться жизнью для себя, онъ, хотя не испытывалъ болѣе никакой радости при мысли о своей дѣятельности, чувствовалъ увѣренность, что дѣло его необходимо»... [37]). Этимъ и кончились соціальные эксперименты Левина,—но не Толстого; мучительныя философскія и религіозныя исканія вскорѣ заставили его еще и еще разъ пересмотрѣть и перестрадать эти свои рѣшенія соціальнаго вопроса.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что соціальныя исканія вскорѣ стали все болѣе и болѣе затѣняться у Толстого вопросами философскими и религіозными. Прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ «какъ жить?», надо было сумѣть отвѣтить на болѣе общій вопросъ: «зачѣмъ жить?», ибо, ограничиваясь отвѣтомъ на вопросъ «какъ?», мы лишь implicite намѣчаемъ пути рѣшенія вопроса «зачѣмъ?», въ то время какъ отвѣчая на вопросъ «зачѣмъ?» мы уже тѣмъ самымъ explicite рѣшаемъ вопросъ «какъ?». Въ первомъ случаѣ мы опредѣляемъ только норму личнаго поведенія, а это не даетъ еще полнаго отвѣта на вопросъ о цѣли; во второмъ же случаѣ, рѣшая проблему цѣли, мы тѣмъ самымъ вполнѣ и подробно опредѣляемъ норму личнаго и общественнаго поведенія. «Какъ жить?»—это только практическій вопросъ, рѣшаемый часто на почвѣ соціально-политической, и онъ неизбѣжно входитъ, какъ часть, въ болѣе общій вопросъ—«зачѣмъ жить?», рѣшенія котораго можно искать только на почвѣ философской и религіозной. Очень часто бываетъ, что, тщетно стремясь понять жизнь путемъ отвѣта на первый вопросъ, человѣкъ приходитъ въ концѣ концовъ къ сознанію необходимости прежде всего дать отвѣтъ

на второй вопросъ, вопросъ болѣе основной: зачѣмъ ты живешь? Зачѣмъ радости и страданія? Зачѣмъ зло? Зачѣмъ добро? Зачѣмъ вообще жизнь, зачѣмъ жить, хорошо или дурно, справедливо или несправедливо, во злѣ или въ добрѣ?

Вопросы эти, какъ это и съ Л. Толстымъ было, стали передъ Левинымъ послѣ того, какъ онъ вдругъ увидѣлъ и понялъ, что на свѣтѣ существуетъ смерть. Это попрежнему основной, главный вопросъ для Толстого; и не случайно всѣ главы въ «Аннѣ Карениной» беззаглавны, за исключеніемъ одной только двадцатой главы пятой части: только одна она озаглавлена—«Смерть». По сравненію со смертью все остальное человѣческое слишкомъ мелко, чтобы заслуживать особаго заглавія... И стоитъ ли послѣ этого останавливаться на вопросѣ «какъ жить?»—думаетъ Левинъ. «Только что ему немного уяснился вопросъ о томъ, какъ жить, какъ представился новый неразрѣшимый вопросъ—смерть». А вопросъ «смерть» и есть иными словами—«зачѣмъ жить?». Братъ Николай умираетъ, и Левинъ переживаетъ его смерть, какъ бы свою. «Смерть, неизбѣжный конецъ всего, въ первый разъ съ неотразимою силою представилась ему. И смерть эта, которая была тутъ, въ этомъ любимомъ братѣ, была совсѣмъ не такъ далека, какъ ему прежде казалось. Она была и въ немъ самомъ—онъ это чувствовалъ. Не нынче—такъ завтра, не завтра,—такъ черезъ тридцать лѣтъ, развѣ не все равно! А что такое была эта неизбѣжная смерть, онъ не только не зналъ, не только никогда и не думалъ объ этомъ, но не умѣлъ и не смѣлъ думать объ этомъ. —Я работаю, я хочу сдѣлать что-то, а я забылъ, что все кончится, что—смерть»... Это все тѣ же мысли, которыя мучали Толстого пятнадцатью годами ранѣе, послѣ смерти брата Николая; теперь, проживъ эти счастливые пятнадцать лѣтъ, онъ снова возвращается къ тѣмъ же вопросамъ и мученіямъ. Сама жизнь заставила его вернуться къ нимъ: какъ разъ въ эпоху творчества надъ «Анной Карениной» смерть снова посѣтила домъ Толстого; между 1873 и 1875 гг. у него умерло трое маленькихъ дѣтей и восьмидесятилѣтняя тетушка его,

Юшкова. Смерть дѣтей глубоко поразила Толстого и съ новой силой поставила передъ нимъ вопросъ «зачѣмъ?»; зачѣмъ было ребенку родиться, чтобы умереть, не проживъ и нѣсколькихъ лѣтъ? Зачѣмъ смерть? Смерть старухи Юшковой потрясла его еще больше: зачѣмъ и для чего жила она эти восемьдесятъ лѣтъ? Зачѣмъ жизнь? «Эта смерть старухи 80-ти лѣтъ,—писалъ тогда же Толстой,—подѣйствовала на меня такъ, какъ никакая смерть не дѣйствовала;... часу не проходитъ, чтобы я не думалъ о ней. Хорошо вѣрующимъ, а намъ труднѣе»... «Что я думаю безпрестанно о вопросахъ, значенiи жизни и смерти и думаю, какъ только можно думать серьезно—это несомнѣнно. Что я желаю всѣми силами души получить разрѣшенiе мучающимъ меня вопросамъ и не нахожу ихъ въ философiи—это тоже несомнѣнно; но чтобы я могъ повѣрить—мнѣ кажется невозможно»... Такъ снова начинались тѣ мучительныя исканiя, которыя вскорѣ привели къ новому, третьему кризису вѣры Толстого [38]).

Возвращаемся, однако, къ Левину; въ романѣ его тоже спасаетъ на время, какъ и Толстого, семейная жизнь, Кити, дѣти; но вопросъ «зачѣмъ?» вскорѣ снова овладѣваетъ всѣми его мыслями; онъ, счастливый семьянинъ, становится близокъ къ самоубiйству. Все это—буквально то же самое, что мы только что слышали и что нѣсколькими годами позже еще услышимъ отъ самого Л. Толстого въ его «Исповѣди». И спасается Левинъ тѣмъ же самымъ: надо жить для души, для добра, для Бога; это даетъ Левину-Толстому объясненiе жизни, отвѣтъ на вопросъ «зачѣмъ», совершенно не похожiй (полагаетъ онъ) на прежнiе его отвѣты—отвѣты религiи жизни и религiи прогресса. «Прежде—размышляетъ Левинъ—я говорилъ, что въ моемъ тѣлѣ, въ тѣлѣ этой травы и этой букашки совершается по физическимъ, химическимъ, физiологическимъ законамъ обмѣнъ матерiи. А во всѣхъ насъ, вмѣстѣ съ осинами и съ облаками, и съ туманными пятнами совершается развитiе. Развитiе изъ чего? во что? Безконечное развитiе и борьба... Точно можетъ быть какое-нибудь направленiе и борьба въ безконечномъ! И я удивлялся, что, несмотря на самое большое напря-

женіе мысли по этому пути, мнѣ все-таки не открывается смыслъ жизни, смыслъ моихъ побужденій и стремленій. Теперь же я говорю, что я знаю смыслъ моей жизни: жить для Бога, для души. И смыслъ этотъ, несмотря на свою ясность, таинственenъ и чудесенъ. Таковъ же и смыслъ всего существующаго»... Такъ было съ Левинымъ-Толстымъ. Религія жизни, исповѣдывавшаяся Толстымъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, уступаетъ свое мѣсто первой вѣрѣ героя «Юности»—вѣрѣ въ совершенствованіе и Бога-Добро. Но объ этомъ третьемъ и послѣднемъ кризисѣ міровоззрѣнія Л. Толстого мы скажемъ, говоря объ «Исповѣди»; въ «Аннѣ Карениной» только первые проблески еще несформировавшейся новой вѣры.

Однако, и безъ этого смыслъ романа достаточно ясенъ. Трагедія Анны и трагедія Левина взаимно дополняютъ другъ друга; и если изъ жизни князя Андрея и Пьера можно было притти къ выводу: «жизнь есть все. Жизнь есть Богъ», то жизнь Анны и Левина приводила—отрицательно и положительно—къ другой формулировкѣ: «добро есть все. Добро есть Богъ». И если не по закону этого «добра» ведется жизнь, тогда начинаетъ свою работу Старичокъ надъ желѣзомъ, приговаривая вѣчныя слова: «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ». И эта желѣзная необходимость не есть какой-либо внѣшній Богъ,—она заключена въ самой душѣ человѣческой. Не историческій фатализмъ, какъ въ «Войнѣ и мирѣ», а своего рода психологическій фатализмъ властно руководитъ движеніями души свободнаго человѣка. И попрежнему эпиграфомъ къ роману могли бы стоять слова, взятыя Толстымъ уже и для «Ясной Поляны», журнала 1862 года: «Du glaubst zu schieben und du bist geschoben». Но этотъ психологическій фатализмъ царитъ не только въ причинномъ ряду событій; онъ оказывается тождественнымъ и съ этической нормой, съ закономъ справедливости. Чуть человѣкъ преступаетъ «добро», его ждетъ казнь въ немъ самомъ; искупительныя страданія являются лишь осуществленіемъ справедливости въ мірѣ нравственномъ. Таковъ «предвѣчный законъ», причинъ котораго,—говоритъ Толстой—

намъ не дано понять; мы можемъ лишь выявить существованіе этого закона. Другой предвѣчный законъ—законъ любви, какъ осуществленія добра, царитъ скрытый въ душѣ человѣка и можетъ сдѣлать подлиннымъ героемъ, подлиннымъ человѣкомъ даже чиновника Каренина.

Такова «сукровица» этого романа Л. Толстого. Конечно, сукровица эта незамѣтно заключена въ плоти и крови художественнаго творчества; идеи эти выражены не въ словесныхъ формулахъ, а, по выраженію Достоевскаго, «въ огромной психологической разработкѣ души человѣческой съ страшной глубиной и силой, съ небывалымъ доселѣ у насъ реализмомъ художественнаго изображенія». Есть сукровица, но есть и кровь, и плоть, и кости, и біеніе истинной жизни, далекой отъ всякихъ схемъ; для того, чтобы выявить все это, пришлось бы перевести на блѣдный языкъ отвлеченной мысли все то, что художникъ сказалъ красочнымъ и образнымъ словомъ живого творчества. И самъ Толстой сказалъ по этому поводу: «если бы я хотѣлъ сказать словами все то, что имѣлъ въ виду выразить романомъ, то я долженъ бы былъ написать романъ тотъ самый, который я написалъ, сначала». Это несомнѣнно такъ; но все же мы можемъ въ немногихъ словахъ выразить главный смыслъ романа, понять самую «сукровицу» грандіозной психологической эпопеи, какъ можно по справедливости назвать этотъ романъ Толстого. Снова вся жизнь, снова кипѣніе всей жизни здѣсь передъ нами; въ «Войнѣ и мирѣ» сценой была вся Европа, въ «Аннѣ Карениной»—узкая полоска петербургскихъ и московскихъ гостиныхъ и подмосковныхъ деревень. Но читатель этого не замѣчаетъ: размахъ исторической эпопеи возмѣщается глубиной эпопеи психологической; и здѣсь, и тамъ—жизнь во всей ея широтѣ, во всей ея глубинѣ. На-ряду съ великими произведеніями Достоевскаго, «Война и миръ» и «Анна Каренина» навсегда останутся непревосходимыми и высочайшими произведеніями всей русской литературы.

Это ясно намъ теперь; этого не видѣли (исключенія не въ счетъ) въ семидесятыхъ годахъ. Настолько не видѣли, что при-

сяжные критики того времени смѣялись надъ «безсодержательностью» этого романа... Катковъ, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» котораго печатался этотъ романъ, не пожелалъ помѣстить въ журналѣ восьмую часть романа. Даже Достоевскій, понимавшій Толстого, какъ никто, даже онъ упрекалъ Толстого за эту восьмую часть романа—за «отпаденіе Л. Толстого отъ русскаго всеобщаго и великаго дѣла», дѣла освобожденія турецкихъ славянъ, къ которому Левинъ относится отрицательно. Тогда еще не было видно, что отрицаніе Левина—первый шагъ къ отрицанію «противленія злу насиліемъ», а это скоро легло во главу угла новой вѣры Толстого. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ («опрощеніе» Левина, кризисъ его былой вѣры, новая вѣра и т. д.), «Анна Каренина» является широкимъ введеніемъ къ цѣлой громадной полосѣ новой дѣятельности Л. Толстого, дѣятельности уже не всецѣло художественной, но возвеличившей его имя больше, чѣмъ двѣ его великія эпопеи. Эта дѣятельность моралиста и проповѣдника была только проявленіемъ и продолженіемъ той самой религіозной философіи, которая, мѣняясь, проходила черезъ всю художественную дѣятельность Толстого.

V.

«Анна Каренина» была непосредственнымъ введеніемъ въ полосу новаго міровоззрѣнія Л. Толстого; кризисъ религіи жизни—вотъ что мы видѣли въ Левинѣ. Такъ было и съ Толстымъ. Вѣру въ церковнаго Бога онъ потерялъ давно, въ пятидесятыхъ годахъ; ее замѣнила ему религія прогресса. Въ шестидесятыхъ годахъ съ нимъ произошелъ новый кризисъ—разочарованіе въ религіи прогресса и замѣна ея новой вѣрой, новой подсознательной религіей—религіей жизни. И поистинѣ великой была эта религія, если судить о ней по ея послѣдствіямъ, по ея проявленіямъ, а такимъ проявленіемъ была великая эпопея «Войны и мира». Къ «Аннѣ Карениной» Толстой приступилъ еще полный этой вѣры, но уже съ начинавшимися сомнѣніями и вопросами. Когда онъ кончалъ «Анну Каренину», онъ вступалъ уже въ періодъ третьяго и послѣдняго своего кризиса—самаго тяжелаго, самаго мучительнаго: онъ усомнился въ своей религіи жизни, онъ потерялъ вѣру въ жизнь. Можно потерять вѣру въ благого личнаго Бога—и остаться жить; такъ бываетъ сплошь и рядомъ. Можно потерять вѣру въ благодѣтельный прогрессъ—и остаться жить; такъ случается нерѣдко. Но потерять вѣру въ жизнь и остаться жить—невозможно; тогда можно лишь не жить, а влачить существованіе, убивая время, пока не хватитъ силы духа убить себя. Вотъ эту тяжелую потерю вѣры въ религію жизни, въ самую жизнь, суждено было испытать во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ Л. Толстому. Первые симптомы этого кризиса были видны на Левинѣ—уже въ 1875—1876 г.; съ этого

времени и начались новыя мучительныя и великія исканія Льва Толстого, о которыхъ онъ разсказалъ въ замѣчательнѣйшей своей «Исповѣди» (1879—1882 гг.).

«Пять лѣтъ тому назадъ,—писалъ Толстой (повидимому, въ 1882 году),—со мною стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоумѣнія, остановки жизни, какъ будто я не зналъ, какъ мнѣ жить, что мнѣ дѣлать, и я терялся и впадалъ въ уныніе. Но это проходило, и я продолжалъ жить попрежнему. Потомъ эти минуты недоумѣнія стали повторяться чаще и чаще и все въ той же формѣ. Эти остановки жизни выражались всегда одинаковыми вопросами: зачѣмъ? Ну, а потомъ»? Жизни для жизни онъ принять уже не могъ; онъ пресытился счастьемъ, любовью, славою, всѣмъ окружающимъ міромъ; религія жизни перестала его удовлетворять, начались новыя, мучительныя, великія исканія новой вѣры, новой истины. И тѣмъ мучительнѣе были эти исканія, что старая истина—«жизнь»—была заложена несознаваемо глубоко въ личности Толстого. Часто приходъ весны или лѣта смывалъ все прежнее пресыщеніе жизнью, показывалъ, что е с т ь жизнь и при неразрѣшенномъ вопросѣ «зачѣмъ»?. «Теперь лѣто,—писалъ, напримѣръ, Толстой въ одномъ изъ писемъ 1880 года, какъ разъ въ разгаръ своей работы надъ «Исповѣдью» и надъ «Критикой догматическаго богословія», въ разгаръ своихъ мучительныхъ исканій смысла жизни,—теперь лѣто, и прелестное лѣто, и я, какъ обыкновенно, ошалѣваю отъ жизни и забываю свою работу. Нынѣшній годъ долго я боролся, но красота міра побѣдила меня. И я радуюсь жизни и больше почти ничего не дѣлаю».

Такъ всегда бывало съ Толстымъ. Чувство говорило ему: «радуйся жизни», а разумъ требовалъ объясненія «смысла»: для какой конечной цѣли дана эта жизнь? А конечныя цѣли, такъ же какъ и первопричины, недоступны человѣческому познанію—Толстой зналъ это очень хорошо; онъ зналъ, что ему «все хочется понять, чего нельзя понять»,—такъ самъ онъ говорилъ въ письмѣ къ своей свояченицѣ еще въ началѣ 1865 года. И все-таки Толстой

не переставалъ требовать отъ своего «разума» раскрытія этой конечной цѣли, объясненія конечнаго послѣдняго «смысла жизни». Отвѣта не было и не могло быть—и Толстой впадалъ въ отчаяніе, проклиналъ ту «истину», которая вырисовывалась передъ его глазами: «даже узнать истину я не могъ желать, потому что я догадывался, въ чемъ она состояла. Истина была та, что жизнь есть безсмыслица»... Остановиться на этомъ рѣшеніи Толстой не могъ, потому что онъ исходилъ изъ предпосылки, что жизнь должна имѣть объективный смыслъ. «Если-бъ я просто понялъ, что жизнь не имѣетъ смысла, я спокойно бы могъ знать это, могъ бы знать, что это—мой удѣлъ. Но я не могъ успокоиться на этомъ. Если бы я былъ какъ человѣкъ, живущій въ лѣсу, изъ котораго онъ знаетъ, что нѣтъ выхода, я бы могъ жить; но я былъ какъ человѣкъ, заблудившійся въ лѣсу, на котораго нашелъ ужасъ оттого, что онъ заблудился, и онъ мечется, желая выбраться на дорогу, зная, что всякій шагъ еще больше путаетъ его—и не можетъ не метаться. Вотъ что было ужасно»... Почему же Толстой былъ увѣренъ, что онъ заблудился въ лѣсу? Почему не остановился онъ на мысли, что онъ живетъ въ лѣсу, изъ котораго куда ни иди—все лѣсъ и нѣтъ никакой, внѣ лѣса находящейся, конечной цѣли пути? Представьте себѣ психологію какого-нибудь античнаго человѣка, который увѣренъ, что гдѣ-то есть «конецъ свѣта», и что если туда дойти, то очутишься въ эдемской долинѣ: могъ ли бы онъ согласиться съ тѣмъ, что никакого конца свѣта нѣтъ, и что сколько ни иди—все равно вернешься по замкнутому кругу въ то мѣсто, откуда вышелъ? Психологіи Толстого тоже была ненавистна эта идея «замкнутаго круга». Жить въ лѣсу и только въ лѣсу онъ не хотѣлъ, а потому предпочиталъ вѣрить, что онъ заблудился въ этомъ лѣсу человѣческой жизни. А разъ заблудился или сознаḷъ, что выхода нѣтъ, а онъ долженъ быть—то какъ же не впасть въ отчаяніе, не притти къ мысли о какомъ то жестокомъ Богѣ, который зло смѣется надъ обманутымъ человѣкомъ? «Жизнь моя—думалъ тогда Толстой—есть какая-то, кѣмъ-то сыгранная

надо мною, глупая и злая шутка. Несмотря на то, что я не признавалъ «кого-то», который меня сотворилъ, эта форма представленія, что кто то надо мной подшутилъ зло и глупо, произведя меня на свѣтъ, была самая естественная мнѣ форма представленія. Невольно мнѣ представлялось, что тамъ гдѣ-то есть кто-то, который теперь потѣшается, глядя на меня, какъ я цѣлые 30—40 лѣтъ жилъ, жилъ, учась, развиваясь, возрастая тѣломъ и духомъ, и какъ я теперь, совсѣмъ окрѣпнувъ умомъ, дойдя до той вершины жизни, съ которой открывается вся она,—какъ я дуракъ дуракомъ стою на этой вершинѣ, ясно понимая, что ничего въ жизни нѣтъ, не было, и не будетъ. А ему смѣшно...—Но есть-ли или нѣтъ этотъ кто-нибудь, который смѣется надо мной, мнѣ отъ этого не легче. Я не могъ придать никакого разумнаго смысла ни одному поступку, ни всей моей жизни. Меня только удивляло то, какъ я могъ не понимать этого въ самомъ началѣ. Все это такъ давно извѣстно всѣмъ. Не нынче-завтра придутъ болѣзни, смерть (и приходили уже) на любимыхъ людей, на меня, и ничего не останется, кромѣ смрада и червей. Дѣла мои, какія бы они ни были, всѣ забудутся—раньше, позднѣе, да и меня не будетъ. Такъ изъ чего-же хлопотать? Какъ можетъ человѣкъ не видѣть этого и жить —вотъ что удивительно! Можно жить только, покуда пьянъ жизнью; а какъ протрезвишься, то нельзя не видѣть, что все это обманъ и глупый обманъ! Вотъ именно, что ничего даже нѣтъ смѣшного и остроумнаго, а просто—жестоко и глупо»... [39]).

Какъ я могъ не понимать этого въ самомъ началѣ!—восклицаетъ Толстой; но онъ не правъ. Давно, уже «съ самаго начала» задавался онъ все этими-же мучительными вопросами и исканіями; достаточно вспомнить одного только князя Андрея, который прошелъ черезъ всѣ эти исканія и мученія мысли и чувства. Вопросы были тѣ-же—правда; но отвѣчалъ на нихъ Толстой тогда совсѣмъ по иному, а значитъ и иначе понималъ ихъ. Тогда отвѣтомъ его была—религія жизни; теперь Толстой съ презрѣніемъ говоритъ, что онъ тогда былъ «пьянъ жизнью». Что-же, можетъ

быть въ этомъ вѣчномъ духовномъ опьяненіи и лежитъ отвѣтъ самой жизни на вопросы о ея «смыслѣ». Разумъ безсиленъ отвѣтить, а чувство не даетъ отвѣта логическими аргументами. Но Толстому мало теперь полноты жизни, принятія ея въ страданіяхъ и радостяхъ, вѣчнаго восторга, глубины и широты ея, ему мало субъективнаго смысла жизни; религія жизни—имманентна, Толстой теперь требуетъ трансцендентнаго отвѣта: «есть-ли въ моей жизни—спрашиваетъ онъ въ «Исповѣди»—такой смыслъ, который не уничтожился бы неизбѣжной, предстоящей мнѣ смертью»? А этотъ вопросъ—вопросъ о конечной цѣли—выходитъ за предѣлы религіи жизни; онъ можетъ быть разрѣшенъ только на почвѣ новой религіи, новой вѣры.

Толстой и пришелъ къ этой новой вѣрѣ или, точнѣе, вернулся къ старой. Это было возвращеніе къ идеаламъ Оленина; это было въ то-же время возвращеніе и къ понятію «человѣчества», народа, къ его коллективной правдѣ, къ его пониманію смысла жизни. Со мной случился переворотъ, который давно готовился во мнѣ и задатки котораго всегда были во мнѣ. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга—богатыхъ, ученыхъ—не только опротивѣла мнѣ, но потеряла всякій смыслъ. Всѣ наши дѣйствія, разсужденія, науки, искусства—все это предстало мнѣ въ новомъ значеніи. Я понялъ, что все это—одно баловство, что искать смысла въ этомъ нельзя. Жизнь-же всего трудящагося народа, всего человѣчества, творящаго жизнь, представилась мнѣ въ ея настоящемъ значеніи. Я понялъ, что это—сама жизнь, и что смыслъ, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принялъ его»... Въ чемъ же былъ этотъ смыслъ, въ чемъ была эта истина? Они были въ томъ, что «мучительное чувство исканія Бога» завершилось у Толстого возвращеніемъ къ вѣрѣ въ высшую волю, поставившую цѣлью человѣка совершенствованіе. «Я вернулся во всемъ къ самому прежнему, дѣтскому и юношескому. Я вернулся къ вѣрѣ въ ту волю, которая произвела меня и чего-то хочетъ отъ меня; я вернулся къ тому, что главная и единственная цѣль моей жизни есть то, чтобы быть лучше, т.-е. жить согласнѣе

съ этой волей... Я вернулся къ вѣрѣ въ Бога, въ нравственное совершенствованіе и въ преданіе, передававшее смыслъ жизни. Только та и была разница, что тогда все это было принято безсознательно, теперь же я зналъ, что безъ этого я не могу жить». И отъ недавней формулы Пьера: «Жизнь есть все. Жизнь есть Богъ», Л. Толстой перешелъ къ другой, о которой онъ говоритъ въ «Исповѣди» и другихъ сочиненіяхъ: «Богъ есть все. Богъ есть жизнь» [40]).

Такъ произошелъ третій религіозный кризисъ въ душѣ Толстого, продолжавшійся всю вторую половину семидесятыхъ годовъ. Переворотъ этотъ «давно готовился и задатки (его) всегда были во мнѣ»—слышали мы только что отъ Толстого, и мы уже знаемъ, что онъ глубоко правъ въ этомъ своемъ утвержденіи. И характерно: за все это время душевнаго кризиса Толстой не могъ создать ни одного художественнаго произведенія; закончивъ въ 1877 году «Анну Каренину», онъ только въ 1884—1886 гг. могъ создать «Смерть Ивана Ильича» (попытки вернуться къ роману «Декабристы» и продолжить этимъ «Войну и миръ» остались въ 1878 году неудачными). Это, повторяю, очень характерно. Толстой говорилъ, мы это видѣли, что «Война и миръ» была написана имъ въ періодъ отсутствія у него всякой религіи, въ эпоху отсутствія у него «всякаго исканія общаго смысла жизни». Уже a priori мы могли заявить, что это невозможно, что Толстой въ то время «самъ не зналъ, какого онъ духа», что въ основѣ великой эпопеи должна была лежать хотя бы подсознательная религія. И мы видѣли, что такой была въ то время для Толстого великая религія жизни. Точно также a priori можно заявить, что по той же причинѣ невозможно было для Толстого какое бы то ни было художественное творчество въ его «междурелигіозную» эпоху жизни. Онъ не принадлежалъ къ числу писателей, которые въ художественныхъ образахъ могутъ выражать свое отчаяніе, безысходность, невѣріе въ жизнь, невѣріе въ Бога: если бы онъ остановился на этомъ невѣріи, онъ бы убилъ себя, а не сталъ бы браться за перо и бумагу. Но когда пришла вѣра, вернулось и

художественное творчество: въ 1884 году Толстой написалъ «Смерть Ивана Ильича», въ 1885 г.—народныя легенды и сказки, въ 1886 г. —«Власть тьмы», въ 1889 г.—«Плоды просвѣщенія», «Крейцерову сонату», «Дьяволъ» и т. д.

Не надо думать, что за все это время Л. Толстой такъ и стоялъ твердо на новой вѣрѣ, отливъ ее въ неизмѣнныя формы. Основы вѣры съ этихъ поръ остались, правда, неизмѣняемыми, но развитіе новаго міровоззрѣнія продолжалось еще долго, во всякомъ случаѣ, до начала девяностыхъ годовъ. Подобно тому какъ Бѣлинскій говорилъ о своей «вѣчной движимости», какъ о своемъ основномъ нравственномъ качествѣ, такъ и Толстой говорилъ о своемъ развитіи, что «ужъ, видно, моя судьба всегда находиться въ какой-нибудь фазѣ»... Еще въ одномъ изъ писемъ 1857 года Толстой требовалъ этой вѣчной движимости, постоянныхъ исканій: «чтобъ жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вѣчно бороться, и лишаться. А спокойствіе——душевная подлость».. И къ жизни Бѣлинскаго, и къ жизни Толстого слова эти можно поставить эпиграфомъ; великіе вѣчные искатели, они не успокаивались на найденномъ. Если Толстой къ девяностымъ годамъ и остановился на опредѣленной формѣ мысли, то все же мучительныя исканія никогда не переставали мѣнять содержаніе этихъ внѣшнихъ формъ; нечего и говорить о глубокой, внутренней, тайной работѣ его духа,—весь міръ увидѣлъ ея взрывъ въ памятные дни октября 1910 года... Не упуская изъ вида этого, все же можно утверждать, что съ конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ Толстой не измѣнялъ болѣе основамъ своей новонайденной вѣры, до конца жизни развивая ихъ, кое-что мѣняя, кое-что дополняя; къ началу девяностыхъ годовъ все главное было уже построено; новаго духовнаго переворота, исканій новой религіи больше не было.

Итакъ, третій кризисъ въ жизни и міровоззрѣніи Толстого кончился тѣмъ, что великій писатель вернулся къ вѣрѣ въ Бога, въ Бога-Добро, въ нравственное совершенствованіе. Онъ попытал-

ся было вернуться всецѣло къ прежней неразсуждающей дѣтской вѣрѣ, народной вѣрѣ, но это оказалось для него невозможнымъ. Онъ увидѣлъ, что историческое христіанство загромождено вѣковыми наслоеніями лжи, обмана и насилія, борьбы интересовъ, побѣды сильныхъ, подлаживанія къ «духу міра сего»; и онъ задался цѣлью—вышелушить, очистить, выявить «подлинное» ученіе Христа, въ которомъ онъ видѣлъ величайшаго глашатая высшей воли. Для этого пришлось взять на себя громадный трудъ критической работы, раскопки христіанства изъ-подъ историческихъ наслоеній: эта отрицательная работа характеристики наслоеній была произведена Толстымъ въ большой работѣ 1880-го года, «Критикѣ догматическаго богословія». Параграфъ за параграфомъ разсматриваетъ Толстой большое двухтомное «Православно-догматическое богословіе» митрополита Макарія, анализируя его съ точки зрѣнія разума. Конечно, для мистиковъ такая критика не могла и не можетъ быть убѣдительной, но Толстой былъ всегда враждебенъ мистицизму. Отъ богословія онъ ждалъ отвѣта на вопросъ о с м ы с л ѣ человѣческой жизни, а богословіе говорило ему о троичности, о чинахъ ангельскихъ, о сотвореніи міра, о паденіи человѣка, объ искупленіи, о воплощеніи, о семи таинствахъ, о кончинѣ міра, о страшномъ судѣ, о вѣчной мукѣ грѣшниковъ, блаженствѣ праведниковъ... «Смыслъ моей жизни, по этому ученію,—говоритъ Толстой,—есть совершеннѣйшая безсмыслица, безъ сравненія худшая той, которая мнѣ представлялась при свѣтѣ одного моего разума. Тогда я видѣлъ, что я живу, и, пока живу, пользуюсь жизнью, а умру—не буду чувствовать. Тогда меня пугала безсмысленность моей личной жизни, неразрѣшимость вопроса: зачѣмъ мои стремленія, моя жизнь, когда все кончится? Но теперь еще хуже: все это не кончится, а вся эта безсмыслица, прихоть чья-то, будетъ вѣчно продолжаться»... А между тѣмъ, подлинное христіанство есть, по мнѣнію Толстого, ученіе, открывающее смыслъ жизни; стержень христіанскаго ученія есть самосовершенствованіе, и только одно оно можетъ придать жизни смыслъ.

«Все ученіе Іисуса только въ томъ, что простыми словами повторяетъ народъ: спасти свою душу, но только свою, потому что она все... Все, что не твоя душа, все это не твое дѣло. Ищите царства небеснаго и правды его въ своей душѣ, и все будетъ хорошо»... Въ этомъ—законъ и пророки, въ этомъ—правда, соединяющая людей; а все то, что «богословіе» считаетъ важнымъ, нужнымъ и вѣрнымъ—все это можетъ только разъединить человѣка отъ человѣка. «Ни исповѣданіе, ни богопочитаніе не есть дѣло вѣры. Дѣло вѣры есть только жизнь по вѣрѣ. И жизнь одна выше всего и не можетъ быть подчинена ничему, кромѣ Бога, познаваемаго только жизнью»... [41]) Вотъ выводы и итоги «Критики догматическаго богословія», въ которой Толстымъ такъ безподобно вскрыты многія историческія наслоенія. Отъ былой религіи жизни, вѣчной подсознательной религіи Толстого, осталось это превознесеніе жизни выше всего, ибо «Богъ есть жизнь».

Одновременно съ этой шла и другая критическая работа Л. Толстого—«Соединеніе и переводъ Евангелій», громадный трудъ, получившій большую извѣстность и распространеніе въ сокращенномъ видѣ «Краткаго изложенія Евангелія» (1881 г.). Впослѣдствіи Толстой сожалѣлъ, что, переводя съ греческаго Евангелія, онъ вдался въ иныхъ мѣстахъ въ спорныя филологическія тонкости: не въ нихъ было дѣло, а въ общемъ духѣ, общемъ тонѣ сдѣланной работы. Стиль перевода подчеркнуто-простой, ибо, по мнѣнію Толстого, такъ только и должно было переводить произведенія, вышедшія изъ народныхъ низовъ и предназначенныя для всего народа. Чудесное исключается Толстымъ изъ Евангелія, которое для него кончается смертью Христа. «Идея искупленія»—была ему чужда, ибо онъ былъ твердо убѣжденъ, что «каждый разумный человѣкъ можетъ с п а с а т ь себя самъ и что собственно ему для этого н и к о г о не нужно...» [42]). Спасеніе для Толстого состояло въ томъ, чтобы найти, понять и принять смыслъ жизни—и именно въ этомъ видѣлъ онъ всю сущность христіанства. «Я—писалъ онъ—смотрю на христіанство не какъ на исключительное божественное откровеніе, не какъ на истори-

ческое явленіе,—я смотрю на христіанство, какъ на ученіе, дающее смыслъ жизни. Я былъ приведенъ къ христіанству не богословскими, не историческими изслѣдованіями, а тѣмъ, что 50-ти лѣтъ отроду, спросивъ себя и всѣхъ мудрецовъ моей среды о томъ, что такое я и въ чемъ смыслъ моей жизни, я получилъ отвѣтъ: ты—случайное сцѣпленіе частицъ; смысла въ жизни нѣтъ... Я пришелъ въ отчаяніе и хотѣлъ убить себя... (но) въ Евангеліи получилъ полные отвѣты на вопросы о смыслѣ моей жизни и жизни другихъ людей—отвѣты, вполнѣ сходящіеся со всѣми мнѣ извѣстными отвѣтами другихъ народовъ и на мой взглядъ превосходящіе всѣ» [43]). Мы еще остановимся на содержаніи этихъ отвѣтовъ Толстого; пока же достаточно отмѣтить, что этическая сторона ученія Христа и вытекающія отсюда нормы личнаго поведенія—вотъ что единственно цѣнно Толстому въ христіанствѣ. И уже всецѣло подъ вліяніемъ заново усвоенныхъ имъ основныхъ истинъ христіанства Толстой пишетъ въ 1881 году, послѣ 1-го марта, свое знаменитое письмо Александру III, призывая въ немъ къ прощенію враговъ, моля не начинать новаго царствованія ужасами казни...

Все это зданіе, созданіе новаго христіанства, увѣнчивается большой работой 1883-го года «Въ чемъ моя вѣра?», составляющей какъ бы непосредственное продолженіе и окончаніе «Исповѣди». Толстой съ геніальной простотой разсказываетъ о томъ, въ какомъ видѣ представилось ему христіанское ученіе, когда онъ отвлекъ его отъ обычнаго ложнаго пониманія. Въ нагорной проповѣди Толстой увидѣлъ пять простыхъ и ясныхъ заповѣдей, нормъ личнаго поведенія, главная изъ которыхъ—заповѣдь непротивленія злу насиліемъ. На этомъ камнѣ построилъ Толстой все ученіе свое, все свое пониманіе христіанства; задатки такихъ взглядовъ уже давно были въ Толстомъ,—мы видѣли ихъ хотя бы въ томъ самомъ Левинѣ, который такъ пророчески предвосхитилъ собою все послѣдующее развитіе самого Толстого. Но если уже говорить о пророчествѣ, то нельзя не привести здѣсь изумительнаго мѣста изъ дневника Толстого отъ 5-го марта

1855 года. Сидя подъ Севастополемъ, въ лагерѣ на Бельбекѣ, проигрывая въ карты тысячи рублей, молодой офицеръ въ то же время записывалъ въ своемъ дневникѣ: «разговоръ о божествѣ и вѣрѣ навелъ меня на великую, громадную мысль, осуществленію которой я чувствую себя способнымъ посвятить жизнь. Мысль эта—основаніе новой религіи, соотвѣтствующей развитію человѣчества, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи практической, не обѣщающей будущее блаженство, но дающей блаженство на землѣ. Привести эту мысль въ исполненіе, я понимаю, могутъ только поколѣнія, сознательно работающія къ этой цѣли.. Дѣйствовать сознательно къ соединенію людей религіей—вотъ основаніе мысли, которая, надѣюсь, увлечетъ меня». Это изумительное пророчество о самомъ себѣ могло считаться осуществленнымъ черезъ тридцать лѣтъ, послѣ появленія работы «Въ чемъ моя вѣра?» закончившей въ сущности циклъ главныхъ работъ Толстого по созданію новой религіи. Ибо поистинѣ онъ создалъ новую религію, думая воскресить старую; религія эта долго еще будетъ переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе...

Здѣсь необходимо подчеркнуть, что въ этой новой религіи мы имѣемъ своеобразный синтезъ всѣхъ трехъ былыхъ религій Толстого—и религіи Бога, и религіи Человѣчества (прогресса), и религіи Человѣка (жизни), основныхъ элементовъ всѣхъ этихъ религій. Начать съ того, что Толстой и въ статьѣ «Въ чемъ моя вѣра?» и во многихъ другихъ произведеніяхъ постоянно настаиваетъ на имманентности новой своей религіи—черта столь характерная для былой его религіи жизни. «Жизнь мы знаемъ только здѣсь въ этомъ мірѣ, и потому, если есть смыслъ въ нашей жизни, то и онъ здѣсь, въ этомъ мірѣ»,—говоритъ Толстой въ «Кругѣ Чтенія» (на «5-е марта»), этомъ позднѣйшемъ своемъ произведеніи начала девятисотыхъ годовъ. Онъ рѣзко отрицаетъ ученіе церковнаго христіанства о томъ, что настоящая, земная жизнь есть зло, что «наилучшее средство прожить эту жизнь состоитъ въ томъ, чтобы презирать ее и жить вѣрою, т.-е. воображеніемъ въ жизнь будущую, блаженную, вѣч-

ную»; не менѣе рѣзко высмѣиваетъ онъ и ту вѣру, что «по законамъ прогресса историческаго, соціологическаго и другимъ» человѣчество будетъ счастливо въ будущемъ. Это будущее блаженство на небѣ или на землѣ не удовлетворяетъ Толстого; его религія имманентная, цѣль которой въ настоящемъ каждаго человѣка, ибо «если есть жизнь разумная, то она должна быть... такая, цѣль которой не въ жизни для себя въ будущемъ». «Жизнь только въ настоящемъ... Въ «Отче нашъ» вѣдь это самое сказано», писалъ, напримѣръ, Толстой позднѣе, въ письмѣ отъ 30 апрѣля 1890 года; но и десятью годами ранѣе онъ то-же самое говорилъ въ своемъ «Краткомъ изложеніи Евангелія»: «истинная жизнь есть только жизнь въ настоящемъ»—этой мысли посвящена вся VIII глава изложенія. И въ то-же время «жизнь въ настоящемъ» не есть только «жизнь для себя»: въ этомъ Толстой видитъ весь смыслъ евангельской притчи о десяти дѣвахъ, о страшномъ судѣ и о концѣ міра. «Смерть, смерть, смерть каждую секунду ждетъ васъ. Жизнь ваша совершается въ виду смерти. Если вы трудитесь лично для себя въ будущемъ, то вы сами знаете, что въ будущемъ для васъ одно—смерть. И эта смерть разрушаетъ все то, для чего вы трудились. Стало быть, жизнь для себя не можетъ имѣть никакого смысла. Если есть жизнь разумная, то она должна быть какая нибудь другая, т. е. такая, цѣль которой не въ жизни для себя въ будущемъ» [44]). Жизнь въ настоящемъ— это прежнее утвержденіе Толстого перешло и въ новую его вѣру: оно прошло черезъ всѣ кризисы религіозной мысли Толстого. Еще въ дневникѣ отъ 6 августа 1852 года Толстой записывалъ: «будущность занимаетъ насъ болѣе дѣйствительности. Эта наклонность хороша, ежели мы думаемъ о будущности того міра. Жить въ настоящемъ—т. е. поступать наилучшимъ образомъ въ настоящемъ—вотъ мудрость...» И черезъ двадцать лѣтъ Толстой говоритъ въ юмористическомъ посланіи Фету (ноябрь 1872 года):

Пускай въ грядущемъ много бѣдъ,—
Своя довлѣетъ дневи злоба:
Такъ лучше жить, любезный Фетъ...

Шутка—шуткой, но все же мысль эта о жизни въ настоящемъ проходитъ черезъ всю жизнь Толстого. Уже въ работѣ самыхъ послѣднихъ лѣтъ жизни, въ «Кругѣ Чтенія» (на «10 августа») Толстой говоритъ о томъ, что «настоящее есть то состояніе, въ которомъ одномъ проявляется наша божественная сущность. Будемъ же благоговѣть передъ настоящимъ—въ немъ Богъ»... И эту же мысль Толстой разработалъ въ формѣ сказки «Три вопроса» (1904 г.): въ художественныхъ образахъ въ ней проводится все та-же мысль о жизни въ настоящемъ. Оправдывать и объяснять жизнь будущимъ, трансцендентнымъ—будь то блаженство души на небѣ, или блаженство человѣчества на землѣ—было безконечно чуждо земной и имманентной религіи Толстого.

Жизнь есть благо, а не зло—и именно жизнь эта, земная, временная: вотъ догматъ имманентной религіи Толстого. Грубая ошибка—представлять религію Толстого какой-то аскетической, ненавидящей жизнь и злорадно проповѣдующей, что человѣку только «три аршина земли» нужно; это сказано Толстымъ совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, въ смыслѣ—«помни о смерти». Три аршина земли—это постоянное «memento mori» Толстого для тѣхъ людей, которые глухи и слѣпы къ запросамъ духа; для зрячихъ-же—«жизнь должна и можетъ быть непрестающей радостью», ибо «жизнь здѣсь—не юдоль плача, не мѣсто испытанія, а нѣчто, лучше чего мы ничего не можемъ себѣ представить; радость этой жизни безконечна, только бы мы пользовались ею, исполняя положенные намъ для этого законы» [45]). Когда Толстому говорятъ о самоубійствѣ, о правѣ на него, то онъ, признавая право, отрицаетъ разумность его, ибо, лишая себя жизни, я «лишаю себя возможности извѣдать и пріобрѣсти для своего *я* все то, что̀ оно могло пріобрѣсти въ этомъ мірѣ» [46]). Итакъ—религія Толстого имманентна; жизнь и полнота жизни на землѣ—догматы его ученія. Весь вопросъ въ томъ—о какой «жизни въ настоящемъ» говоритъ Толстой, что вкладываетъ онъ вообще теперь въ это понятіе «жизни». Конечно, эта «жизнь»

не та жизнь личная, какую Л. Толстой обожествлялъ въ былой своей религіи жизни; теперь это—«жизнь общая, связанная съ жизнью настоящей, прошедшей и будущей всего человѣчества, жизнь сына человѣческаго». Здѣсь подъ «Сыномъ Человѣческимъ» Толстой именно и разумѣетъ все Человѣчество; онъ требуетъ, чтобы люди, «понявъ призрачность личной жизни, отреклись отъ нея и переносили ее въ жизнь всего человѣчества, въ жизнь сына человѣческаго». «Всякое осмысливаніе личной жизни,—продолжаетъ Толстой,—если она не основывается на отреченіи отъ себя для служенія людямъ, человѣчеству—сыну человѣческому,—есть призракъ, разлетающійся при первомъ прикосновеніи разума...» Явно понимая подъ «сыномъ человѣческимъ» все человѣчество, Толстой требуетъ отъ личности единства съ «сыномъ человѣческимъ»: въ этомъ, по его мнѣнію, христіанская заповѣдь. «Живи для блага, только не вѣрь тѣмъ ловушкамъ-соблазнамъ, которые, занимая тебя подобіемъ блага, лишаютъ этого блага и уловляютъ во зло. Благо твое есть твое единство со всѣми людьми, зло есть нарушеніе единства сына человѣческаго. Не лишай себя самъ того блага, которое дано тебѣ» [47]). Не для чего подчеркивать то общее, что имѣется въ этомъ пунктѣ между этой новой вѣрой Толстого и былой его религіей прогресса, религіей Человѣчества: слишкомъ это ясно само по себѣ. Что касается религіи Бога, то мы уже слышали отъ Толстого, какъ онъ къ ней вернулся и что̀ сохранилъ изъ прежняго въ новой вѣрѣ. Вотъ почему въ новой религіи Толстого мы видимъ синтезъ трехъ былыхъ его вѣръ, соединеніе на общей почвѣ Человѣка, Человѣчества, Бога, при чемъ почва эта—совершенствованіе.

Мы не старались искусственно заключить міропониманіе Толстого въ эту тройственную схему—въ ту самую, которою опредѣляется также жизнь и творчество Бѣлинскаго; самъ Толстой постоянно говоритъ объ этихъ трехъ единственно возможныхъ пониманіяхъ міра и жизни. «Пониманій такихъ три и только три,—говоритъ Толстой,—не потому что мы произвольно соеди-

нили различныя жизнепониманія въ эти три, а потому что поступки всѣхъ людей имѣютъ всегда въ основѣ одно изъ этихъ трехъ жизнепониманій, потому что иначе, какъ только этими тремя способами, мы не можемъ понимать жизнь»... Такъ говоритъ Толстой въ книгѣ «Царство Божіе внутри васъ» (1891—1893 г.); но еще въ ранней юности Толстой думалъ почти то-же самое о Богѣ, Человѣчествѣ и Человѣкѣ. «Всякая мысль, которая приходила мнѣ въ голову,—пишетъ Толстой въ «Юности»,—подходила какъ разъ подъ какое-нибудь изъ подраздѣленій моихъ правилъ и обязанностей: или къ правиламъ въ отношеніи къ ближнимъ, или къ себѣ, или къ Богу»... И это постоянное тройное подраздѣленіе—вѣчная мысль, вѣчное чувство Толстого, глубоко истинное въ своей основѣ, ибо только по одному изъ этихъ трехъ путей можетъ идти всякая религія. «Всякая религія—говоритъ Толстой въ статьѣ «Религія и нравственность» (1894 г.)—есть отвѣтъ на вопросъ: каковъ смыслъ моей жизни? И религіозный отвѣтъ включаетъ въ себя уже извѣстное нравственное требованіе, которое можетъ становиться иногда послѣ объясненія смысла жизни, иногда прежде его. На вопросъ о смыслѣ жизни можно отвѣчать такъ: смыслъ жизни въ благѣ личности, и потому пользуйся всѣми благами, которыя доступны тебѣ; или: смыслъ жизни въ благѣ извѣстной группы людей, и потому служи этой группѣ всѣми своими силами; или: смыслъ жизни въ исполненіи воли пославшаго тебя, и потому всѣми силами стремись познать эту волю и исполнить ее. На этотъ же вопросъ можно отвѣчать и такъ: смыслъ жизни въ твоемъ личномъ наслажденіи, такъ какъ въ этомъ назначеніе человѣка; или: смыслъ жизни твоей въ служеніи той совокупности, которой ты считаешь себя членомъ, такъ какъ въ этомъ твое назначеніе; или: смыслъ жизни твоей въ служеніи Богу, такъ какъ въ этомъ твое назначеніе»... Здѣсь, какъ и всюду, все та-же тройная формула, которая обнимаетъ собою всѣ религіи, всѣ міровоззрѣнія, всѣ жизнепониманія [48]).

Міропониманіе личное, общественное и божеское: такъ фор-

мулируетъ Толстой старую мысль Фейербаха о Человѣкѣ, Человѣчествѣ и Богѣ. Толстой убѣжденъ, что именно въ этомъ порядкѣ идетъ развитіе и смѣна міровоззрѣній и у отдѣльнаго человѣка, и у всего человѣчества. «Вся жизнь историческая человѣчества—говоритъ Толстой—есть не что иное, какъ постепенный переходъ отъ жизнепониманія личнаго, животнаго къ жизнепониманію общественному, и отъ жизнепониманія общественнаго къ жизнепониманію божескому...» Онъ забываетъ, что самъ онъ шелъ обратнымъ путемъ—отъ Бога къ Человѣчеству и затѣмъ къ Человѣку, что его возвращеніе къ Богу было только синтезомъ этихъ трехъ отношеній къ міру. Забывая это, Толстой рѣзко осуждаетъ личное и общественное міропониманіе: первое изъ нихъ свойственно, по его словамъ, только человѣку-животному, дикарю, и только юношескому возрасту современныхъ людей; второе свойственно языческой общественности, а также въ настоящее время возрасту возмужалости... И только одно божеское жизнепониманіе, свойственное мудрой старости, является достойнымъ современнаго человѣчества [49]). Насколько безспорно установленіе трехъ основныхъ типовъ религіознаго пониманія, настолько же сомнительны всѣ эти аналогіи и возрастныя рамки, настолько же невѣрно грубо-эгоистическое толкованіе «личнаго» отношенія къ міру. И самъ Толстой, отрѣшаясь отъ предвзятости и нетерпимости, прекрасно сознавалъ даже въ поздней старости, что нѣтъ истины въ узкой формулѣ, что только синтезируя в с е человѣкъ можетъ приблизиться къ познанію истины. Уже въ девятисотыхъ годахъ Толстой записываетъ, «чтобы не забыть» (на обложкѣ «Живого трупа»), слѣдующую замѣчательную мысль: «о д и н ъ с м ы с л ъ ж и з н и—с о в е р ш е н с т в о в а н і е. Ж и т ь д л я Б о г а о д н о г о—н е в о з м о ж н о. Т о - ж е—д л я с е б я, т о - ж е—д л я л ю д е й. М о ж н о ж и т ь т о л ь к о д л я Б о г а, д л я л ю д е й и д л я с е б я»... Но если это такъ, то теперь ясно и то, почему Толстой испыталъ taedium vitae въ концѣ семидесятыхъ годовъ: онъ исповѣдывалъ тогда религію жизни, но въ концѣ концовъ сталъ

понимать ее только какъ провозглашеніе правъ на жизнь личнаго человѣка; онъ почти забылъ въ это время о человѣчествѣ, о Богѣ. А нуженъ синтезъ всѣхъ трехъ, индивидуальнаго съ соціальнымъ и универсальнымъ. Къ этому синтезу и привела Толстого его новая религія.

Мы не будемъ входить здѣсь въ болѣе подробное изученіе этой религіи, основанной на принципѣ совершенствованія (внутренне) и непротивленія злу насиліемъ (внѣшне); достаточно знать основы этой вѣры, которая вновь открыла Толстому возможность художественнаго творчества. Ограничимся только однимъ замѣчаніемъ: новая религія Толстого, точно такъ же какъ и прежняя, не могла дать отвѣта (Толстой пытался спорить съ этимъ) на мучившій его въ концѣ семидесятыхъ годовъ вопросъ: «зачѣмъ?» или «ну, а потомъ?». И это потому, что на эти вопросы о конечномъ слѣдствіи и конечной цѣли вообще нѣтъ и не можетъ быть никакихъ отвѣтовъ, кромѣ воображаемыхъ, мнимыхъ. Толстой сталъ теперь давать самому себѣ и другимъ увѣренные отвѣты на эти вѣчные вопросы, не замѣчая, что къ каждому его отвѣту снова приложимы все тѣ же и тѣ же вопросы. Для чего мы живемъ?—спрашивалъ себя Толстой, и отвѣчалъ: «чтобы устанавливать Царство Божіе на землѣ», «чтобы содѣйствовать замѣнѣ себялюбиваго, ненавистническаго, насильническаго, неразумнаго устройства жизни устройствомъ жизни любовнымъ, братскимъ, свободнымъ и разумнымъ», «чтобы поступать съ другими такъ, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой», и т. п., и т. п. Но—з а ч ѣ м ъ? Зачѣмъ «устанавливать», зачѣмъ «содѣйствовать», зачѣмъ «поступать», зачѣмъ вообще жить? «Смыслъ человѣческой жизни въ томъ, чтобы добывать ее»,—чудесно говоритъ Толстой; но все-таки—зачѣмъ «добывать»? «Смыслъ жизни человѣческой не въ личномъ счастьѣ, а въ служеніи всѣмъ»:—зачѣмъ? «Цѣлью жизни міра представляется разумному человѣку безконечное просвѣтлѣніе и единеніе существъ міра, къ которому идетъ жизнь»:—здѣсь даже и конечная цѣль намѣчена, а вопросъ «зачѣмъ»? все таки остается безъ отвѣта [50]). И Толстой, видя такую

же какъ и прежде невозможность отвѣта, доходитъ до того, что начинаетъ отрицать самую законность вопроса! Но не это-ли самое могли сказать ему и религія жизни, и религія прогресса, отвергнутыя имъ какъ разъ за безсиліе отвѣтить до конца на этотъ же вопросъ! Толстой отвѣчаетъ на это притчей: хозяинъ взялъ съ перекрестка голаго, голоднаго нищаго и заставилъ двигать вверхъ и внизъ какую-то палку. Нищій этотъ не знаетъ, что палка движетъ насосъ, что насосъ накачиваетъ воду, что вода идетъ по грядкамъ огорода, что плодами этого огорода накормятъ его-же, голоднаго нищаго, что онъ будетъ ѣсть и пить и «войдетъ въ радость господина своего»,—если только не будетъ спрашивать «зачѣмъ?». Мы-же, неразумные люди, «ѣсть—ѣдимъ все хозяйское, а дѣлать не дѣлаемъ того, чего отъ насъ хочетъ хозяинъ, и вмѣсто того, чтобы дѣлать, сѣли въ кружокъ и разсуждаемъ: зачѣмъ это двигать палкой? вѣдь это глупо. Вотъ и додумались. Додумались до того, что хозяинъ глупъ, или его нѣтъ, а мы умны, только чувствуемъ, что никуда не годимся и надо намъ какъ-нибудь самимъ отъ себя избавиться»... Здѣсь Толстой явно несправедливъ самъ къ себѣ. Развѣ онъ, въ эпоху сомнѣній, спрашивалъ только о томъ, зачѣмъ двигать палкой? Онъ спрашивалъ дальше—зачѣмъ поливать грядки? зачѣмъ ѣсть? зачѣмъ жить? Что-же можетъ отвѣтить на это хозяинъ?—Ничего. Толстой, какъ и всѣ религіозные искатели въ этой области, могъ только перенести этотъ отвѣтъ въ неизвѣстное, приписать вѣдѣніе его хозяину. Хозяинъ знаетъ—этой вѣрой осмысливается жизнь голаго нищаго, человѣка; но развѣ это отвѣтъ на вопросъ «зачѣмъ?». Мы уже говорили, что свою былую вѣру въ прогрессъ Толстой теперь иронически характеризовалъ слѣдующими словами: «все развивается, и я развиваюсь, а зачѣмъ это я развиваюсь вмѣстѣ со всѣми, это видно будетъ»; и мы уже отмѣтили, что отъ этой вѣры ничѣмъ по существу не отличается и обновленная вѣра Толстого въ самосовершенствованіе: все совершенствуется, и я совершенствуюсь, а зачѣмъ это я совершенствуюсь вмѣстѣ со всѣми—это видно будетъ, видно, во всякомъ

случаѣ, Хозяину. Развѣ это отвѣтъ? И чѣмъ второй отвѣтъ лучше перваго? Пусть во всемъ правъ Толстой, пусть совершенствованіе дойдетъ до своего предѣла, пусть всѣ самые далекіе идеалы Толстого воплотятся въ жизнь, всѣ его самыя далекія мечтанія исполнятся, пусть завтра-же наступитъ царство Божіе на землѣ, царство взаимной любви, общей свободы, человѣческаго братства: ну, а потомъ? «Что будетъ, когда это все будетъ исполнено?—спрашиваетъ самъ себя Толстой, и отвѣчаетъ:— предположеніе это ложно, потому что совершенство, указываемое христіанамъ, безконечно и никогда не можетъ быть достигнуто..., но стремленіе къ полному, безконечному совершенству постоянно будетъ увеличивать благо людей, и благо это поэтому можетъ быть увеличиваемо до безконечности» [51]). Конечно, въ этомъ Толстой глубоко правъ, ибо въ вѣчномъ исканіи и вѣчномъ достиженіи вся жизнь человѣка; но вѣдь тогда на вопросъ о конечной цѣли, на вопросъ «зачѣмъ?» тѣмъ болѣе нѣтъ нужнаго Толстому отвѣта. Но пусть совершится чудо, пусть всѣ люди придутъ къ христіанству «не какъ мистическому ученію, а какъ новому жизнепониманію» (такъ гласитъ подзаголовокъ «Царства Божія внутри васъ»), пусть завтра-же соединятся они въ одно общее братство: будетъ-ли все это отвѣтомъ на вопросъ жизни? Отвѣтъ Толстого на это поистинѣ неожиданъ, хотя и глубоко правдивъ: этотъ достигнутый идеалъ представляется ему скукой, смертью, безжизненностью! «Представьте себѣ,—говоритъ Толстой въ одномъ письмѣ 1900 года къ своему послѣдователю и единомышленнику,—представьте себѣ, что всѣ люди, понимающіе ученіе истины, какъ мы, собрались бы вмѣстѣ и поселились бы на островѣ. Неужели это была бы жизнь?» [52]). Итакъ, съ какого конца ни подходи—все равно нѣтъ конечнаго отвѣта. Отвѣта нѣтъ и не можетъ быть—это иногда признаетъ и Толстой; вѣрнѣе сказать «отвѣтъ можетъ быть только одинъ: есть высшая воля, цѣли которой недоступны человѣку» [53]). Что-же касается человѣка, то «человѣкъ не можетъ знать, зачѣмъ живетъ, но не можетъ не знать, какъ ему надо жить». Иначе говоря, на вопросъ «какъ?»

есть отвѣтъ, но попрежнему нѣтъ абсолютнаго отвѣта на вопросъ «зачѣмъ?». «Разумъ рѣшаетъ только основной вопросъ—какъ. И для того, чтобы знать какъ, онъ рѣшаетъ въ предѣлахъ конечности вопросы: отчего и зачѣмъ. Что-же какъ? Какъ жить. Какъ-же жить? Блаженно. Это нужно всему живущему и мнѣ. И это рѣшеніе исключаетъ вопросы отчего и зачѣмъ» [54]). И на прежній мучительный вопросъ о смыслѣ жизни Толстой отвѣчаетъ теперь по-прежнему имманентнымъ отвѣтомъ: «смыслъ человѣческой жизни въ томъ, чтобы добывать ее», а конечная цѣль лежитъ внѣ предѣловъ человѣческаго познанія. Не то-же ли самое буквально могъ отвѣтить себѣ Толстой и въ семидесятыхъ годахъ, когда у него безпомощно опустились руки передъ вопросомъ зачѣмъ? Живи, добывай жизнь, а конечная цѣль твоей жизни тебѣ не можетъ быть извѣстна. Но тогда Толстой не удовлетворялся такимъ отвѣтомъ; теперь же, увѣровавъ въ Бога, удовлетворился и сталъ даже бояться задавать себѣ прежніе вопросы. «Умъ,—писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ конца 1889 года,—какъ бинокль, развертывать надо до извѣстной степени, а дальше вертѣть хуже; такъ и въ вопросахъ о жизни, и зачѣмъ жизнь? Помилуй Богъ!..»

Выводъ одинъ: всякій конечный отвѣтъ на вопросъ «зачѣмъ» есть отвѣтъ мнимый, переносящій рѣшеніе въ недоступную нашему познанію область трансцендентнаго: зачѣмъ мы живемъ —это знаетъ Хозяинъ, а мы знаемъ волю этого Хозяина... Отвѣтъ переносится въ высшую инстанцію, а человѣкъ дѣлаетъ видъ, что удовлетворенъ такимъ мнимымъ отвѣтомъ. А отвѣта все-таки нѣтъ. Жизнь вообще есть, говоря языкомъ математики, рѣшеніе одного уравненія съ милліонами неизвѣстныхъ, а значитъ, одного общеобязательнаго рѣшенія ея нѣтъ. Но вотъ приходятъ люди «божескаго жизнепониманія» и упраздняютъ всѣ неизвѣстныя, замѣняя ихъ однимъ великимъ неизвѣстнымъ, имя которому—Богъ. Они думаютъ, что задача рѣшена—и ошибаются, ибо они не сдѣлали и шагу впередъ. Они только условно назвали сумму безконечнаго числа всѣхъ прежнихъ неизвѣст-

ныхъ однимъ символомъ, и изъ одного уравненія съ милліонами неизвѣстныхъ сдѣлали милліоны уравненій съ однимъ неизвѣстнымъ. И тогда, ставъ въ безсиліи передъ этой новой задачей, они начинаютъ говорить: не будемъ рѣшать этой задачи жизни, не будемъ искать отвѣта на вопросъ «зачѣмъ», предоставимъ это тому самому неизвѣстному Богу, котораго мы ввели въ это уравненіе жизни... А уравненія то никакого и нѣтъ; есть простое тождество: Жизнь есть Богъ. Богъ есть жизнь. И попрежнему рѣшеніе задачи жизни остается возможнымъ только на имманентной почвѣ, попрежнему остается возможнымъ только субъективное рѣшеніе. Живи, «добывай жизнь», живи «во всѣ стороны», расширяя свое бытіе отъ индивидуальнаго къ соціальному и универсальному, соединяя въ себѣ всю ихъ глубину, широту, полноту. Вотъ имманентный смыслъ твоей жизни, и въ этомъ-же субъективный смыслъ жизни вообще; смыслъ же объективный, если онъ и есть, тебѣ недоступенъ, хотя бы ты и старался объяснить его всякими трансцендентными понятіями и символами. Признаніемъ этой недоступности кончились и всѣ попытки Толстого, когда онъ пришелъ къ убѣжденію, что на вопросъ «зачѣмъ» не надо отвѣта. «Не надо»—это значитъ здѣсь: «нѣтъ отвѣта», нѣтъ того отвѣта, который Толстой думалъ найти на трансцендентной почвѣ. И новая религія его осталась по-прежнему имманентной, синтезирующей въ себѣ индивидуальное съ соціальнымъ и универсальнымъ. «Одинъ смыслъ жизни—совершенствованіе. Жить для Бога одного—невозможно. То-же—для себя, то-же—для людей. Можно жить только для Бога, для людей и для себя»...

Но какъ бы то ни было, новая вѣра дала Толстому успокоеніе и легла въ основу новой полосы его художественнаго творчества восьмидесятыхъ годовъ. Чтобы творчество это стало ясно во всѣхъ подробностяхъ, необходимо обратить вниманіе еще на одну крупную работу Толстого той эпохи: «Такъ что же намъ дѣлать?» (1886 г.). Послѣ рѣшенія религіозной и этической проблемы Толстой неизбѣжно былъ приведенъ самою жизнью къ

постановкѣ проблемы соціальной. Рѣшеніе и ея, конечно, должно было основываться на религіозной почвѣ. «Разрѣшеніе не одного вопроса общественнаго устройства,—говоритъ Толстой въ позднѣйшей статьѣ («Неизбѣжный переворотъ», 1909 г.),—а всѣхъ, всѣхъ вопросовъ, волнующихъ человѣчество,—въ одномъ: въ перенесеніи вопроса... въ область религіозную». Такъ перенесъ Толстой въ религіозную область и соціальный вопросъ, и политико-экономическія проблемы. Подъ вліяніемъ Сютаева и Бондарева [55]) и подъ вліяніемъ собственныхъ религіозныхъ мыслей онъ пришелъ къ формулѣ «земля—Божія», и отъ этого положенія, въ связи съ нравственнымъ закономъ обязательности труда, пошло все глубокое «народничество» Толстого, а также и все его «опрощеніе», все его отношеніе къ современной культурѣ. Народничество Толстого было не наноснымъ и заимствованнымъ, а его исконнымъ, глубокимъ, давнишнимъ воззрѣніемъ; мы видѣли, что еще въ статьяхъ шестидесятыхъ годовъ, посвященныхъ выясненію религіи прогресса, Толстой предвосхитилъ построенія народничества послѣдующаго десятилѣтія («Прогрессъ и опредѣленіе образованія», 1862 г.; см. выше гл. II). И теперь, въ девяностыхъ и девятисотыхъ годахъ, Толстой продолжалъ отстаивать многія изъ старо-народническихъ построеній, уже безповоротно разрушенныхъ жизнью [56]). Упорная мысль о землѣ, о правдѣ соціальной, глубоко внѣдрилась въ сознаніе Толстого; даже во снѣ не покидали его эти «земныя» мысли. Еще въ шестидесятыхъ годахъ Толстой записалъ въ своемъ дневникѣ видѣнный имъ сонъ (13 августа 1865 года)—сонъ о справедливомъ устроеніи поземельной собственности, и о томъ, что устроеніе это есть миссія и всемірно-историческая задача Россіи. И уже много позднѣе, «въ ночь съ 6-го на 7-ое ноября» (1909 г.), день въ день за годъ до смерти, Толстой «видѣлъ такой значительный сонъ, что нѣсколько разъ въ продолженіе дня спрашивалъ себя: что бишь, это случилось нынче такое особенно важное? И вспоминалъ, что это особенно важное было то, что̀ я видѣлъ или, вѣрнѣе, слышалъ во снѣ»... Слышалъ же онъ во снѣ длин-

ную рѣчь кого-то о несправедливости земельной собственности и объ ея уничтоженіи [57]). Уничтоженіе ея онъ считалъ возможнымъ и легкимъ, если осуществить извѣстный проектъ Генри Джорджа о единомъ земельномъ налогѣ. Проповѣди этихъ теорій былъ посвященъ цѣлый рядъ позднѣйшихъ работъ Толстого [58]).

Такъ опредѣлились соціальные взгляды Толстого—и это было, по существу, только продолженіемъ и развитіемъ его мыслей шестидесятыхъ годовъ, его «Люцерна», его знаменитыхъ статей о прогрессѣ и образованіи. И теперь Толстой по-прежнему безпощадно отрицаетъ прогрессъ-эволюцію, противопоставляя ему истинный прогрессъ—благо народное; новое лишь въ томъ, что возможность этого истиннаго прогресса Толстой видитъ теперь только на религіозной почвѣ. Со всей наукой, объясняющей (а тѣмъ самымъ и «оправдывающей») современную культуру, Толстой неустанно ведетъ рѣзкую борьбу; «культура», искусство, наука для него не самодовлѣющія цѣнности, и онъ радъ былъ бы пониженію техническаго прогресса, лишь бы выросъ при этомъ прогрессъ истинный—религіозный [59]). Нечего и говорить, что ко всѣмъ государственнымъ формамъ, какъ таковымъ, онъ еще съ начала своего религіознаго кризиса относился глубоко отрицательно («вѣра отрицаетъ власть и правительство», писалъ онъ еще въ дневникѣ 30 октября 1879 г.); теперь онъ пришелъ къ своеобразному «анархизму» путемъ и соціально-экономическихъ разсужденій, отрицая, конечно, всякій насильственный путь для достиженія этой свободы. Переворотъ долженъ былъ быть глубокій, безкровный, религіозный; и Толстой былъ убѣжденъ, что все это «будетъ очень скоро». Пока же каждый за себя долженъ отказаться отъ всяческихъ формъ эксплоатаціи ближняго и жить, совершенствуясь, трудами рукъ своихъ: вотъ отвѣтъ на вопросъ «такъ что же намъ дѣлать?».

Всѣ эти выводы обоснованы Толстымъ въ этой работѣ 1886-го года на цѣломъ рядѣ личныхъ переживаній по поводу московской переписи, бывшей четырьмя годами ранѣе. Всѣ страницы, посвященныя передачѣ этихъ переживаній и воспоминаній (вся

первая половина статьи), не уступаютъ по силѣ величайшимъ произведеніямъ Толстого: даже «Мертвый домъ» Достоевскаго блѣднѣетъ передъ этимъ такимъ простымъ, такимъ, казалось бы, протокольнымъ описаніемъ Ляпинскаго дома, Ржановой крѣпости, переписи въ Москвѣ; въ этой простотѣ таится сила величайшей художественности. И здѣсь—переходъ къ тѣмъ многочисленнымъ художественнымъ произведеніямъ, которыя Толстой сталъ писать «въ новой манерѣ» именно около этого самаго времени. Вернулась вѣра въ жизнь—вернулась и способность художественнаго творчества.

VI.

Въ Толстомъ умеръ художникъ тогда-же, когда умерла и его вѣра въ жизнь. Онъ еще писалъ вторую половину «Анны Карениной», когда почувствовалъ, что «моя Анна надоѣла мнѣ, какъ горькая рѣдька», когда почувствовалъ, что «необходимая серьезность для занятія такимъ пустымъ дѣломъ оставляетъ меня»,— такъ писалъ онъ въ мартѣ и апрѣлѣ 1876 года гр. А. А. Толстой, прибавляя: «лѣтомъ буду заниматься тѣми философскими и религіозными работами, которыя у меня начаты не для печатанія, но для себя»... Эти занятія затянулись на цѣлыхъ десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ Толстой мучительно искалъ новую вѣру и, найдя, выяснялъ ее себѣ и другимъ. Воскреснувъ къ новой вѣрѣ, Толстой воскресъ и какъ художникъ; лишь только вѣра окрѣпла въ его душѣ, какъ вернулась къ нему въ прежней силѣ способность художественнаго творчества.

Первой попыткой такого творчества въ новыхъ формахъ было произведеніе 1881 года «Чѣмъ люди живы». Затѣмъ, послѣ перерыва въ четыре года, Толстой создалъ цѣлый рядъ такихъ же апологовъ, легендъ, сказаній, изъ которыхъ самые замѣчательные—«Два старика» (1885 г.), «Сказка объ Иванѣ-дуракѣ» (1885 г.) «Много-ли человѣку земли нужно» (1886 г.), «Крестникъ» (1886 г.), и др. Долгое время критика пренебрежительно относилась къ этимъ подлинно золотымъ слиткамъ толстовскаго творчества, столь обманчиво простымъ и легкимъ; изъ видныхъ современниковъ Толстого только одинъ Лѣсковъ оцѣнилъ и понялъ всю силу и все мастерство этихъ небольшихъ произведеній. Такъ писать могъ только одинъ Толстой, и лучше всего это доказалъ тотъ же Лѣсковъ, попробовавъ пойти на этомъ пути вслѣдъ

за Толстымъ и создавъ рядъ слишкомъ ярко раскрашенныхъ произведенiй въ «религiозно-народномъ» духѣ. Только подлинно великiй художникъ могъ найти соотвѣтствующiя формы для этихъ такихъ простыхъ и такихъ сложныхъ художественныхъ картинъ къ евангельскимъ текстамъ. Форма произведенiй этого цикла творчества Толстого явилась тѣмъ, что четверть вѣка спустя назвали-бы «стилизацiей». Съ одной стороны житiя святыхъ, апокрифы, церковно-народныя легенды поразили художника Толстого своей величавой простотой, своей торжественной наивностью, своей безыскусственной глубиной; съ другой стороны вспомнилъ Толстой былыя сочиненiя ясно-полянскихъ ребятишекъ, учениковъ его школы лѣтъ за двадцать до этого,—сочиненiя, которыми онъ тогда такъ восхищался тоже за ихъ простоту, глубину, наивность, яркость [60]). Безсознательнымъ чутьемъ художника понялъ Толстой, что, только сочетая и перерабатывая оба эти стиля въ одно цѣлое, можно достичь художественнаго выраженiя тѣхъ простыхъ евангельскихъ мыслей и образовъ, которые были теперь ему дороги. Онъ достигъ своей цѣли, но это не было понято въ свое время ни читателями, ни критикой; вся художественная прелесть этихъ «религiозно-народныхъ» произведенiй Толстого не оцѣнена еще и до сихъ поръ.

Толстой, впрочемъ, и не заботился теперь о такомъ «пустякѣ», какъ художественная форма разсказа: она приходила сама собой, помимо старанiя художника, который хотѣлъ теперь проповѣдывать, проводить моральныя максимы, религiозныя идеи. Художникъ всегда дѣлаетъ это, самъ того не сознавая; творя художественные образы онъ безсознательно исповѣдуетъ свою вѣру жизни, а исповѣдуя—онъ проповѣдуетъ ее. Не такъ-ли было и съ Толстымъ въ эпоху «Войны и мира»? Но тогда Толстой не хотѣлъ проповѣдывать, а теперь именно въ этомъ была его цѣль. И, повторяю, подлинно великимъ художникомъ надо быть, чтобы проповѣдывать художественными образами, чтобы не впадать въ тенденцiозность и надуманное сочинительство.

«Чѣмъ люди живы»—первое произведенiе Толстого изъ этого

цикла. Живы они, отвѣчаетъ Толстой, евангельской любовью другъ къ другу, ибо люди живы Богомъ, а «Богъ есть любовь». Эту евангельскую истину Толстой облекаетъ въ образы, даетъ имъ плоть и кровь, рисуя сапожника Семена, жену его Матрену, наказаннаго Богомъ ангела; рисунокъ простой, четкій, наивный—тотъ самый, который Толстой испробовалъ десятью годами ранѣе въ своей «Азбукѣ», въ разсказахъ «Кавказскій плѣнникъ» и «Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ» (см. предыдущее примѣчаніе), причемъ теперь къ дѣтской простотѣ прибавилась житійная торжественность, и не могла не прибавиться: Толстому надо было теперь изъ современной крестьянской жизни создавать художественныя притчи на религіозно-философскія темы. Такъ напримѣръ, въ «Чѣмъ люди живы» такихъ темъ двѣ: основная—что люди живы любовью, и что Богъ есть любовь, и вторая, казалось бы побочная, а на самомъ дѣлѣ главенствующая надъ основной—что во всѣхъ явленіяхъ жизни есть разумный смыслъ и что смыслъ этотъ извѣстенъ Богу. Мы знаемъ, что вѣдь это и было самымъ острымъ вопросомъ-отвѣтомъ этой эпохи жизни Толстого, когда онъ задалъ вопросъ «зачѣмъ?» и рѣшалъ его, относя отвѣтъ въ безконечность—въ понятіе Бога. Такъ и въ этомъ сказаніи: ангелъ наказанъ за то, что задалъ себѣ вопросъ «зачѣмъ» и тѣмъ самымъ усумнился въ разумности того, что ему дѣлать надлежало. Свалилось дерево, раздавило мужика; баба его въ ту-же недѣлю родила двойню—и послалъ Господь ангела своего вынуть душу изъ родильницы. Прилетѣлъ ангелъ—пожалѣлъ женщину, вернулся къ Господу со словами: «не могъ я изъ родильницы души вынуть. Отца деревомъ убило, мать родила двойню и молитъ не брать изъ нея души, говоритъ:—дай мнѣ дѣтей вспоить, вскормить, на ноги поставить; нельзя дѣтямъ безъ отца, безъ матери прожить.—Не вынулъ я изъ родильницы душу»... Вѣдь это и есть толстовскій вопросъ Богу—«зачѣмъ?»; но мудрость эта не небесная—земная, и за нее ангелъ наказанъ тѣмъ, что посланъ Господомъ на землю, узнать «чѣмъ люди живы». Такъ соединяются въ одну эти двѣ давнишнія толстовскія темы:

о любви, какъ «первомъ двигателѣ» жизни человѣка, и о смыслѣ явленій жизни, извѣстномъ только Богу. Тѣ-же темы, и особенно первая изъ нихъ, составляютъ сущность сказанія «Два старика» (1885 г.), чудесно написаннаго въ этихъ простыхъ новыхъ тонахъ; и цѣлый рядъ еще произведеній этого цикла разрабатываетъ все эти-же основныя темы, иногда дополняясь темами соціально-религіозными. Такова главнымъ образомъ «Сказка объ Иванѣ-дуракѣ и его двухъ братьяхъ: Семенѣ-воинѣ и Тарасѣ-брюханѣ, и нѣмой сестрѣ Маланьѣ, и о старомъ дьяволѣ и трехъ чертенятахъ» (1885 г.). Нравственный законъ обязательности физическаго труда, и труда преимущественно земледѣльческаго; презрительное отношеніе ко всякой «культурѣ» и «прогрессу», если они держатся на денежномъ или физическомъ засиліи; принципъ непротивленія злу насиліемъ; отрицаніе всякой специализаціи въ области умственнаго труда, особенно, если это ведетъ къ порабощенію низшихъ классовъ высшими,—все это и многое другое проведено въ этой характерно-толстовской сказкѣ; въ ней—наиболѣе яркое проявленіе толстовскаго народничества во всѣхъ его слабыхъ и сильныхъ сторонахъ [61]).

Такой же характерно-толстовской вещью является и сказаніе «Крестникъ», изъ цикла «Народныхъ легендъ» (1886 г.). Въ немъ опять соединяются въ одно двѣ толстовскія темы—и одна изъ нихъ все та-же, прежняя, основная, что смыслъ въ явленіяхъ жизни есть и извѣстенъ онъ Богу. Крестникъ Божій, человѣкъ, видитъ въ мірѣ зло, безсмыслицу, ужасъ, а Богъ видитъ сокровенный смыслъ этихъ явленій. Крестникъ хочетъ человѣческимъ умомъ понять и исправить это зло, помочь правому, отомстить виноватому, но онъ не долженъ—и въ этомъ вторая толстовская тема—онъ не долженъ противиться этому «злому», ибо только Богу это по силамъ, ибо «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ»... Этотъ эпиграфъ «Анны Карениной» Толстой повторяетъ теперь въ «Крестникѣ», сопровождая его вторымъ, объяснительнымъ: «не противься злому». Разбойникъ влѣзъ въ избу, хотѣлъ убить мать крестника; крестникъ случайно убилъ разбойника на мѣстѣ. И крестникъ осужденъ

за это Богомъ. Ибо онъ воспротивился злу, не понимая его высшей, божественной цѣли, и тѣмъ самымъ увеличилъ зло на свѣтѣ; а главное—онъ осмѣлился своимъ человѣческимъ разумомъ мѣрить справедливость. спасать одного, наказывать другого, между тѣмъ какъ только одной высшей сверхъ-человѣческой мудрости это доступно: «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ». Вотъ смыслъ, который имѣетъ теперь этотъ эпиграфъ изъ «Анны Карениной»: человѣку не дано право осужденія и наказанія другого человѣка. И здѣсь открывается тотъ побочный смыслъ, который таился десятью годами ранѣе въ эпиграфѣ «Анны Карениной»: вамъ не дано право наказанія—говорилъ Толстой людямъ, выводя передъ ними грѣшную Анну,—грѣшную не тѣмъ, что она полюбила, а тѣмъ, что она причинила человѣку непоправимыя страданія. Она грѣшна,—но пусть-же броситъ въ нее первый камнемъ тотъ, кто самъ въ этомъ не грѣшенъ: вотъ второй смыслъ эпиграфа «Анны Карениной», открываемый только теперь, послѣ «Крестника», послѣ полнаго выявленія религіозной мысли Толстого. Въ своей послѣдней, посмертной книгѣ «Путь жизни» Толстой въ главѣ «Наказаніе» въ послѣдній разъ повторяетъ эту свою старую мысль: «большая часть бѣдствій людей происходитъ отъ того, что грѣшные люди признали за собой право наказанія. Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ» [62]).

Намъ не для чего разбирать одно за другимъ всѣ многочисленныя произведенія этого цикла и этой эпохи творчества Толстого: всѣ они въ сущности написаны на одну и ту же тему, и тема эта въ томъ, что Богу извѣстенъ смыслъ явленій жизни, что Богъ все дѣлаетъ ко благу, ибо Онъ есть любовь, что человѣкъ долженъ жить по закону Бога-любви. Казалось-бы—не тоже самое ли говорилъ у Толстого въ свое время великій язычникъ дядя Ерошка, и если не говорилъ, то больше—дѣлалъ это? «Я человѣкъ веселый, я всѣхъ люблю, я Ерошка, такъ-то отецъ мой»,—говорилъ онъ, и тоже думалъ, что «глупъ человѣкъ, глупъ, глупъ человѣкъ», и что Богъ далъ человѣку и животному «законы», а значитъ и знаетъ причины и цѣли поступковъ человѣка. Все

это такъ; но теперь и самъ Толстой узналъ, какъ ему казалось, эти законы, узналъ волю Бога—и сталъ примѣнять познанное ко всѣмъ частнымъ вопросамъ жизни. Нельзя курить, нельзя пить вино, нельзя ѣсть живое—всѣ эти практическіе выводы изъ новой религіи стали теперь усердно проповѣдываться Толстымъ. «Какъ чертенокъ краюшку выкупалъ» и «Первый винокуръ» (1886 г.)—первыя произведенія Толстого въ этомъ родѣ. И прежняя философія дяди Ерошки: «все Богъ сдѣлалъ на радость человѣку; ни въ чемъ грѣха нѣтъ»,—замѣнилась теперь совсѣмъ иной проповѣдью. Въ «Первомъ винокурѣ» чортъ учитъ мужика гнать водку изъ хлѣба; «а не грѣхъ это будетъ?»—спрашиваетъ мужикъ, и чортъ отвѣчаетъ: «вона! Какой же тутъ грѣхъ? Все на радость человѣку дано»... Мудрость дяди Ерошки, безконечно углубленная потомъ въ подсознательной религіи Толстого, въ его религіи жизни, приписана теперь злому началу, является враждебной истинному Богу.... Такъ проклялъ Толстой то, чему прежде поклонялся, не сознавая, что въ новую его религію входятъ элементы всѣхъ трехъ былыхъ его жизнепониманій—даже того, которое онъ теперь предалъ безпощадно проклятью...

Мудрость жизни проклята—такъ казалось Толстому; но какъ же смерть? Она является теперь подлиннымъ орудіемъ живого Бога, раскрывающимъ глаза человѣку на истину жизни. Въ 1884—1886 гг. Толстой написалъ безсмертную «Смерть Ивана Ильича», въ которой онъ возвращается къ старой, постоянной, вѣчной темѣ своей—смерти, какъ бы подвергаетъ ею испытанію свою новую вѣру. И прежде внимательно всматривался онъ въ смерть своихъ героевъ, то побѣжденныхъ смертью, то преодолѣвающихъ ее—достаточно вспомнить Николая Левина или князя Андрея; но теперь онъ описываетъ смерть далеко не «героя», а обыденнѣйшаго человѣка толпы. Можетъ ли оселъ быть трагическимъ?—ядовито спрашивалъ Ницше; Толстой, не зная этого вопроса, отвѣтилъ на него (по вѣрному замѣчанію одного изъ позднѣйшихъ критиковъ) описаніемъ смерти Ивана Ильича. Толстой не могъ не задаться самъ этимъ вопросомъ, хотя и въ иной формѣ

Путемъ мучительныхъ исканій нашелъ онъ къ этому времени путь новой вѣры, новой религіи; и религія эта была вселенская, осуществимая только «сыномъ человѣческимъ»—всѣмъ человѣчествомъ. Но вотъ уже скоро двадцать вѣковъ, какъ появилась въ мірѣ эта религія въ формѣ христіанства, а человѣчество теперь дальше чѣмъ когда бы то ни было отъ идеаловъ, и не то что отъ идеаловъ—отъ первыхъ начатковъ, отъ азовъ этой религіи. Не безнадежное ли въ такомъ случаѣ дѣло—проповѣдь этой религіи «сынамъ человѣческимъ»? Могутъ ли они—не лучшіе изъ нихъ, а средніе, всѣ они въ массѣ—отзываться на такую проповѣдь? Могутъ ли самые средніе, обыденные люди воспринять «истину»? Вѣдь это вопросъ «быть или не быть» для всей религіи, религіи вселенской и всечеловѣческой. И если можно показать воочію (а сдѣлать это можетъ только художественное творчество), что даже такой «сынъ человѣческій», какъ Иванъ Ильичъ, воплощеніе обыденности, необходимо приводится въ концѣ концовъ къ «истинѣ», то, стало быть, нельзя и не надо отчаиваться въ человѣкѣ. Если жизнь не можетъ открыть глазъ человѣку, то ихъ открываетъ смерть. Пришло къ Ивану Ильичу непоправимое страданіе—долгая смертельная болѣзнь,—и всѣ мы воочію увидѣли, что «оселъ» можетъ быть «трагическимъ»; а всякая трагедія есть ростъ души человѣка. И мало того: этотъ Иванъ Ильичъ, кто бы онъ ни былъ,—нашъ братъ, котораго надо жалѣть и понимать. Жалѣетъ и понимаетъ его, умирающаго, одинъ только буфетный мужикъ Герасимъ; и жалость эта, и страданія размягчаютъ душу Ивана Ильича. Онъ страстно хочетъ жить, но уже начинаетъ понимать, что вся его прошлая веселая, пріятная и приличная жизнь—не жизнь, что онъ не жилъ и не понималъ, что значитъ «жить». «Все то, чѣмъ ты жилъ и живешь, есть ложь, обманъ, скрывающій отъ тебя жизнь и смерть». А когда онъ понялъ это, то для него уже не было смерти: «вмѣсто смерти былъ свѣтъ».

Такъ выявилась новая религія Толстого въ замѣчательномъ новомъ его произведеніи. Безсмысленность личной жизни, неиз-

бѣжность познанія истины, страданія, какъ искупленіе былой жизни и какъ путь къ этой истинѣ—все это составляетъ «сокровищу» «Смерти Ивана Ильича». О психологической разработкѣ этой темы говорить не приходится: художественная мощь Толстого проявилась здѣсь въ этомъ отношеніи въ высшей своей степени. Обычная, пріятная и приличная жизнь Ивана Ильича изображена съ не менѣе потрясающей простотой, чѣмъ его такая же обычная болѣзнь и смерть; это та самая «простота», которая является высшей ступенью искусства, послѣдней мечтой всякаго художника — и «новой манерой» Толстого. Умираніе Ивана Ильича, его внутренняя душевная работа, его дѣтскія воспоминанія—этотъ запахъ кожанаго полосками мячика, этотъ особый вкусъ чернослива и «обиліе слюны, когда дѣло доходило до косточки»—всѣ эти крупныя и мелкія подробности одинаково были величайшими проявленіями художественнаго мастерства Толстого.

Закончивъ (22 марта 1886 года) «Смерть Ивана Ильича», Толстой въ томъ же году написалъ «Власть тьмы», первую въ русской литературѣ дѣйствительно «народную драму». Основная, глубокая тема все та же: къ «истинѣ» можетъ и долженъ притти всякій. Вся безнадежная обыденность Ивана Ильича не помѣшала ему хотя при смерти увидѣть свѣтъ истины; точно также никакой «грѣхъ» человѣческій не можетъ стать стѣной между человѣкомъ и истиной. Никита «завязъ и погрязъ въ грѣхѣ» разврата, убійства; завязъ—такъ какъ грѣхъ засасываетъ, что болото: «коготокъ увязъ—всей птичкѣ пропасть», гласитъ подзаголовокъ драмы. Такъ пропадаетъ Никита, подчиняясь руководству темной, черной силы грѣха, воплощеніемъ котораго является его мать Матрена; его отецъ, невзрачный, богобоязненный, полуюродивый Акимъ не въ силахъ остановить этого наростанія грѣха. Власть тьмы царитъ надъ душами человѣческими. Но сила добра такъ же велика, какъ и власть зла; даже болѣе—зло царитъ, но добро не можетъ не побѣдить зла, и это потому, что зло въ себѣ самомъ таитъ разлагающую силу—пресыщеніе, скуку. «Тушите свѣтъ... Охъ,

скучно мнѣ, какъ скучно!»—этими словами плачущаго Никиты кончается среднее дѣйствіе драмы, когда «власть тьмы» царитъ надъ нимъ еще въ полной силѣ. И зритель или читатель съ этого момента уже знаетъ, что каковы бы ни были еще проявленія зла и тьмы, но свѣтъ сознанія побѣдитъ; пусть правда и добро косноязычны и слабы, но въ душѣ Никиты Акимъ побѣдитъ Матрену. А когда это случится, надо лишь искупить грѣхъ страданіемъ (постоянная тема Толстого), а для этого надо лишь не бояться людей. «Кайся Богу, не бойся людей... Себя не пожалѣлъ, Онъ тебя пожалѣетъ». И добро, сѣмена котораго вѣчно лежатъ въ преступникѣ, начинаетъ расти такъ же, какъ раньше росло зло; «власть тьмы» замѣнится «властью свѣта», какъ съ еще большимъ правомъ можно было бы назвать драму Толстого. Замѣтимъ кстати, что къ этой же самой темѣ Толстой вернулся уже въ концѣ жизни, написавъ замѣчательно выдержанный, стройный и цѣльный разсказъ «Фальшивый купонъ» (1903—04 гг.), одинъ изъ лучшихъ въ его посмертномъ наслѣдіи. То, что во «Власти тьмы» прослѣжено на душѣ одного человѣка, то въ «Фальшивомъ купонѣ» расширяется на десятки людей, даже и не подозрѣвающихъ о тѣхъ внутреннихъ нитяхъ зла, которыми они связаны. Зло растетъ, какъ снѣжный комъ; и, когда царитъ, казалось бы, безпросвѣтная «власть тьмы», вдругъ оказывается, что и добро растетъ съ такой же силой, отъ искры къ огоньку, отъ огонька къ огню: снѣжный комъ зла начинаетъ таять, таять—и скоро вмѣсто власти тьмы воцаряется власть свѣта. Такова была глубоко-оптимистическая философія Толстого во «Власти тьмы» (и въ «Фальшивомъ купонѣ», и въ цѣломъ рядѣ другихъ произведеній); философію можно было принять или не принять, но нельзя было отвергнуть правды художественныхъ образовъ и лицъ. Въ этомъ отношеніи «Власть тьмы» одно изъ самыхъ сильныхъ произведеній всей русской драматической литературы, быть можетъ, даже самое сильное. Косноязычный Акимъ, хитрая Матрена—это не категоріи добра и зла, а величайшіе художественные образы, величайшая правда жизни, преломленная черезъ

художественное творчество. Общеизвѣстная «сценичность» этой драмы и есть, подъ другимъ угломъ зрѣнія, ея глубокая «жизненность».

Вскорѣ Толстой написалъ еще одну пьесу—на этотъ разъ комедію, «Плоды просвѣщенія» (1889 г.). Это былъ, кстати замѣтить, не первый опытъ: еще въ 1863 году Толстой написалъ комедію «Зараженное семейство», которая, впрочемъ, осталась доселѣ неопубликованной. «Плоды просвѣщенія»—веселая комедія, тоже единственная въ такомъ родѣ во всей русской литературѣ, тоже выдающаяся по своей «сценичности». Суровый моралистъ, которому только «три аршина земли» нужно (такъ ошибочно представляли себѣ Толстого многіе его современники въ восьмидесятыхъ годахъ и такъ ошибочно онъ иногда самъ понималъ себя), не могъ бы написать такого брызжущаго остроуміемъ, юморомъ и жизнью произведенія; и поистинѣ, надо было глубоко «принимать міръ», чтобы, видя всѣ его черныя стороны, написать такую радостную и свѣтлую «комедію». Тѣ же темы, тѣ же лица, тѣ же положенія, что и въ другихъ произведеніяхъ Толстого, но все это подъ освѣщеніемъ беззлобнаго смѣха и любовной насмѣшки. Жизнь Звѣздинцевыхъ и Петрищевыхъ не менѣе безсмысленна, чѣмъ жизнь Ивана Ильича; но она даже и смѣшна въ своей безсмысленности: вотъ что показываетъ Толстой въ своей комедіи, заставляя зрителей безудержно смѣяться. И еще смѣшнѣе, когда Звѣздинцевъ (тотъ же Иванъ Ильичъ—«мягкій, пріятный джентльменъ») хочетъ осмыслить свою жизнь безсмысленной вѣрой. Такой вѣрой можетъ быть что угодно, а потому совершенно невѣрно видѣть въ этой комедіи Толстого только памфлетъ противъ спиритизма: спиритизмъ подвернулся подъ руку лишь какъ модное вѣрованіе и времяпровожденіе «средне-высшаго круга» общества восьмидесятыхъ годовъ. Это было то время, когда Менделѣевъ сражался со спиритами и разоблачалъ медіумовъ, а профессора Бутлеровъ и Вагнеръ были ихъ горячими защитниками и приверженцами. Въ интересныхъ письмахъ къ послѣднему изъ нихъ Толстой высказалъ свое отно-

шеніе къ спиритизму, который такъ грубо реализировалъ глубочайшую тайну «духа». Но, повторяю, вмѣсто спиритизма Толстой могъ взять всякое нелѣпое увлеченіе общества—и суть комедіи не измѣнилась бы; измѣнились бы только ея формы, такъ какъ со спиритизмомъ связанъ въ комедіи весь планъ Тани, этой типичной субретки былыхъ комедій. Субретка Таня, кстати-сказать—единственное уязвимое мѣсто комедіи, единственное лицо, реальность котораго мало правдоподобна; но и это единственное «но» скорѣе можетъ замѣтить зритель, чѣмъ читатель «Плодовъ просвѣщенія». Суть не въ этомъ: смѣшная безсмысленность жизни людей «средне-высшаго круга»—вотъ тема комедіи, въ которой Толстой смотритъ на свой бывшій кругъ только съ веселой и беззлобной усмѣшкой далеко уже ушедшаго человѣка. А заглавіе комедіи иронически подчеркиваетъ ту просвѣщенную «культуру», носителемъ которой является это средне-высшее общество, и которая, какъ мы видѣли, такъ далека теперь отъ идеаловъ «опростившагося» Толстого.

Въ томъ же 1889 году Толстой написалъ почти на одну и ту же тему два произведенія, одно изъ которыхъ произвело тогда много шума, а другое появилось на свѣтъ только въ числѣ его посмертныхъ произведеній. Это были «Крейцерова соната» (съ «Послѣсловіемъ», написаннымъ въ 1890 году) и разсказъ «Дьяволъ». Тема общая, и даже первый эпиграфъ—Матѳ., V, 28—общій въ этихъ двухъ произведеніяхъ: «Кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ». И возникаетъ вопросъ: какъ быть, какова норма личнаго поведенія человѣка передъ заповѣдью абсолютной чистоты брака. Одинъ отвѣтъ даетъ «Крейцерова соната», продолжая евангельскій эпиграфъ: «говорятъ Ему ученики Его: если такова обязанность человѣка къ женѣ, то лучше не жениться. Онъ же сказалъ имъ: не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано»... Другой отвѣтъ, дополняющій, даетъ разсказъ «Дьяволъ», продолжая евангельскій эпиграфъ по-другому: «если правый глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя»... Какъ видимъ, оба эти произве-

денія имѣютъ своей темой «проблему брака», и еще шире—«половую проблему», какъ выражаются въ настоящее время.

Не такъ давно, всего за три года до «Крейцеровой сонаты», Толстой коснулся той же темы въ своей статьѣ «Такъ что же намъ дѣлать?» (1886 г.). Онъ думалъ тогда, что спасеніе всего міра—въ исполненіи женщиной библейскаго закона рожденія: «спасеніе людей нашего міра отъ золъ, которыми онъ страдаетъ, только въ вашихъ рукахъ!!»—восклицалъ Толстой, обращаясь къ женщинамъ и женамъ-матерямъ (кажется, единственное мѣсто во всѣхъ писаніяхъ Толстого, гдѣ онъ дошелъ до двухъ восклицательныхъ знаковъ!). Сознающая свое назначеніе женщина должна рожать какъ можно больше дѣтей, а затѣмъ воспитать ихъ въ духѣ истины; такія женщины установятъ мало-по-малу общественное мнѣніе, подготовятъ новыя поколѣнія людей и незамѣтно произведутъ этимъ безкровный соціальный и религіозный переворотъ. А потому «идеальная женщина будетъ та, которая, усвоивъ высшее міросозерцаніе того времени, въ которомъ она живетъ отдастся своему женскому, непреодолимо вложенному въ нее призванію—родить, выкормить и воспитаеть наибольшее количество дѣтей, способныхъ работать для людей, по усвоенному ею міросозерцанію». Такая женщина, «отрожавшись», можетъ заняться потомъ и наукой, и искусствомъ; но нерождающая молодая женщина—это драгоцѣнный пустующій черноземъ на который смотрѣть жалко. Смотрѣть на нерождающую женщину еще жальче: «земля эта могла бы родить только хлѣбъ, а женщина могла бы родить т о, ч е м у н е м о ж е т ъ б ы т ь о ц ѣ н к и, в ы ш е ч е г о н и ч е г о н ѣ т ъ—ч е л о в ѣ к а» [63]).

Прошло всего три года, и появилась «Крейцерова соната», въ «Послѣсловіи» къ которой Толстой идеаломъ брака считаетъ не наибольшее число дѣтей, а полное отсутствіе ихъ—«замѣну плотской любви чистыми отношеніями сестры и брата». Идеалъ же человѣка вообще—«лучше не жениться». На возраженіе, что тогда родъ человѣческій прекратится, Толстой отвѣчаетъ: «а зачѣмъ ему продолжаться?», явно мѣтя въ былую свою религію

прогресса, видящую цѣль—въ жизни послѣдующихъ поколѣній. Зачѣмъ жить? «Если нѣтъ цѣли никакой, незачѣмъ жить... А если есть цѣль жизни, то ясно, что жизнь должна прекратиться когда достигнется цѣль». И если цѣль есть «добро», то ея достиженію мѣшаютъ страсти, и главная изъ нихъ—любовь. «Любовь мѣшаетъ смерти»—слышали мы прежде отъ умирающаго князя Андрея; любовь мѣшаетъ жизни—слышимъ мы теперь отъ Толстого. Любовь, «плотская страсть» мѣшаетъ истинной жизни въ духѣ, мѣшаетъ совершенствованію.

Такимъ образомъ Толстой пришелъ къ ряду мыслей всецѣло противоположныхъ тому, что онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ высказывалъ тремя годами ранѣе. Такіе крутые повороты только и были въ натурѣ Толстого—это еще Достоевскій отмѣтилъ въ нѣсколькихъ словахъ: «Толстой,—говоритъ онъ,—несмотря на свой огромный художественный талантъ, есть одинъ изъ тѣхъ русскихъ умовъ, которые видятъ ясно лишь то, что стоитъ прямо передъ ихъ глазами, а потому и прутъ въ эту точку. Повернуть-же шею направо или налѣво, чтобы разглядѣть и то, что стоитъ въ сторонѣ, они, очевидно, не имѣютъ способности: имъ нужно для того повернуться всѣмъ тѣломъ, всѣмъ корпусомъ. Вотъ тогда они, пожалуй, заговорятъ совершенно противоположное, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, они всегда строго искренни»... Это нѣсколько грубо, но, во всякомъ случаѣ, очень остроумно и вѣрно сказано. Такой «поворотъ всѣмъ корпусомъ» Толстой совершилъ и теперь, въ вопросѣ о бракѣ; но что послужило ему толчкомъ, что заставило его говорить въ «Крейцеровой сонатѣ» вполнѣ противоположное тому, что онъ въ теоретическихъ статьяхъ высказывалъ тремя годами ранѣе, объ этомъ можно пока только догадываться. Самъ Толстой (въ «Послѣсловіи») признаетъ, что выводы для него самого были неожиданны: «я никакъ не ожидалъ, что ходъ моихъ мыслей приведетъ меня къ тому, къ чему онъ привелъ меня... Но какъ ни противорѣчатъ эти выводы... тому, что я прежде думалъ и высказывалъ даже, я долженъ былъ признать ихъ». Конечно, не потому измѣнилъ Толстой свои мысли и напи-

салъ «Крейцерову сонату», что въ одной его знакомой семьѣ супруговъ N. произошло событіе, послужившее основой «Крейцеровой сонаты» (такъ объяснялъ себѣ перемѣну взглядовъ Толстого Влад. Соловьевъ); болѣе глубокое объясненіе можетъ дать написанный тогда же и на ту же тему разсказъ «Дьяволъ». Прежде, когда Толстой обращался къ женщинамъ съ воззваніемъ какъ можно больше рожать, онъ видѣлъ передъ глазами только одну цѣль—ростъ молодыхъ поколѣній, воспитанныхъ въ «духѣ истины» и призванныхъ къ водворенію его въ мірѣ. Ему важна была цѣль—рожденіе, мимолетнымъ средствомъ къ которому является любовь или даже не любовь, а просто половое соединеніе. Онъ временно какъ бы забылъ, что это «мимолетное средство» является само по себѣ глубочайшей цѣлью, что нѣтъ въ мірѣ, по слову поэта, рычага болѣе сильнаго, чѣмъ голодъ и любовь. Толстой теперь какъ бы вспомнилъ, что чаще всего «рожденію» предшествуетъ не одно «половое соединеніе», а «страсть»; что страсть эта сильнѣе всего въ мірѣ и можетъ все сломить на пути своемъ. Такъ сломала самая грубая, нелѣпая, физическая страсть благороднаго Евгенія Иртенева изъ разсказа «Дьяволъ»; онъ безумно боролся съ собой, чтобы преодолѣть въ себѣ эту страсть. чтобы побѣдить «дьявола», простую бабенку Степаниду. Но страсть, «дьяволъ» сильнѣе его; «вырвать око правое» Иртеневу удается, лишь убивъ самого себя. (Второй варіантъ окончанія разсказа, гдѣ Евгеній убиваетъ не себя, а Степаниду, менѣе удаченъ, ибо не подходитъ къ стоящему въ началѣ разсказа евангельскому эпиграфу). Но разъ Толстой вспомнилъ всю силу «дьявола»,—а вспомнить онъ могъ, обратясь и къ своей юности, когда въ душѣ его «кипѣли страсти»,—онъ не могъ не увидѣть, что страсть эта враждебна всему ученію о «духовномъ совершенствованіи»; и тогда онъ неизбѣжно пришелъ къ тому выводу, что надо еще сильнѣе Евгенія бороться съ половымъ влеченіемъ, что даже въ бракѣ надо стремиться къ замѣнѣ плотской любви отношеніями духовной любви брата и сестры. И для доказательства отъ противнаго онъ нарисовалъ намъ жизнь семьи Поздны-

шевыхъ и передалъ намъ исповѣдь Позднышева его собственными словами. Толстой понялъ, что, вообще, всякая **страсть** является или тормозящей, или разрушающей силой для его идеаловъ духовнаго совершенствованія; и вотъ откуда заглавіе всего разсказа, вотъ откуда страхъ Позднышева передъ вліяніемъ музыки на души человѣческія. «Страшная вещь музыка! Что это такое? Я не понимаю. Что такое музыка? что она дѣлаетъ? и зачѣмъ она дѣлаетъ то, что она дѣлаетъ? Говорятъ, музыка дѣйствуетъ возвышающимъ душу образомъ. Вздоръ, неправда!.. Она дѣйствуетъ не возвышающимъ, не принижающимъ душу образомъ, а раздражающимъ душу образомъ». И здѣсь тоже тотъ «дьяволъ», съ которымъ надо бороться; «дьяволъ»—не одна любовная страсть, но всякая, выводящая душу изъ равновѣсія и не способствующая «духовному совершенствованію»...

Итакъ, передъ нами, казалось-бы, слишкомъ явная апологія «безстрастія», ибо всякая страсть—только тормазъ для души, ибо не можемъ мы отвѣтить на вопросъ—«зачѣмъ» намъ эта страсть? Вотъ музыка, такъ глубоко вліяющая на души людей—зачѣмъ она? Да, дѣйствительно—зачѣмъ? На этотъ вопросъ безсильна отвѣтить новая религія Толстого. Мы еще увидимъ, какъ пытался отвѣчать Толстой на вопросъ объ искусствѣ вообще съ точки зрѣнія новаго своего жизнепониманія; но уже теперь можно замѣтить, что жизнь Толстого, всегда полная страсти, глубоко расходилась съ этой его апологіей безстрастія. Лучшій примѣръ этого можно видѣть именно на отношеніи Толстого къ музыкѣ: недоумѣвая, «зачѣмъ» музыка дѣйствуетъ на человѣка, осуждая ее за это, Толстой до поздней старости продолжалъ любить музыку—такъ же, какъ любилъ онъ и жизнь. И любилъ онъ въ музыкѣ—это очень характерно—свѣтлыя, мажорныя гармоніи [64]), ибо сама жизнь всегда понималась имъ какъ свѣтлая радостная, пріемлемая и въ великихъ радостяхъ, и въ великихъ страданіяхъ, и въ великой человѣческой «страсти». Зачѣмъ «страсть»? зачѣмъ музыка?— на этотъ вопросъ не могла дать никакого положительнаго отвѣта новая религія Толстого, а прежняя религія, религія

жизни, давала ясный и радостный отвѣтъ. Когда однажды Николай Ростовъ былъ нравственно убитъ, чувствовалъ себя на послѣдней степени паденія и отчаянія, когда все казалось ему безсмысленнымъ, ненужнымъ, гнуснымъ—и люди, и самъ онъ, и весь міръ, онъ случайно услышалъ пѣніе своей сестры Наташи. «Боже мой, я погибшій, я безчестный человѣкъ. Пулю въ лобъ—одно, что остается, а не пѣть,—подумалъ онъ;—уйти? но куда-же? все равно, пускай поютъ!» Но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ музыка заполнила для него весь міръ. «Что жъ это такое?—подумалъ Николай, услыхавъ голосъ Наташи и широко раскрывая глаза... И вдругъ весь міръ для него сосредоточился въ ожиданіи слѣдующей ноты, слѣдующей фразы, и все въ мірѣ сдѣлалось раздѣленнымъ на три темпа: Oh, mio crudele affetto... Разъ, два, три... разъ, два, три... разъ.... Oh mio crudele affetto... Разъ, два, три... разъ. Эхъ, жизнь наша дурацкая!—думалъ Николай.—Все это, и несчастье, и деньги, и злоба, и честь—все это вздоръ... а вотъ оно настоящее!..—О, какъ тронулось что-то лучшее, что было въ душѣ Ростова! И это что-то было независимо отъ всего въ мірѣ и выше всего въ мірѣ»... [65]). Въ этотъ моментъ ни Николай Ростовъ, ни самъ Толстой не рѣшились бы задать вопроса «зачѣмъ?», зачѣмъ музыка, зачѣмъ вообще «страсть»; слишкомъ ясенъ былъ отвѣтъ религіи жизни, что смыслъ лежитъ въ самой полнотѣ ощущенія, въ самой глубинѣ переживанія. И этотъ же отвѣтъ продолжалъ безсознательно давать самою своею жизнью Толстой даже тогда, когда въ теоріи онъ проповѣдывалъ единоспасительность безстрастія.

Это надо твердо помнить, говоря объ ученіи, о теоріи, о проповѣди Толстого,—а именно теперь, съ начала девяностыхъ годовъ, и началась эпоха проповѣдыванія его завершеннаго ученія. Отношеніе къ Богу, отношеніе къ государству, отношеніе къ людямъ и всему живому, личное, соціальное и универсальное—все было рѣшено теперь Толстымъ съ точки зрѣнія новаго его жизнепониманія; «половая проблема» дала послѣдніе штрихи этой всеобъемлющей теоріи. Эти послѣдніе штрихи закончили собою къ на-

чалу девяностыхъ годовъ построеніе того, что можно назвать ученіемъ Толстого; съ этихъ поръ онъ почти ничего не мѣнялъ въ построенномъ имъ великомъ зданіи. Онъ дополнялъ частности, развивалъ детали, но не прибавилъ болѣе ни одного камня въ главу своего ученія. «Крейцеровой сонатой» и «Послѣсловіемъ» къ ней закончилась великая созидательная работа Толстого восьмидесятыхъ годовъ; кончилась для него эпоха великихъ исканій, начиналась эпоха популяризаціи добытой истины. Все это такъ—но съ одной громадной оговоркой: популяризація и проповѣдь—для людей, апологія безстрастія—въ теоріи, а въ глубинѣ души, въ затаенныхъ личныхъ переживаніяхъ—по-прежнему великія исканія, кипѣнія страсти, водоворотъ жизни, «безсознательный синтезъ всѣхъ былыхъ жизнепониманій. Ученіе» было построено, начиналась проповѣдь его; а въ душѣ учителя продолжались затаенныя великія исканія, окончившіяся только 7 ноября 1910 года. Правда, не было больше перелома вѣры, не было четвертаго кризиса, но продолжалась вѣчная движимость; по прежнему продолжалъ Толстой рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вѣчно бороться, и лишаться... «Спокойствіе—душевная подлость»,—слышали мы отъ него; и спокойствіе это никогда не было удѣломъ Толстого.

VII.

«Проповѣдь» ученія Толстого встрѣтила, конечно, всевозможныя препятствія въ условіяхъ русской общественной жизни той эпохи. Ни одно изъ великихъ произведеній Толстого восьмидесятыхъ годовъ не было напечатано въ то время въ Россіи. «Исповѣдь» была вырѣзана цензурой изъ іюньской книги «Русской Мысли» 1882 года; «Въ чемъ моя вѣра?», отпечатанная въ началѣ 1884 года Толстымъ въ количествѣ 50 экземпляровъ, была конфискована; не могли, разумѣется, полностью увидѣть свѣта ни «Такъ что же намъ дѣлать?» (1886 г.), ни «О жизни» (1887 г.), ни «Царство Божіе внутри васъ» (1891 г.), ни даже «Крейцерова соната». Но всѣ эти произведенія расходились по всей Россіи въ громадномъ количествѣ рукописныхъ и гектографическихъ списковъ, немедленно появлялись въ русскихъ заграничныхъ изданіяхъ (Эльпидина въ Женевѣ, затѣмъ Черткова въ Лондонѣ), немедленно переводились на всѣ иностранные языки. Всемірная слава Толстого создалась именно благодаря этимъ его произведеніямъ, а не «Войнѣ и миру» или «Аннѣ Карениной». Тургеневъ писалъ Толстому въ серединѣ 1883 года знаменитое свое предсмертное письмо, умоляя Толстого вернуться къ художественной литературной дѣятельности: «Другъ мой, великій писатель русской земли, внемлите моей просьбѣ!» А Толстой въ это самое время мучительно искалъ, выяснялъ самому себѣ, «въ чемъ его вѣра», не выяснивъ чего, не могъ даже и приступить къ художественному творчеству. Тургеневъ не могъ и предполагать, что эта мучительная внутренняя работа сдѣлаетъ изъ великаго писателя Толстого поистинѣ величайшаго писателя земли русской, и не только русской...

Итакъ, ни конфискаціи, ни цензурные запреты не остановили и не могли остановить широчайшаго распространенія идей Толстого. Сперва, въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, онъ чувствовалъ себя безумно и безнадежно одинокимъ. «Вы не можете и представить себѣ,—писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ начала 1882 года,—до какой степени я одинокъ, до какой степени то, что есть настоящій «я», презираемо всѣми, окружающими меня». Эти самые близкіе окружающіе его люди писали ему въ томъ же 1882 г. (3-го марта): «тебѣ бы полѣчиться надо!», или двумя годами позднѣе: «чѣмъ бы дитя не тѣшилось, лишь бы не плакало!» [66]). Въ восьмидесятыхъ годахъ Толстой началъ писать драму «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ» и почти довелъ до конца это явно автобіографическое произведеніе, впервые напечатанное въ 1911 году въ собраніи посмертныхъ сочиненій Толстого. Достаточно прочесть эту драму, чтобы понять все безнадежное одиночество Толстого, всю безвыходность его личной трагедіи...

Такъ относились маленькіе близкіе люди къ мучительнымъ исканіямъ великаго человѣка; но то, чего Толстой не могъ найти въ близкихъ своихъ, онъ нашелъ въ дальнихъ. Съ его новой религіей сперва былъ знакомъ только узкій кружокъ случайныхъ лицъ, но по мѣрѣ того какъ списки и гектографированныя его произведенія распространялись по всей Россіи, онъ получалъ все больше и больше откликовъ отовсюду. Сперва это были отдѣльные люди, ищущіе новой религіи и нашедшіе себѣ отвѣтъ въ исканіяхъ Толстого; потомъ пошли въ новое ученіе группами, толпами. Образовалось «толстовство». Но если Толстой былъ такъ великъ, что почти не былъ уже связанъ въ своихъ исканіяхъ съ эпохой, съ тяжелой памяти «восьмидесятыми годами», то этого никакъ нельзя сказать о «толстовцахъ» и о «толстовствѣ», отъ котораго недаромъ такъ рѣшительно отграничивалъ себя самъ Толстой (см. его «Противъ толстовства», 1897 г.). Широкое развитіе «толстовства» только и было возможно въ промежуточную эпоху общественнаго мѣщанства восьмидесятыхъ годовъ; но здѣсь не мѣсто для доказательства этой истины, и если я упомянулъ

здѣсь о толстовствѣ, то только оттого, что оно отраженнымъ образомъ повліяло и на дальнѣйшее развитіе Толстого.

Найдя послѣ великихъ и мучительныхъ исканій «истину», естественно желать подѣлиться ею со всѣми, кто только можетъ и хочетъ слышать. Еще въ восьмидесятыхъ годахъ Толстой создалъ «Посредникъ», который съ тѣхъ поръ и до смерти Толстого былъ органомъ распространенія идей Толстого (насколько цензура позволяла) въ самыхъ широкихъ народныхъ массахъ. Но этого было мало; и вся дальнѣйшая теоретическая дѣятельность Толстого была посвящена популяризаціи, доказательству, разъясненію, освѣщенію тѣхъ идей, къ которымъ Толстой пришелъ въ восьмидесятыхъ годахъ. Тогда было время великихъ исканій истины, теперь наступило время ея проповѣди.

Такой проповѣдью является уже большая работа 1887 года «О жизни»; въ ней снова обманчивая жизнь личности противопоставляется дѣйствительной жизни «сына человѣческаго», т. е., человѣчества; въ ней религіозныя исканія Толстого обосновываются метафизическимъ ученіемъ о вѣчной «разумной жизни», мгновеннымъ проявленіемъ которой является жизнь земная, личная, «животная». Какъ метафизическая теорія, эта не лучше и не хуже, конечно, всякой другой подобной. Такой же проповѣдью является и «Царство Божіе внутри васъ», громадная работа Толстого 1891 года (законченная въ 1893 году), заключающая въ себѣ и обоснованіе исторической связи ученія Толстого съ предшествующими, и приложенія этого ученія ко всѣмъ случаямъ общественной и личной жизни (церковь, вѣра, наука, война и т. п. съ точки зрѣнія «христіанства, не какъ мистическаго ученія, а какъ новаго жизнепониманія»). Поучительно при этомъ слѣдить, какъ въ цѣляхъ популяризаціи и удобопримѣнимости ограничиваетъ и упрощаетъ Толстой тѣ истины, которыя онъ раньше нашелъ для одного себя. Прежде, въ 1883 году, Толстой увидѣлъ въ нагорной проповѣди пять ясныхъ заповѣдей, нормъ личнаго поведенія; онъ разсказалъ объ этомъ въ книгѣ «Въ чемъ моя вѣра?» Но доступно ли массѣ людской осуществленіе этихъ

заповѣдей—хотя бы, напримѣръ, главной, четвертой: никогда не противиться злу насиліемъ? И Толстой пожертвовалъ глубиной этой заповѣди широтѣ ея: онъ призналъ ее, какъ и всѣ остальныя заповѣди, не нормой, не «заповѣдью», а только неосуществимымъ «идеаломъ», къ которому возможно только приближеніе. «Не думайте,—писалъ онъ въ одномъ письмѣ 1891 года,—что я защищаю прежнюю точку зрѣнія В ъ ч е м ъ м о я в ѣ р а. Я не только не защищаю, но радуюсь тому, что мы пережили ее». И въ работѣ «Царство Божіе внутри васъ» Толстой снова возвращается къ этимъ пяти заповѣдямъ, но уже тщательно раздѣляетъ въ нихъ «совершенство» и «зарубку», «идеалъ» и «заповѣдь». Глубиной истины пришлось поступиться ради широты ученія, ради «проповѣди» его [67]).

Нѣтъ необходимости слѣдить подробно за этой глубоко-знаменательной религіозной проповѣдью Толстого. До конца жизни онъ уяснялъ, популяризировалъ, облегчалъ пониманіе своего ученія. «Я предлагаю читателямъ новые доводы, приводящіе къ тѣмъ же прежнимъ отвѣтамъ»—говорилъ онъ самъ о себѣ въ одномъ случаѣ («Рабство нашего времени», 1900 г.), но могъ бы повторить эти слова еще не одинъ разъ, даже о цѣлыхъ громадныхъ книгахъ (напримѣръ, о послѣдней своей книгѣ «Путь жизни», 1910 г.). Есть тутъ и дополненія, и повторенія, и новые «углы зрѣнія», есть изумительныя по силѣ страницы (напримѣръ, чего стоитъ хотя бы одно описаніе бойни въ статьѣ «Первая ступень», 1891 года! И такихъ мѣстъ десятки, сотни); но анализу всего этого мѣсто въ обширной монографіи о Толстомъ, которая еще не скоро можетъ быть написана. Намъ достаточно подчеркнуть основное устремленіе всѣхъ этихъ многочисленныхъ и глубоко цѣнныхъ статей: это одно основное устремленіе — подведеніе подо все религіознаго фундамента: и подъ вегетаріанство, и подъ земельный и подъ рабочій вопросы, и подъ всѣ проявленія дѣятельности человѣка. И Толстой въ этомъ правъ, ибо всякое міропониманіе религіозно, ибо всякое міропониманіе и есть религія. Толстому дано было съ громадной силой пережить всѣ три такихъ

единственно возможныхъ міроотношенія и дать попытку синтеза ихъ въ своемъ послѣднемъ религіозномъ ученіи.

Такова была дѣятельность Толстого въ девяностыхъ годахъ. Годы эти начались для него усиленной практической дѣятельностью по голоду 1891—1892 гг.; и какъ ни далекъ былъ Толстой отъ всякихъ общественныхъ настроеній своего времени; однако, и онъ не могъ не почувствовать, что «съ этимъ голодомъ что-то важное совершается, кончается или начинается» (письмо къ Н. Ге отъ 6 ноября 1891 г.). Кончалась мертвенная спячка общества восьмидесятыхъ годовъ; начинались молодые и бодрые девяностые годы, подготовившіе взрывъ 1905—1906 г. Отъ всего этого былъ безконечно далекъ Толстой, относившійся съ осужденіемъ ко всякой общественной борьбѣ; въ статьяхъ своихъ онъ одинаково возставалъ и противъ революціонеровъ, и противъ либераловъ, и противъ правительства. Больше всего, особенно въ послѣдніе годы жизни, ему приходилось возставать противъ преступленій «правящаго класса»; и въ этомъ Толстой былъ поистинѣ голосомъ совѣсти народной. Такія его статьи, какъ «Не могу молчать» (1908), долго еще будутъ потрясать сердца людей и нашего, и слѣдующихъ поколѣній.

Работа въ области художественнаго творчества какъ будто сократилась за послѣднія двадцать лѣтъ жизни Толстого. Объясненіе лежитъ, отчасти, въ основныхъ мысляхъ его обширнаго труда «Что такое искусство?» задуманнаго уже давно, но доведеннаго до конца только къ 1897 году; отчасти же это сокращеніе только кажущееся, такъ какъ многія произведенія этой эпохи Толстой оставлялъ неизданными, и только въ посмертномъ изданіи они стали достояніемъ русской литературы. Тѣмъ не менѣе и въ это двадцатилѣтіе Толстой еще при жизни своей выпустилъ въ свѣтъ такія вещи, какъ разсказъ «Хозяинъ и работникъ» (1895 г.) большой романъ «Воскресеніе» (1899 г.), рядъ мелкихъ разсказовъ для «Круга Чтенія»—«Ягоды», «Корней Васильевъ» (1905 г.), рядъ небольшихъ сказокъ, разсказы «За что?» «Божеское и человѣческое» (1906 г.), «Три дня въ деревнѣ» (1910 г.) и многія

другія. Если къ этому далеко не полному перечню прибавить еще тѣ произведенія, которыя стали извѣстны только послѣ смерти Толстого и среди которыхъ есть такія замѣчательныя вещи, какъ «Отецъ Сергій» (1898 г.), «Живой трупъ» (1900 г.), «Фальшивый купонъ» (1903—04 г.), «Хаджи-Муратъ» (законченъ въ 1904 г.), «Алеша Горшокъ» (1905 г.), «Ходынка» (1910 г.) и еще цѣлый рядъ подобныхъ произведеній, то окажется, что и въ последніе двадцать лѣтъ жизни Толстой много силъ отдавалъ художественному творчеству, хотя и считалъ его только «баловствомъ».

Такой взглядъ естественно вытекалъ изъ теоретическихъ построеній Толстого въ его статьѣ «Что такое искусство!». Въ ней, какъ извѣстно, Толстой строго осудилъ почти все, что называется «искусствомъ» въ настоящее время, и далъ свое опредѣленіе «искусства». Въ послѣднемъ онъ былъ совершенно правъ. Всякое опредѣленіе условно, и каждый, приступая къ изслѣдованію извѣстнаго круга явленій, долженъ указать, какой смыслъ онъ придаетъ характеризующему этотъ кругъ явленій понятію. Такъ поступилъ и Толстой, обратившись къ опредѣленію понятія «искусство» и не удовлетворившись данными ранѣе опредѣленіями. Здѣсь Толстому пришлось повторить многое изъ того, что онъ говорилъ объ искусствѣ еще въ своихъ педагогическихъ статьяхъ 1862 года, въ которыхъ онъ выставлялъ требованіе всеобщности искусства и находилъ, что все современное искусство стоитъ на ложномъ пути. «Я пришелъ къ убѣжденію,—писалъ тогда Толстой,—что все, что мы сдѣлали... (въ искусствѣ—И.-Р.), все сдѣлано по ложному, исключительному пути, не имѣющему значенія, не имѣющему будущности и ничтожному въ сравненіи съ тѣми требованіями и даже произведеніями тѣхъ же искусствъ, образчики которыхъ мы находимъ въ народѣ...» И Толстой прибавлялъ, что стихи Пушкина и симфоніи Бетховена «не такъ безусловно и всемірно хороши», какъ народные стихи и напѣвы, которые не исключительны, а всеобщи [68]). Двадцатью годами позднѣе, придя къ новой и послѣдней своей вѣрѣ, къ «христіан-

скому жизнепониманію», Толстой еще разъ затронулъ вопросъ объ искусствѣ въ статьѣ «Такъ что-же намъ дѣлать?» Тутъ онъ подходитъ къ мысли о религіозномъ фундаментѣ искусства, о его духовномъ рожденіи въ мукахъ и страданіяхъ художника; «гладкихъ, жуирующихъ и самодовольныхъ мыслителей и художниковъ не бываетъ»,—великолѣпно говоритъ Толстой. И еще: «только страданіями, какъ муками, рождается духовный міръ...»[69]). Искусство есть выраженіе духовной дѣятельности, и признаки его, внутренній и внѣшній—жертва собою и всеобщность. Художникъ, истинный художникъ, отдаетъ свою душу людямъ, и притомъ не одному, не двумъ, не узкому кружку, а всѣмъ до единаго. И чѣмъ глубже жертва собою, чѣмъ всеобщнѣе пониманіе—тѣмъ подлиннѣе искусство.

Эти мысли, высказанныя въ статьѣ 1886 года, Толстой договорилъ до конца десятью годами позднѣе, въ статьѣ «Что такое искусство?» (1897 г.). «Искусство,—говоритъ теперь Толстой,—есть органъ жизни человѣчества, переводящій разумное сознаніе людей въ чувство»; и онъ глубоко правъ—лучшаго и болѣе яснаго опредѣленія искусства не далъ никто. Но весь вопросъ въ томъ, что понимать подъ «разумнымъ сознаніемъ» людей. Для Толстого такое «разумное сознаніе» можетъ быть, естественно, только одно: жизнепониманіе исповѣдуемаго имъ «новаго христіанства». Для такого жизнепониманія «Война и миръ»—ложное, «дурное искусство», въ то время какъ это же произведеніе является величайшимъ и геніальнѣйшимъ для исповѣдующаго «религію жизни». Абсолютнаго критерія нѣтъ, но нѣтъ и искусства, свободнаго отъ всякаго жизнепониманія, отъ всякой сознательной или безсознательной религіи. И въ этомъ смыслѣ «искусство для искусства» есть нѣчто вполнѣ невозможное, тщетная игра воображенія.

Такимъ образомъ, по существу и съ точки зрѣнія своего новаго христіанскаго жизнепониманія, Толстой глубоко правъ въ этомъ своемъ изслѣдованіи, единственная ошибка котораго—абсолютность вывода, который навсегда останется только отно-

сительнымъ. О другихъ ошибкахъ этой работы—ошибкахъ личнаго вкуса, желающаго быть общеобязательнымъ—можно было бы и не говорить, если бы это не задѣвало творчества самого Толстого. Такъ, напримѣръ, Толстой рѣзко обрушивается на все «декадентство», приводитъ рядъ «безсмысленныхъ» стихотвореній французскихъ импрессіонистовъ (между ними, кстати сказать, великолѣпныя «Sais-tu l'oubli» F. Vielè-Griffin'а и двѣ «Ariettes oubliées» Верлэна); ему осталось какъ будто непонятнымъ стремленіе «импрессіонистовъ» углубить художественную впечатлительность и отъ незначительныхъ внѣшнихъ впечатлѣній подходить къ тончайшимъ оттѣнкамъ и движеніямъ души человѣческой. Именно здѣсь умѣстно будетъ отмѣтить (впервые обратилъ на это вниманіе Д. Мережковскій въ своей книгѣ о Толстомъ и Достоевскомъ), что самъ Толстой въ своемъ художественномъ творчествѣ принадлежитъ къ числу величайшихъ въ этомъ смыслѣ «импрессіонистовъ», далеко превосходя всѣхъ ихъ тонкостью своего письма. Герой «Юности» ѣдетъ на извощикѣ глухими переулками Москвы и начинаетъ уже побаиваться; но—«дорогой я успѣлъ замѣтить, что спинка дрожекъ обита кусочкомъ зеленоватенькой матеріи, изъ которой былъ и армякъ извозчика; это обстоятельство почему-то успокоило меня». Наоборотъ, въ «Метели» Толстой почему-то не довѣряетъ своему ямщику за то, что у ямщика уши были подвязаны платкомъ. Въ «Холстомѣрѣ»—«въ выраженіи длинной спины конюха было что-то значительное и вызывающее состраданіе»... Критикъ пятидесятыхъ годовъ Дружининъ остерегалъ Толстого отъ подобной «чрезмѣрной тонкости анализа»: «иногда вы готовы сказать,—говорилъ Дружининъ Толстому:—у такого-то ляжка показывала, что онъ желаетъ путешествовать по Индіи». Художникъ, однако, не внялъ предостереженіямъ критика, но продолжалъ открывать читателямъ глаза то на тотъ «одинъ полный, прекрасный звукъ, который мы называемъ тишиною ночи» («Набѣгъ»), то на «скомканную бѣло-лиловую горную даль» («Люцернъ»); онъ говорилъ намъ о своемъ снѣ, въ которомъ онъ «терцію колокольчиковъ видѣлъ въ

видѣ собаки, которая лаетъ и бросается на меня» («Метель»). Въ «Войнѣ и мирѣ», не говоря уже о знаменитой характеристикѣ Пьера Наташей («онъ славный, темно-синій съ краснымъ... какъ вамъ растолковать»), цѣлая глава посвящена тончайшимъ душевнымъ движеніямъ Наташи, которыя мы чувствуемъ, осязаемъ только по толчкамъ безсмысленныхъ словъ, въ родѣ «островъ Ма-да-га-скаръ» («Война и миръ», т. II, ч. IV, гл. IX). Въ «Аннѣ Карениной», не менѣе геніально неудавшееся любовное объясненіе между Кознышевымъ и Варенькой (ч. VI, гл. V). Нечего говорить о знаменитомъ «запахѣ жженой пробки, смѣшанномъ съ чувствомъ поцѣлуя» Николая Ростова и Сони; о той мухѣ, которая связала и осмыслила весь предсмертный бредъ князя Андрея своимъ назойливымъ «и пити-пити-пити и ти-ти и пити-пити-пити»... Все творчество Толстого, съ начала и до конца, пронизано такимъ «чрезмѣрно-тонкимъ анализомъ», по выраженію наивнаго Дружинина. И чудеснѣйшимъ образомъ эта глубочайшая внутреняя тонкость часто соединяется съ намѣренной грубостью внѣшности, грубостью слога. Не только въ однѣхъ теоретическихъ статьяхъ Толстого встрѣчаются фразы, подобныя, напримѣръ, слѣдующей: «к а к ъ у Платона есть миѳъ о т о м ъ, ч т о Богъ опредѣлилъ сперва людямъ срокъ жизни 70 лѣтъ, но потомъ, увидавъ, ч т о людямъ хуже отъ этого, перемѣнилъ на т о, ч т о есть теперь, т.-е. сдѣлалъ т а к ъ, ч т о люди не знаютъ часа своей смерти,—т а к ъ точно вѣрно опредѣлялъ бы разумность т о г о, ч т о есть, миѳъ о т о м ъ, ч т о люди сначала были сотворены безъ ощущенія боли, но ч т о потомъ для ихъ блага сдѣлано т о, ч т о теперь есть» («О жизни», 1887 г.). Фразъ подобной конструкціи не мало и въ «Войнѣ и мирѣ», и въ «Аннѣ Карениной»; иногда онѣ даже мѣшаютъ пониманію мысли автора, но всегда придаютъ изложенію спокойное величіе и неторопливую увѣренность. Интересно отмѣтить, что, увидѣвъ въ разсказѣ одного начинающаго писателя «неправильности языка», Толстой заявлялъ: «про это не стоитъ говорить. И я не буду въ нихъ упрекать. Я люблю то, что

называется неправильностью, и что есть характерность» (письмо 1 887 г.).

Возвращаясь къ статьѣ «Что такое искусство?», мы еще разъ повторимъ, что личные мнѣнія и вкусы самого Толстого не могутъ дѣлать вѣрными или невѣрными основныхъ теоретическихъ выводовъ статьи. Мнѣнія эти крайне цѣнны для характеристики художественныхъ симпатій и антипатій самого Толстого, какъ крайне цѣненъ по той же причинѣ и его критическій очеркъ «О Шекспирѣ и о драмѣ» (1900 г.). Еще въ 1856 году извѣстный другъ Бѣлинскаго, В. Боткинъ, говорилъ въ письмѣ къ Дружинину о «знаменитой антипатіи Толстого къ Шекспиру, противъ которой такъ ратовалъ Тургеневъ...» Прошло полвѣка, и Толстой написалъ уничтожающую статью о Шекспирѣ, о величайшемъ его «Королѣ Лирѣ». Это цѣннѣйшая статья для характеристики личныхъ вкусовъ Толстого (ибо художественныя симпатіи и антипатіи великаго человѣка всегда крайне интересны), но, разумѣется, никакого общеобязательнаго значенія эти вкусы и мнѣнія не имѣютъ и имѣть не могутъ. Шекспиръ навсегда останется и послѣ статьи Толстого величайшимъ изъ творцовъ драмы и величайшимъ изъ философовъ-художниковъ; точно также останется геніальной девятая симфонія Бетховена, оперы Ваґнера, русская музыкальная школа и многое другое изъ того, что Толстой относилъ къ ложному, «дурному искусству». И это именно оттого, что навсегда останутся истинными, на ряду съ ново-христіанскимъ жизнепониманіемъ Толстого, и другія великія жизнепониманія и міропониманія. Но въ рамкахъ своего отношенія къ міру и къ жизни Толстой глубоко логиченъ и правъ въ своихъ выводахъ относительно искусства.

Препятствовали ли эти выводы проявленіямъ художественнаго творчества Толстого девяностыхъ и девятисотыхъ годовъ? Если да, то въ очень малой степени. Конечно, Толстой не могъ бы теперь, если бы даже хотѣлъ, отдаться «дурному искусству», какъ онъ его понималъ; конечно, въ своемъ художественномъ творчествѣ онъ могъ теперь лишь «претворять въ чувство» свое новое

«разумное сознаніе», свое жизнепониманіе. Но вѣдь это всегда неизбѣжно; сознательно или безсознательно, но это всегда такъ бываетъ; разница лишь въ томъ, что беллетристы впадаютъ при этомъ въ дидактику и тенденцію, а художники всегда остаются вѣрными высшей правдѣ жизни. Нечего и говорить про это о такомъ великанѣ-художникѣ, какимъ былъ Толстой; дидактикомъ онъ могъ и долженъ былъ быть въ своихъ теоретическихъ, поучающихъ статьяхъ, въ области же художественнаго творчества онъ былъ за тысячи верстъ отъ всякой «тенденціи», хотя всѣ его художественныя произведенія послѣдней четверти вѣка жизни и были неизбѣжнымъ отраженіемъ всего его міропониманія.

Въ 1895 году появился «Хозяинъ и работникъ», въ которомъ отразилась любимая евангельская притча Толстого о виноградарѣ. Богъ—хозяинъ, человѣкъ—работникъ на землѣ, который долженъ какъ можно лучше выполнить данное ему дѣло—жизнь. Работникъ Никита всегда понималъ это, спокойно жилъ, спокойно готовился и умереть; хозяинъ его, кулакъ-купецъ Брехуновъ, понялъ это только въ моментъ своей смерти, пожалѣвъ замерзающаго Никиту и отогрѣвъ его своимъ тѣломъ. То, что Ивану Ильичу открываетъ долгая смертельная болѣзнь,—безсмысленность всей его былой личной жизни,—то купцу Брехунову становится ясно только за нѣсколько минутъ до смерти; но все равно—не жизнь, такъ смерть откроетъ людямъ-братьямъ истину жизни и законъ любви, данный Хозяиномъ. Вотъ тема «Хозяина и работника», такъ близкая къ темѣ «Смерти Ивана Ильича»; но вся эта «сукровица» разсказа облечена, какъ всегда у Толстого, плотью великаго художественнаго творчества; не схемы, не темы, не тенденціи, а живые люди дѣйствуютъ въ разсказахъ, и лишь въ итогѣ ихъ живыхъ дѣйствій, а не словесныхъ поступковъ, просвѣчиваетъ въ произведеніи глубоко скрытая «сукровица».

Если въ «Хозяинѣ и работникѣ» сукровица эта была общая со «Смертью Ивана Ильича», то романъ «Воскресеніе», послѣдній романъ Толстого (написанный, кстати сказать, «въ старой манерѣ»), во многомъ возвращался къ темамъ «Анны Карениной»,

отчасти и «Крейцеровой сонаты» и «Дьявола». Что страданіе есть искупленіе—эта вѣчная тема Толстого (и Достоевскаго), тема «Анны Карениной», повторяется и въ «Воскресеніи»; только искупленіе это, неосознанное у Анны, сознательно у князя Нехлюдова, вновь воскресшаго прежняго героя юношескихъ разсказовъ Толстого. Того «дьявола», котораго убилъ въ себѣ—убивъ себя—Евгеній Иртеневъ, не смогъ побѣдить Дмитрій Нехлюдовъ; своею страстью онъ погубилъ человѣка, Катюшу—и разъ онъ созналъ это, то не искупить вины своей онъ не можетъ. Онъ бросаетъ все—состояніе, положеніе въ свѣтѣ, мечты о семейной жизни и идетъ за Катюшей, которая вѣдь по его винѣ стала проституткой, въ Сибирь. Но не въ этомъ «воскресеніе»—это только внѣшній путь къ нему; воскресеніе—въ самомъ концѣ пути, на самыхъ послѣднихъ страницахъ романа, когда Нехлюдовъ, увидѣвъ все зло и всѣ ужасы жизни, съ сухимъ отчаяніемъ въ душѣ сталъ задавать себѣ вопросы: «зачѣмъ? для чего?» Отвѣтъ онъ нашелъ въ Евангеліи и только тогда воскресъ для новой жизни, для новой радостной вѣры въ жизнь. И снова мы видимъ въ Нехлюдовѣ самого Толстого, его мученія и его воскресеніе начала восьмидесятыхъ годовъ. Въ сущности не воскресеніе Нехлюдова видимъ мы въ романѣ, а Катюши—и въ этомъ снова повторяется тема «Власти тьмы», какъ позднѣе повторилась она-же въ «Фальшивомъ купонѣ»: нѣтъ грѣха, нѣтъ паденія души, препятствующаго воскресенію—воскресъ убійца Никита, воскресла убившая себя Катюша. И какъ зло растетъ снѣжной лавиной—Нехлюдовъ и его поступокъ съ Катюшей,—такъ и искорка добраго чувства Нехлюдова зажигаетъ пламя любви и растапливаетъ въ Катюшѣ этотъ снѣжный комъ грѣха, грязи, гнѣва. Катюша воскресаетъ. Что-же касается Нехлюдова, то въ романѣ, повторяю, его «воскресенія» еще нѣтъ—есть только «хожденіе души по мытарствамъ», по всѣмъ кругамъ дантова ада: и по этапамъ съ политическими ссыльными, и по бюрократическимъ канцеляріямъ, и по бездушнымъ, машинообразнымъ чиновникамъ и сановникамъ. Въ (лицѣ одного изъ нихъ, кстати сказать, выведенъ Побѣдо-

носцевъ—конечно, не какъ портретъ, но какъ художественное отображеніе. Это надо отмѣтить потому, что само появленіе въ журналѣ романа Толстого было вызвано желаніемъ его достать—вопреки всѣмъ своимъ убѣжденіямъ—денегъ для помощи эмигрирующимъ отъ церковной политики Побѣдоносцева духоборамъ). И это хожденіе по мытарствамъ, это знакомство съ безконечными страданіями человѣческими есть единственный путь къ соціальному и религіозному «воскресенію» въ новую вѣру; можно думать, что Толстой вспоминалъ при этомъ и Ляпинскій домъ, и Ржанову крѣпость,—и снова приходилъ къ заключенію, что соціальному злу помочь нельзя иначе, какъ, отказавшись отъ условій жизни, производящихъ это зло. Этотъ путь личнаго совершенствованія, мы знаемъ, былъ для Толстого единственнымъ возможнымъ «воскресеніемъ». Къ нему подошелъ и Нехлюдовъ.

Внѣшнее мастерство, съ которымъ написанъ романъ—по-прежнему громадное; семидесятилѣтній великій старикъ могъ еще создавать такіе шедевры художественнаго творчества, какъ, напримѣръ, типъ графини Чарской, семьи Корчагиныхъ, судейскихъ; нѣсколько слабѣе революціонеры, знакомство съ которыми Толстого было только мимолетнымъ. Впрочемъ, душа великаго художника, какъ губка воду, всегда впитывала и мимолетныя впечатлѣнія; характерный мелкій примѣръ этого мы имѣемъ какъ разъ въ «Воскресеніи», при описаніи острога. За двадцать лѣтъ до этого романа Толстой посѣтилъ въ Тулѣ острогъ, видѣлъ тамъ рабочихъ, сидящихъ въ острогѣ второй мѣсяцъ «за безписьменность»; среди арестантовъ «старикъ слабый, вышелъ изъ больницы. Огромная вошь на щекѣ». Такъ записалъ свои впечатлѣнія Толстой въ дневникѣ 1—15 мая 1881 года. Въ написанномъ двадцатью годами позднѣе «Воскресеніи» Нехлюдовъ встрѣчаетъ въ острогѣ сидящихъ второй мѣсяцъ «за безписьменность» рабочихъ, слушаетъ ихъ жалобы, но почти не понимаетъ ихъ, «потому что все вниманіе его было поглощено большой темно-сѣрой многоногой вошью, которая ползала между волосъ по щекѣ

арестанта»... Одно изъ двухъ: либо самыя мелкія, казалось бы, впечатлѣнія врѣзались съ такой силой на десятилѣтія въ память Толстого, либо онъ при творчествѣ, обращаясь къ старымъ записямъ, воскрешалъ самыя мимолетныя былыя впечатлѣнія, когда-то занесенныя на бумагу «Богъ вѣсть для чего». И то, и другое— удѣлъ только истиннаго художника.

Тридцать девятая и сороковая главы первой части «Воскресенія» до сихъ поръ еще извѣстны русской публикѣ только по спискамъ или по зарубежнымъ изданіямъ. Въ этихъ главахъ Толстой, вѣчный врагъ всего мистическаго, далъ описаніе церковной службы и совершенія таинства евхаристіи—описаніе протокольное и раціоналистическое. Это послужило поводомъ къ отлученію его актомъ Святѣйшаго Синода отъ православной церкви въ 1901 году; отлученіе это, въ свою очередь, было причиною знаменитаго «Отвѣта Синоду», написаннаго Толстымъ тогда же. Величайшій писатель русской земли оказался первымъ внѣцерковнымъ изъ русскихъ писателей, и въ этомъ случаѣ явился величайшимъ представителемъ русской внѣвѣроисповѣдной интеллигенціи. Отлучить Толстого канцелярскимъ актомъ отъ церкви было, конечно, легко; отлучить его отъ Бога, который жилъ въ его душѣ, было не въ синодской власти.

Вновь и церковные, и соціальные, и, прежде всего, философско-религіозные вопросы поставилъ передъ собою еще разъ Толстой въ «Живомъ трупѣ» (1900 г.), появившемся въ свѣтъ только десятью годами позднѣе, уже послѣ смерти Толстого. Въ этой драмѣ кое-что осталось незаконченнымъ, кое-что слегка только намѣченнымъ, но это не мѣшаетъ ей быть поистинѣ великимъ произведеніемъ великаго художника: все въ ней полно правдой и кипучей жизнью, въ ней по-прежнему принимается и міръ, и все въ мірѣ. Тема пьесы, стержень ея, конечно, не въ разводѣ, не въ процессуальныхъ нелѣпостяхъ судебнаго слѣдствія, не въ нелѣпости всего строя общественной жизни; все это есть, но не въ этомъ душа трагедіи. Трагедія же въ томъ, въ чемъ была она и въ «Аннѣ Карениной»; и недаромъ въ «Живомъ трупѣ» снова

оживаетъ Анна Каренина, молодящаяся пятидесятилѣтняя grande dame. Ея сынъ, механическій Викторъ, и Лиза Протасова приняли страшную жертву: чтобы очистить путь для ихъ счастія, утопился Федя Протасовъ, мужъ Лизы, опустившійся, спившійся, но подлинно живой человѣкъ. И они могутъ, послѣ перваго ужаса, пойти по очищенному пути и быть счастливыми, такъ же какъ когда-то Вронскій съ Анной Карениной. И за это — неизбѣжна кара. Въ «Аннѣ Карениной» была кара внутренней трагедіи, въ «Живомъ трупѣ»—кара болѣе ужасная, ибо нелѣпая, безсмысленная,—кара внѣшняго закона. Но карается также и Федя Протасовъ, «живой трупъ», устроившій фиктивное самоубійство и думавшій этимъ и жену освободить, и свое счастіе съ цыганкой Машей устроить. Такой двойной бухгалтеріи не знаетъ «божественная справедливость»; жертва собою должна быть до конца. И Федя тоже обреченъ на кару: фиктивность его самоубійства раскрывается, и онъ видитъ несчастіе и гибель тѣхъ людей, для которыхъ онъ хотѣлъ пожертвовать собою. И онъ доводитъ жертву до конца—убиваетъ себя. И здѣсь конецъ драмы, такъ какъ, чтò будетъ съ Лизой и Викторомъ, это уже слишкомъ извѣстно для тѣхъ, кто знаетъ предыдущія произведенія Толстого: судъ людскихъ законовъ для нихъ кончается, начнется сознательный или безсознательный судъ своей совѣсти... И все это справедливо, недаромъ послѣднія слова умирающаго Ѳеди—«какъ хорошо!.. какъ хорошо!..» Словами этими заканчивается драма. Все хорошо, все справедливо, что идетъ изъ глубины души человѣческой; благословенны и страданія, ибо ими растетъ человѣкъ. Несправедлива и нелѣпа только вся внѣшняя «справедливость»—судъ, законы, внѣшняя «правда»; но божественная справедливость независима отъ нихъ. О деталяхъ этой драмы здѣсь не мѣсто говорить; всюду видна рука великаго художника—и въ психологіи «живого трупа», и въ обрисовкѣ grande dame Карениной, и князя Абрезкова, и трактирнаго философа Ивана Петровича, и кутежей съ цыганами. Полувѣкомъ ранѣе самъ Толстой восторгался этимъ «Шэлъ мэ вéрста»; теперь онъ воскресилъ въ душѣ своей былыя

воспоминанія и не осудилъ ихъ, какъ моралистъ (тогда получилась бы тенденціозная, нехудожественная драма), но, какъ художникъ, принялъ все живое въ мірѣ, все утвердилъ, все понялъ, все простилъ... И отсюда то глубоко освѣжающее и примиряющее впечатлѣніе, какое выносишь отъ этой такой молодой драмы великаго старика.

Рядъ замѣчательныхъ произведеній былъ написанъ или законченъ Толстымъ почти одновременно съ этой драмой. Таковы «Отецъ Сергій», «Фальшивый купонъ», «Хаджи Муратъ». «Отецъ Сергій» (законченный въ 1898 году) повторяетъ темы не одинъ разъ и прежде встрѣчавшіяся въ творчествѣ Толстого. Одна изъ нихъ—больное мѣсто великаго проповѣдника,—была намѣчена уже въ «Крестникѣ» (1886 г.): соблазнъ учительства хотѣлъ преодолѣть великій искатель. Хотѣлъ—и не могъ, не могъ въ жизни; но въ творчествѣ онъ не задумался низвести отца Сергія—«чудотворца» и учителя, направляющаго и исправляющаго жизнь людей,—не задумался поставить его ниже Пашеньки, тихо и незамѣтно дѣлающей гдѣ-то въ глухой дырѣ свое маленькое, никому, казалось бы, ненужное дѣло. И «сукровица» этого разсказа—не апологія малыхъ дѣлъ, а наоборотъ, осужденіе того дѣла, которое самому «дѣятелю» кажется великимъ, и которое, по существу, оказывается только великимъ соблазномъ... Страшное это слово—«учитель!», и страшно оно потому, что часто дѣлаетъ изъ искателя вѣчныхъ истинъ только проповѣдника общедоступныхъ правилъ поведенія; мы видѣли, какъ самъ Толстой поступался глубиной своего ученія ради широты его. Онъ самъ сознавалъ это, и вотъ почему такъ много несомнѣнно личныхъ элементовъ въ его «Отцѣ Сергіѣ», вотъ почему и его мечтою было часто (если не всегда)—уйти, подобно отцу Сергію, уйти отъ своего дома, отъ своего учительства, уйти въ мужицкомъ платьѣ со странниками и странницами, уйти отъ мнѣнія людей, отъ славы людской, уйти въ глубь Россіи и въ глубь самого себя...

Но мечта эта такъ и осталась пока неисполненной мечтой; онъ продолжалъ жить по-прежнему, продолжалъ писать, продолжалъ

учить, затаивъ за внѣшней проповѣдью свои внутреннія исканія... Ему удалось создать еще такія вещи, какъ «Фальшивый купонъ» (о которомъ мы уже говорили) и въ особенности «Хаджи Муратъ» (законченъ въ 1904 г.)—юное, геніальное, «прежнее» произведеніе, утверждающее жизнь и зовущее къ вѣчной борьбѣ за нее. Наряду съ ними, около того-же времени былъ написанъ и «Алеша Горшокъ» (1905 г.), подлинный бриллiантъ чистой воды: всю мораль растянутой сказки «Объ Иванѣ-дуракѣ», написанной двадцатью годами раньше, Толстой высказалъ теперь на трехъ-четырехъ страничкахъ въ яркомъ и незабываемомъ художественномъ образѣ. Вообще сила художественнаго таланта не оставляла Толстого до послѣднихъ дней жизни, когда онъ писалъ «Ходынку» (1910 г.) или народную комедію «Отъ ней всѣ качества» (1910 г.). Еще двадцатью пятью годами ранѣе Толстой пытался написать на ту же самую тему (о власти вина) такую же комедію для народнаго театра, передѣлавъ разсказъ «Какъ чертенокъ краюшку выкупалъ» въ пьесу «Первый винокуръ» (1886 г.). Но тогда попытка вышла мало удачной—гораздо менѣе удачной, чѣмъ написанная на порогѣ смерти пьеса «Отъ ней всѣ качества». Одно это показываетъ, насколько сохранился талантъ восьмидесятилѣтняго величайшаго писателя русской земли.

До послѣдней своей минуты не выпускалъ онъ пера изъ рукъ, весь отдавшись проповѣди того религіознаго жизнепониманія, которое объясняло ему всю жизнь, весь міръ; и это свое убѣжденіе истины онъ хотѣлъ передать другимъ, хотя и сознавалъ, и чувствовалъ всю муку своего учительства. Проповѣдью начались для него девяностые годы, проповѣдью кончилась его жизнь; послѣдніе годы этой жизни онъ отдалъ усиленной работѣ сперва надъ «Кругомъ Чтенія», затѣмъ надъ «Путемъ жизни». Работы эти были, мы знаемъ, не только одной внѣшней проповѣдью, но и глубокимъ процессомъ непрерывнаго роста души самого Л. Толстого; онъ давалъ другимъ, что̀ переживалъ онъ въ себѣ. И величайшимъ актомъ этой внутренней работы былъ послѣдній актъ жизни Льва Толстого—его уходъ 28 октября 1910 года изъ

Ясной Поляны и его смерть 7 ноября 1910 г. на станціи Астапово...

Толстой захотѣлъ выполнить свою мечту—уйти отъ «учительства», какъ отецъ Сергій; онъ хотѣлъ уйти также и отъ той окружающей его обстановки, которая уже давно, съ восьмидесятыхъ годовъ, стала ему ненавистна. Почему уже давно онъ не ушелъ? Это всѣ мы узнали только послѣ его смерти, это ясно теперь хотя-бы изъ его драмы «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ», начатой въ восьмидесятыхъ и продолженной въ девятисотыхъ годахъ. Враги человѣку ближніе его!—могъ бы поставить эпиграфомъ Толстой къ этой своей драмѣ. Ближніе мѣшали уйти отъ нихъ, уйти въ себя; а герой драмы хотѣлъ уйти одинъ, нищій, онъ молилъ отпустить его: «не могу я такъ жить. Пожалѣй меня. Я измучился. Отпусти меня»; и онъ слышалъ въ отвѣтъ: «если ты уйдешь, то... я уйду подъ тотъ поѣздъ, на которомъ ты поѣдешь...» («И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ», дѣйств. III, картина вторая, явл. V). Онъ повѣрилъ; онъ рѣшилъ, что здѣсь — крестъ его, самый тяжелый искусъ изъ всей его жизни. И онъ могъ только молиться: «видно не хочешь Ты, чтобы я былъ Твоимъ работникомъ въ этомъ Твоемъ дѣлѣ; хочешь, чтобы я былъ униженъ, чтобы всѣ могли на меня пальцемъ указывать: говоритъ, но не дѣлаетъ. Ну, пускай» (тамъ же, явл. VII). Такъ и было. И только лѣнивый не лягалъ усталаго и измученнаго Льва за то, что онъ «говоритъ, но не дѣлаетъ», за то, что проповѣдуетъ онъ одно, а дѣлаетъ другое!.. Крестъ этотъ несъ онъ четверть вѣка. А когда онъ понялъ, что д о л ж е н ъ человѣкъ найти себя во что бы то ни стало, не взирая ни на какихъ ближнихъ, когда рѣшился онъ сбросить съ плечъ свой тяжелый крестъ, чтобы принять новый искусъ—жизнь бездомнаго и одинокаго старика,—на него тогда возложила свой послѣдній крестъ Смерть...

---

* * *

Личная трагедія Толстого стала теперь достояніемъ человѣчества; достояніемъ русской литературы остались величайшія художественныя произведенія Толстого, опредѣляющія значеніе его въ исторіи этой литературы. Значеніе это трудно переоцѣнить; наоборотъ, часто сужденія современниковъ страдаютъ недооцѣнкой слишкомъ близкихъ къ данному времени явленій литературы и жизни. Съ Толстымъ этого, къ нашему счастью, не случилось. Уже теперь вполнѣ ясно, что Толстой осуществилъ въ себѣ высшую ступень синтеза послѣ-пушкинской литературы, подобно тому какъ Пушкинъ былъ синтезомъ развитія всей предшествующей ему вѣковой русской литературы до-пушкинской. Пушкинъ завершилъ собою это вѣковое развитіе и далъ начало новому движенію; онъ былъ послѣдней ступенью предыдущаго причиннаго ряда и цѣлью ряда телеологическаго, но онъ же сталъ первой ступенью на пути къ новому синтезу, новому литературному развитію. «Евгеніемъ Онѣгинымъ», любимѣйшимъ дѣтищемъ Пушкина, былъ далеко отодвинутъ старый и начатъ новый, «пушкинскій періодъ» развитія русской литературы. Быстрота развитія была головокружительная. Еще Бѣлинскій, умершій черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Пушкина, дождался появленія цѣлаго ряда мощныхъ талантовъ, немыслимыхъ внѣ причинной связи съ Пушкинымъ; главнымъ и замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ былъ Тургеневъ. Прошло всего четыре года послѣ смерти Бѣлинскаго— и русская литература уже имѣла Толстого. Если вспомнить при этомъ, что столѣтній юбилей со дня рожденія Бѣлинскаго почти

совпалъ съ годомъ смерти Толстого, и если оглянуться на это вѣковое развитіе русской литературы «пушкинскаго періода», то только тогда станетъ ясной вся громадность пути, начатаго Пушкинымъ и завершеннаго Толстымъ.

Толстой далъ русской литературѣ высшее развитіе того, начало чему положилъ Пушкинъ; недаромъ и «Война и миръ» и «Анна Каренина» такъ близко связаны—мы это видѣли—и по глубочайшимъ основаніямъ темы, и по величайшей подсознательной религіи съ «Евгеніемъ Онѣгинымъ», и съ «Повѣстями Бѣлкина», и съ первымъ русскимъ историческимъ романомъ—«Капитанской дочкой». Великая эпопея «Войны и мира»—наша философская, историческая и бытовая Иліада и Одиссея, равнаго которой нѣтъ ничего въ русской литературѣ; но эпопея эта—только завершеніе того пушкинскаго цикла, который начался «Евгеніемъ Онѣгинымъ», великимъ русскимъ романомъ, въ которомъ недаромъ Бѣлинскій видѣлъ «энциклопедію русской жизни». «Евгеній Онѣгинъ»—начало новаго пути; «Война и миръ»—завершеніе его. И если во многомъ геніальная поэма Пушкина осталась непревзойденной—и по выстраданной гармоніи, и по солнечному міровоспріятію,—то все же не случайно она только наше, національное сокровище, въ то время какъ «Война и миръ», оставаясь нашимъ, является и міровымъ произведеніемъ.

Но высшая точка пути—это всегда переломъ его, конецъ стараго, начало новаго; такъ путникъ, переходя черезъ горный кряжъ и достигнувъ высшей точки, видитъ передъ собою новую страну, по которой ему предстоитъ итти. Въ своемъ изслѣдованіи о Толстомъ и Достоевскомъ Д. Мережковскій ошибочно хотѣлъ видѣть въ этихъ двухъ великанахъ «конецъ русской литературы»; но онъ справедливо указывалъ, что Толстымъ заключился «совершенно опредѣленный, неповторяемый кругъ ея развитія»... Да, «Войной и миромъ» (не говоря о предыдущихъ, болѣе мелкихъ произведеніяхъ Толстого) дѣйствительно заключился, достигъ высшей точки развитія пушкинскій циклъ русской литературы; Толстой и Тургеневъ достигли наивысшей

ступени синтеза въ послѣ-пушкинскомъ творчествѣ; Толстой и Тургеневъ—конецъ пушкинскаго цикла развитія, который, впрочемъ, еще долго будетъ жить въ текущей литературѣ, не достигая уже однажды достигнутыхъ вершинъ. Но конецъ стараго—начало новаго; и начало это положилъ тотъ же Толстой вмѣстѣ съ Достоевскимъ. «Новое» это достигло величайшей высоты уже въ «Аннѣ Карениной» и въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Началось съ «мелочи», съ углубленія художественной впечатлительности,—мы видѣли примѣры этого въ произведеніяхъ Толстого (вотъ гдѣ лежалъ корень исторической законности русскаго «декадентства»), а закончилось крупнымъ: внесеніемъ *осознаннаго* религіознаго элемента въ русскій пушкинскій реализмъ. Грандіозныя психологическія эпопеи на религіозно-философскомъ фундаментѣ были тѣмъ «новымъ», что вытекало изъ пушкинскаго цикла развитія, но не заключалось въ немъ. Сознательно или подсознательно, но художественное творчество можетъ строиться только на религіозномъ фундаментѣ, какова бы ни была эта религія. Такъ и «Евгеній Онѣгинъ», и «Война и миръ» были построены на великой религіи жизни (чего вовсе и не сознавали тогда ихъ авторы); и именно эта религія жизни, религія Человѣка, опредѣляла собою основное теченіе пушкинскаго цикла развитія русской литературы. Теперь намѣчался новый циклъ художественнаго развитія, въ основу котораго должна была лечь новая религія Толстого, совпадающая во многомъ съ неокончательно выработанными религіозными основами Достоевскаго. И если теперь мы твердо говоримъ о пушкинскомъ циклѣ, то можно думать, что будущій историкъ не менѣе твердо скажетъ о толстовскомъ циклѣ развитія русской литературы. Въ такомъ гигантѣ, какъ Толстой, неизбѣжно сходятся начала и концы.

Такъ въ исторіи русской литературы, но такъ и далеко за предѣлами ея, ибо Толстой—прежде всего и послѣ всего—великій религіозный искатель, а не только великій творецъ и художникъ. Всѣ три религіи міра пережилъ онъ и всѣ свои пережи-

ванія воплотилъ въ художественномъ творчествѣ. Великія исканія Бога Толстымъ (и Достоевскимъ) подняли русскую литературу на недосягаемую доселѣ высоту, но и самого Толстого вознесли они до степени величайшаго писателя земли русской.

Великія исканія эти—всегда тѣ же, путь для нихъ неизмѣненъ, но нѣтъ двухъ людей, которые совершили-бы этотъ жизненный путь съ начала и до конца по одной и той-же тропинкѣ. Отъ Бога къ Человѣчеству и Человѣку всю свою жизнь шелъ Бѣлинскій, этотъ же путь дважды и въ двухъ направленіяхъ совершилъ Левъ Толстой; пройдя за ними этотъ путь, мы можемъ убѣдиться, какъ различны великія исканія на единомъ великомъ пути [70]). Различны исканія, различны и достиженія: одинъ создаетъ религію, увѣнчанъ міровой славой; другой извѣстенъ въ болѣе ограниченномъ кругу; третій, быть можетъ, затаилъ все въ глубинѣ души своей, молча пережилъ мучительную трагедію религіозныхъ исканій и умеръ безвѣстный, какъ и жилъ. Ихъ внѣшнее общественное значеніе—различно, несоизмѣримо; ихъ внутренняя человѣческая «значимость»—тождественна.

Великія исканія человѣка тогда велики, когда они въ немъ вѣчны. «Чтобы жить честно,—слышали мы отъ Толстого,—надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вѣчно бороться и лишаться»... Вѣчно стремиться, вѣчно искать—вотъ что показалъ всѣмъ своимъ творчествомъ, своей жизнью и своей смертью великій искатель Левъ Николаевичъ Толстой.

1911—1912 г.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Поздравляя Григоровича съ пятидесятилѣтіемъ его литературной дѣятельности, Л. Толстой писалъ ему: «помню умиленіе и восторгъ, произведенные на меня, шестнадцатилѣтняго мальчика, не смѣвшаго вѣрить себѣ, «Антономъ Горемыкой», бывшимъ для меня радостнымъ открытіемъ того, что русскаго мужика, нашего кормильца и—хочется сказать—учителя, можно и должно описывать не глумясь и не для оживленія пейзажа, а можно и должно писать во весь ростъ, не только съ любовью, но съ уваженіемъ и даже трепетомъ...» (письмо отъ 27 окт. 1893 г.).

[2]) «Человѣкъ стремится, т. е. человѣкъ дѣятеленъ. Куда направлена его дѣятельность? Какимъ образомъ сдѣлать эту дѣятельность свободной? Въ этомъ заключается цѣль философіи въ ея истинномъ значеніи. Другими словами: *философія есть наука жизни»*,—такъ говоритъ Толстой въ этой своей статьѣ 1847-го года. Въ томъ-же году онъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «Общество есть часть міра. Надо Разумъ согласовать съ міромъ, съ цѣлымъ, познавая законы его, и тогда можно стать независимымъ отъ части, отъ общества» (см. «Л. Н. Толстой», біографія; П. Бирюковъ, т. I, стр. 143—146).

[3]) «Помните, милая тетя, совѣтъ, который вы мнѣ когда-то дали—совѣтъ писать романы? Такъ вотъ, я слѣдую вашему совѣту, и занятія, о которыхъ я вамъ разсказываю, заключаются въ литературной работѣ. Появится-ли когда-нибудь въ свѣтъ то, что я пишу—не знаю, но это работа, которая меня занимаетъ, надъ которой я упорствую слишкомъ давно и которую поэтому не могу бросить».

[4]) Въ первой главѣ «Отрочества» есть нѣсколько мѣстъ, напоминающихъ по своему построенію этотъ отрывокъ изъ юношескаго дневника Л. Толстого. «Вотъ на пѣшеходной тропинкѣ, вьющейся около дороги, виднѣются какія-то медленно движущіяся фигуры: это богомолки... Меня занимаютъ вопросы: куда, зачѣмъ онѣ идутъ? долго-ли продолжится ихъ путешествіе?.. Вонъ, далеко за оврагомъ, виднѣется на свѣтло-голубомъ небѣ деревенская церковь съ зеленою крышей; вонъ село, красная крыша барскаго дома и зеленый садъ. Кто живетъ въ этомъ домѣ? есть-ли въ немъ дѣти, отецъ, мать, учитель? Отчего бы намъ не поѣхать въ этотъ домъ и не познакомиться съ хозяевами?..» (т. I, стр. 158—159).

[5]) «Отрочество», гл. III; см. т. I, стр. 170. Ссылки и цитаты по двадцатитомному «полному» изд. собр. сочин. Л. Толстого 1911 г.

[6]) Т. I, стр. 205 («Отрочество»).

[7]) Тамъ же, т. I, стр. 218 и слѣд.

[8]) «Помню, какъ я, когда мнѣ было 15 лѣтъ, переживалъ это время, какъ вдругъ я пробудился отъ дѣтской покорности чужимъ взглядамъ, въ которой жилъ до тѣхъ поръ, и въ первый разъ понялъ, что мнѣ надо жить самому, самому избирать путь, самому отвѣчать за свою жизнь передъ тѣмъ Началомъ, которое дало мнѣ ее. Помню, что я тогда, хотя и смутно, но глубоко чувствовалъ, что главная цѣль моей жизни—это то, чтобы быть хорошимъ, хорошимъ въ смыслѣ евангельскомъ, въ смыслѣ самоотреченія и любви. Помню, что я тогда-же попытался жить такъ, но это продолжалось недолго. Я не повѣрилъ себѣ, а повѣрилъ всей той внушительной, самоувѣренной, торжествующей мудрости людской, которая внушалась мнѣ сознательно и безсознательно всѣмъ окружающимъ. И мое первое побужденіе замѣнилось очень опредѣленными, хотя и разнообразными желаніями успѣха передъ людьми—быть знатнымъ, ученымъ, прославленнымъ, богатымъ, сильнымъ, т. е. такимъ, котораго бы не я самъ, но люди считали хорошимъ... Я не повѣрилъ себѣ тогда, и только послѣ многихъ десятковъ лѣтъ, потраченныхъ на достиженіе мірскихъ цѣлей, которыхъ я или не достигъ, или которыхъ достигъ и увидалъ безполезность, тщету, а часто и вредъ ихъ, я понялъ, что то самое, что я зналъ 60 лѣтъ тому назадъ и чему не повѣрилъ тогда, и можетъ, и должно быть единственной разумной цѣлью усилій всякаго человѣка...» («Вѣрьте себѣ»; собр. соч. т. XIX, стр. 532).

[9]) «...Я восемнадцати лѣтъ кончу курсъ первымъ кандидатомъ съ двумя золотыми медалями, потомъ выдержу на магистра, на доктора и сдѣлаюсь первымъ ученымъ въ Россіи... даже въ Европѣ я могу быть первымъ ученымъ... Ну, а потомъ?—спрашивалъ я самъ себя...» («Юность»; собр. соч. т. I, стр. 250).

«...Я говорилъ себѣ: ну хорошо, ты будешь славнѣе Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всѣхъ писателей въ мірѣ—ну и что-жъ?..» («Исповѣдь»; собр. соч. т. XIII, стр. 17).

[10]) «Казаки»; собр. соч. т. II, стр. 111—112.

[11]) Тамъ-же, т. II, стр. 247.

[12]) Тамъ-же, т. II, стр. 195.

[13]) Тамъ-же, т. II, стр. 251.

[14]) «Набѣгъ» (1852 г.); собр. соч., т. II, стр. 87—88.

[15]) «...Случай, который заставилъ бы меня повѣрить въ Бога, если бы съ нѣкоторыхъ поръ я уже не вѣрилъ твердо въ него...» См. замѣчательное письмо Л. Толстого къ Т. А. Ергольской, отъ 6 января 1852 года.

[16]) «...Памятное впечатлѣніе (дѣтства)—...пріѣздъ знаменитаго американца Ѳедора Толстого (двоюроднаго дяди Л. Н.) ...Помню его прекрасное лицо: бронзовое, бритое, съ густыми бѣлыми бакенбардами до угловъ рта, и такіе же бѣлые курчавые волосы. Много бы хотѣлось разсказать про этого необыкновеннаго, преступнаго и привлекательнаго человѣка» (Л. Толстой, «Воспоминанія дѣтства», 1905 г.). Это

послѣднее свое намѣреніе Л. Толстой уже давно отчасти выполнилъ въ «Двухъ гусарахъ» и еще болѣе въ «Войнѣ и мирѣ».

[17]) «Въ 1800-хъ годахъ, въ тѣ времена, когда не было еще ни желѣзныхъ, ни шоссейныхъ дорогъ, ни газоваго, ни стеариноваго свѣта, ни пружинныхъ низкихъ дивановъ, ни мебели безъ лаку, ни разочарованныхъ юношей со стеклышками, ни либеральныхъ философовъ-женщинъ, ни милыхъ дамъ-камелій, которыхъ такъ много развелось въ наше время,—въ тѣ наивныя времена, когда...» и т. д. («Два гусара»; собр. соч., т. III, стр. 95).

[18]) «Толстовскій музей», т. I; «Переписка Л. Н. Толстого съ гр. А. А. Толстой»; стр. 133.

[19]) Тамъ-же, стр. 101—102.

[20]) «Исповѣдь»; собр. соч. т. XIII, стр. 14.

[21]) Письмо къ П. Д. Голохвастову въ іюлѣ 1874 г.

[22]) «Война и миръ»; собр. соч., т. VIII, стр. 378.

[23]) «Нѣсколько словъ по поводу книги Война и миръ»; собр. соч., т. VIII, стр. 428—429. (Впервые появилось въ «Русск. Арх.» 1868 г., № 3).

[24]) Въ одномъ изъ писемъ 1865 г. (отъ 3 мая, къ княг. Волконской) Толстой сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о роли кн. Андрея въ первоначальномъ замыслѣ романа: «Андрей Болконскій—никто, какъ и всякое лицо романиста, а не писателя личностей или мемуаровъ. Я бы стыдился печататься, ежели бы весь мой трудъ состоялъ въ томъ, чтобы списать портретъ, разузнать, запомнить. Я постараюсь сказать, кто такой мой Андрей. Въ Аустерлицкомъ сраженіи, которое будетъ описано, но съ котораго я началъ романъ, мнѣ нужно было, чтобы былъ убитъ блестящій молодой человѣкъ; въ дальнѣйшемъ ходѣ самого романа, мнѣ нужно было только старика Болконскаго съ дочерью, но такъ какъ неловко описывать ничѣмъ не связанное съ романомъ лицо, я рѣшилъ сдѣлать блестящаго молодого человѣка сыномъ стараго Болконскаго. Потомъ онъ меня заинтересовалъ, для него представилась роль въ дальнѣйшемъ ходѣ романа, и я его помиловалъ, только сильно ранивъ вмѣсто смерти...»

[25]) «Война и миръ»; собр. соч. т. V, стр. 386.

[26]) Тамъ-же; собр. соч., т. V, стр. 410, 426, 428.

[27]) Тамъ-же; собр. соч., т. VI, стр. 131, 132, 137.

[28]) Тамъ-же; собр. соч., т. VI, стр. 192—193 и т. VII, стр. 49 и 250-1.

[29]) Тамъ же; собр. соч., т. VII, стр. 313, 317 и т. VIII, стр. 72—81.

[30]) Тамъ-же; собр. соч., т. VI, стр. 37, 79—80, 360, 362; т. VII, стр. 96, 358; т. VIII, стр. 55—6,64, 120—122, 132, 189, 196.

[31]) Письмо къ П. Д. Голохвастову въ мартѣ 1874 года.

[32]) «Анна Каренина»; собр. соч., т. IX, стр. 363, 374; т. X, стр. 221, 231.

[33]) Тамъ-же; собр. соч., т. IX, стр. 189, 360, 371-2.

[34]) Тамъ-же; собр. соч., т. IX, стр. 465—1, 527, 529.

[35]) Тамъ-же; собр. соч., т. X, стр. 38, 39, 93—94, 228.

[36]) См. книгу «Великія исканія», стр. 56.

[37]) «Анна Каренина»; собр. соч., т. IX, стр. 35, 50, 352; т. X, стр. 199, 448.

[38]) Тамъ-же; собр. соч., т. IX, стр. 445—447; ср. стр. 450 и 480. Также «Толстовскій музей», т. I; «Переписка Л. Н. Толстого съ гр. А. А. Толстой», стр. 262—3 и 266.

[39]) «Исповѣдь»; собр. соч., т. XIII, стр. 17—20.

[40]) Тамъ-же; собр. соч., т. XIII, стр. 54, 58, 61.

[41]) «Критика догматическаго богословія»; собр. соч., т. XIII, стр. 381, 391—2.

[42]) «Воспоминанія гр. А. А. Толстой»; «Толстовскій Музей», т. I, стр. 71.

[43]) «Краткое изложеніе Евангелія»; собр. соч., т. XIII, стр. 403—404.

[44]) «Въ чемъ моя вѣра?»; собр. соч., т. XIII, стр. 615, 623.

[45]) «Кругъ чтенія», т. I; «4-ое апрѣля». Ср. тамъ-же: «главное средство жить радостно—это вѣрить, что жизнь дана на радость. Если радость кончается—ищи, въ чемъ ты ошибся...»

[46]) «О самоубійствѣ» (1900 г.); собр. соч., т. XIX, стр. 203.

[47]) «Въ чемъ моя вѣра?»; собр. соч., т. XIII, стр. 634—637, 704.

[48]) «Религія и нравственность»; собр. соч., т. XIV, стр. 45; «Царство Божіе внутри васъ»; собр. соч., т. XIV, стр. 383.

[49]) «...Три жизнепониманія эти слѣдующія: первое—личное или животное, второе—общественное или языческое и третье—всемірное или божеское.—По первому жизнепониманію—жизнь человѣка заключается въ одной его личности; цѣль его жизни—въ удовлетвореніи воли этой личности. По второму жизнепониманію жизнь человѣка заключается не въ одной его личности, а въ совокупности и послѣдовательности личностей: въ племени, семьѣ, родѣ, государствѣ; цѣль жизни заключается въ удовлетвореніи воли этой совокупности личностей. По третьему жизнепониманію жизнь человѣка заключается и не въ своей личности, и не въ совокупности и послѣдовательности личности, а въ началѣ и источникѣ жизни—въ Богѣ.—Эти три жизнепониманія служатъ основой всѣхъ существовавшихъ и существующихъ религій.—Дикарь признаетъ жизнь только въ себѣ, въ своихъ личныхъ желаніяхъ. Благо его жизни сосредоточено въ немъ одномъ. Высшее благо для него есть наиполнѣйшее удовлетвореніе его похоти. Двигатель его жизни есть личное наслажденіе. Религія его состоитъ въ умилостивленіи божества къ своей личности и въ поклоненіи воображаемымъ личностямъ боговъ, живущимъ только для личныхъ цѣлей.—Человѣкъ языческій общественный признаетъ жизнь уже не въ одномъ себѣ, но въ совокупности личностей—въ племени, семьѣ, родѣ, государствѣ, и жертвуетъ для этихъ совокупностей своимъ личнымъ благомъ. Двигатель его жизни есть слава. Религія его состоитъ въ возвеличеніи главъ союзовъ: родоначальниковъ, предковъ, государей, и въ поклоненіи богамъ—исключительнымъ покровителямъ его семьи, его рода, народа, государства. (То, что на этомъ общественномъ или языческомъ жизнепониманіи основываются столь разнообразные склады

жизни, какъ жизнь племенная, семейная, родовая, государственная и даже теоретически представляемая—позитивистами—жизнь человѣчества, это не нарушаетъ единства этого жизнепониманія. Всѣ эти разнообразныя формы жизни основаны на одномъ представленіи о томъ, что жизнь личности не есть достаточная цѣль жизни, что смыслъ жизни можетъ быть найденъ только въ совокупности личностей).—Человѣкъ божескаго жизнепониманія признаетъ жизнь уже не въ своей личности и не въ совокупности личностей, въ семьѣ, родѣ, народѣ, отечествѣ или государствѣ, а въ источникѣ вѣчной, неумирающей жизни—въ Богѣ; и для исполненія воли Бога жертвуетъ и своимъ личнымъ, и семейнымъ, и общественнымъ благомъ. Двигатель его жизни есть любовь. И религія его есть поклоненіе дѣломъ и истиной началу всего—Богу.—Вся жизнь историческая человѣчества есть не что иное, какъ постепенный переходъ отъ жизнепониманія личнаго, животнаго, къ жизнепониманію общественному, и отъ жизнепониманія общественнаго къ жизнепониманію божескому...» («Царство Божіе внутри васъ»; собр. соч., т. XIV, стр. 384—385).

«...Основныхъ отношеній человѣка къ міру, т. е. религій, есть только три: 1) первобытное личное, 2) языческое общественное и 3) христіанское или божеское...—Первое изъ этихъ отношеній, самое древнее—то, которое теперь встрѣчается между людьми, стоящими на самой низшей степени развитія—состоитъ въ томъ, что человѣкъ признаетъ себя самодовлѣющимъ существомъ, живущимъ въ мірѣ для пріобрѣтенія въ немъ наибольшаго возможнаго личнаго блага, независимо отъ того, насколько страдаетъ отъ этого блага другихъ существъ.—Изъ этого самаго перваго отношенія къ міру, въ которомъ находится всякій ребенокъ, вступая въ жизнь, и въ которомъ жило человѣчество на первой языческой ступени своего развитія и живутъ еще и теперь многіе, отдѣльные, самые нравственно грубые люди и дикіе народы, вытекаютъ всѣ языческія древнія религіи, такъ же какъ и низшія формы позднѣйшихъ религій въ ихъ извращенномъ видѣ: буддизмъ, таосизмъ, магометанство и друг. Изъ этого же отношенія къ міру вытекаетъ и новѣйшій спиритизмъ, имѣющій въ основѣ своей сохраненіе личности и блага ея. Всѣ языческіе культы—обоготворенія такихъ же, какъ и человѣкъ, наслаждающихся существъ, всѣ жертвоприношенія и моленія о дарованіи благъ земныхъ—вытекаютъ изъ этого отношенія къ жизни.—Второе языческое отношеніе человѣка къ міру, общественное—то, которое устанавливается имъ на слѣдующей ступени развитія, отношеніе, свойственное преимущественно возмужалымъ людямъ—состоитъ въ томъ, что значеніе жизни признается не въ благѣ одной отдѣльной личности, а въ благѣ извѣстной совокупности личностей: семьи, рода, народа, даже человѣчества (попытка религіи позитивистовъ).—Смыслъ жизни при этомъ отношеніи человѣка къ міру переносится изъ личности въ семью, родъ, народъ, въ извѣстную совокупность личностей, благо которой и считается при этомъ цѣлью существованія. Изъ этого отношенія вытекаютъ всѣ одного характера религіи патріархальныя и общественныя: китайская

и японская религіи, религія избраннаго народа—еврейская, государственная религія римлянъ, предполагаемая религія человѣчества—позитивистовъ. Всѣ обряды поклоненія предкамъ въ Китаѣ и Японіи, поклоненія императорамъ въ Римѣ зиждутся на этомъ отношеніи человѣка къ міру.—Третье отношеніе человѣка къ міру, христіанское—то, въ которомъ невольно чувствуетъ себя всякій старый человѣкъ и въ которое вступаетъ теперь, по моему мнѣнію, человѣчество—состоитъ въ томъ, что значеніе жизни признается человѣкомъ уже не въ достиженіи своей личной цѣли или цѣли какой либо совокупности людей, а только въ служеніи той Волѣ, которая произвела его и весь міръ для достиженія не своихъ цѣлей, а цѣлей этой Воли.—Изъ этого отношенія къ міру вытекаетъ высшее извѣстное намъ религіозное ученіе, зачатки котораго были уже у пиѳагорейцевъ, ессеевъ, у египтянъ и у персовъ, браминовъ, буддистовъ и таосистовъ въ ихъ высшихъ представителяхъ, но которое получило свое полное и послѣднее выраженіе только въ христіанствѣ—въ его истинномъ, неизвращенномъ значеніи. Всѣвозможныя религіи, какія бы онѣ ни были, неизбѣжно распредѣляются между этими тремя отношеніями людей къ міру.—Всякій человѣкъ, вышедшій изъ животнаго состоянія, неизбѣжно признаетъ то, или другое, или третье изъ этихъ отношеній, и въ этомъ признаніи и состоитъ истинная религія каждаго человѣка, несмотря на то, къ какому исповѣданію онъ номинально признаетъ себя принадлежащимъ.—Каждый человѣкъ непремѣнно какъ нибудь представляетъ себѣ свое отношеніе къ міру, потому что разумное существо не можетъ жить въ мірѣ, окружающемъ его, не имѣя какого либо отношенія къ нему. А такъ какъ отношеній къ этому міру человѣчествомъ до сихъ поръ выработано и намъ извѣстно только три, то всякій человѣкъ неизбѣжно держится одного изъ трехъ существующихъ отношеній и—хочетъ или не хочетъ того—принадлежитъ къ одной изъ трехъ основныхъ религій, между которыми распредѣляется весь родъ человѣческій» («Религія и нравственность»; собр. соч., т. XIV, стр. 33—35).

Эти же мысли встрѣчаются и въ перепискѣ Толстого; см. напр., его письмо къ Л. Е. Оболенскому отъ декабря 1892 года.

[50]) «Исповѣдь», собр. соч., т. XIII, стр. 56; «Въ чемъ моя вѣра?», собр. соч., т. XIII, стр. 646 (см. также стр. 644—647, 713 и 716); «О смыслѣ жизни» (1900 г.), собр. соч., т. XIX, стр. 208; «Для чего мы живемъ» («Мысли о смыслѣ жизни»), собр. соч., т. XX, стр. 26; «Кругъ Чтенія», статья «Совершенствованіе», и мн. др.

[51]) «Царство Божіе внутри васъ»; собр. соч., т. XIV, стр. 392—393.

[52]) Письмо къ Д. А. Хилкову; собр. соч., т. XX, стр. 298.

[53]) «Христіанское ученіе» (1897 г.); собр. соч., т. XIV, стр. 98.

[54]) «Кругъ чтенія», на «30-е апрѣля»; «Для чего мы живемъ» («Мысли о смыслѣ жизни»), собр. соч., т. XX, стр. 31.

[55]) «За всю мою жизнь два русскихъ мыслящихъ человѣка имѣли на меня большое нравственное вліяніе и обогатили мою мысль, и уяснили мнѣ мое міросозерцаніе. Люди эти были не русскіе поэты, ученые, проповѣдники,—это были два замѣчательныхъ человѣка,

оба крестьяне: Сютаевъ и Бондаревъ» («Такъ что-же намъ дѣлать?», 1886 г.; собр. соч., т. XV, стр. 275—276).

[56]) Въ заключеніи статьи 1906 года «О значеніи русской революціи» Толстой приходитъ къ извѣстному положенію стараго народничества объ особомъ пути развитія Россіи о томъ, что Россія можетъ воспользоваться отрицательнымъ примѣромъ соціальной жизни запада и избѣжать уже выяснившихся ошибокъ—разрушенія общины, развитія капитализма. «Намъ, восточнымъ народамъ, надо быть благодарными судьбѣ за то, что она поставила насъ въ такое положеніе, въ которомъ мы можемъ воспользоваться примѣромъ западныхъ народовъ,—воспользоваться этимъ примѣромъ не въ томъ смыслѣ, чтобы подражать имъ, а напротивъ, въ томъ смыслѣ, чтобы не повторить ихъ ошибки, не дѣлать того, что они дѣлали, не ходить по тому гибельному пути, съ котораго уже возвращаются или готовы возвращаться намъ навстрѣчу такъ далеко ушедшіе по немъ западные народы» (Собр. соч., т. XIX, стр. 495). Вѣдь это слово въ слово то самое, что говорилъ Михайловскій, главный теоретикъ народничества семидесятыхъ годовъ (—см. его Собр. соч., т. I, 902—903; см. также нашу «Исторію русской общественной мысли», изд. 3-ье, т. II, стр. 147—8). Но Михайловскій говорилъ это еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ и впослѣдствіи самъ призналъ ошибку этой теоріи; Толстой же повторялъ это уже въ началѣ XX вѣка.

[57]) См. П. Бирюковъ, біографія Л. Н. Толстого, т. II, стр. 69; и «Сонъ» (1909 г.), собр. соч., т. XVI, стр. 487.

[58]) Къ теоріи Генри Джорджа Толстой сперва относился отрицательно; въ работѣ 1886 г. «Такъ что-же намъ дѣлать?» онъ приводитъ теорію Джорджа какъ «поразительную иллюстрацію» безсилія экономической мысли рѣшить справедливо соціальную проблему (собр. соч., т. XV, стр. 148—149); но не прошло и четырехъ лѣтъ, какъ Толстой сдѣлался—и уже до конца своей жизни—горячимъ сторонникомъ этой теоріи. См. статью 1890 г. «О землѣ» («О проектѣ Генри Джорджа»), собр. соч., т. XVI, стр. 67—71, и статью 1893 г. «Къ рабочему народу», собр. соч., т. XVI, стр. 141 и слѣд.

[59]) «Не смѣшивай прогресса истиннаго, религіознаго съ прогрессомъ техническимъ, научнымъ, художественнымъ. Успѣхъ техническій, научный, художественный можетъ быть очень великъ вмѣстѣ съ отсталостью религіозною, какъ это происходитъ въ наше время. Можетъ быть и наоборотъ» («Кругъ Чтенія», на «20-е февраля»).

[60]) Въ знаменитой статьѣ 1862 года «Кому у кого учиться писать: крестьянскимъ ребятамъ у насъ или намъ у крестьянскихъ ребятъ», напечатанной въ журналѣ «Ясная Поляна», Толстой разсказываетъ о процессѣ художественнаго творчества при писаніи крестьянскими ребятами своихъ «сочиненій». Нѣкоторыя изъ такихъ сочиненій полностью напечатаны въ этомъ журналѣ; Толстой анализируетъ лучшія изъ нихъ: «Солдаткино житье» и «Ложкой кормитъ, стеблемъ глазъ колетъ» (см. собр. соч., т. IV, стр. 176—181 и 187—198). Тамъ приведены большіе отрывки, по которымъ можно судить о сходствѣ по типу

этихъ «сочиненій» крестьянскихъ ребятъ съ религіозно-народными произведеніями Толстого восьмидесятыхъ годовъ. Подробнѣе эти крестьянскія «сочиненія» см. въ журналѣ «Ясная Поляна», 1862 г., № 4 и слѣд. Они приведены также въ извѣстныхъ «Русскихъ книгахъ для чтенія», составленныхъ Толстымъ для своей «Азбуки» 1874 года. Тогда же, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, Толстой сдѣлалъ первыя попытки писать разсказы въ такомъ простомъ, наивномъ, «дѣтскомъ» стилѣ: имъ были написаны тогда «Кавказскій плѣнникъ» и «Богъ правду видитъ, да нескоро скажетъ».

[61]) Старый дьяволъ, дѣйствующій въ этой сказкѣ, и желающій научить людей «головой работать», чтобы этимъ путемъ внести раздѣленіе и неравенство въ людскія отношенія—первый звукъ позднѣйшаго соціальнаго теченія «махаевщины», много заимствовавшей въ этой области и отъ толстовства, и отъ стараго народничества вообще (см. нашу книгу «Объ интеллигенціи»). Ср. характерное мѣсто въ XIV главѣ толстовскаго «Такъ что-же намъ дѣлать?»: «образованіе—это тѣ формы и знанія, которыя должны отличать человѣка отъ другихъ. И цѣль его та-же, какъ и чистоты: отдѣлить себя отъ толпы бѣдныхъ для того, чтобы они, голодные и холодные, не видали, какъ мы празднуемъ...» (Собр. соч., т. XV, стр. 86). «Сказка объ Иванѣ-дуракѣ», написанная въ одно время съ работой «Такъ что-же намъ дѣлать?», является въ сущности только художественной иллюстраціей къ этому теоретическому изслѣдованію о деньгахъ, о собственности, о земельномъ трудѣ, объ образованіи, о насиліи.

[62]) «Крестникъ», собр. соч., т. XI, стр. 191; «Путь жизни» (1910 г.), гл. XV, стр. 240.—Приводимъ кстати мѣсто изъ посланія къ Римлянамъ, гдѣ встрѣчаются эти знаменитыя слова—Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ, съ ссылкою на Второзаконіе, гдѣ слова эти попадаются впервые: «не мстите за себя, возлюбленные, но дайте мѣсто *гнѣву Божію*. Ибо написано: Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ, говоритъ Господь (Второзак., 32, 35). Итакъ, если врагъ твой голоденъ, накорми его, если жаждетъ, напои его; *ибо , дѣлая сіе, ты соберешь ему на голову горящіе уголья...*» (Римлянамъ, XII, 19—20).

[63]) «Такъ что-же намъ дѣлать?», собр. соч., т. XV стр. 303—310 и тамъ-же письмо 1886 года по поводу возраженій на эту статью, собр. соч., т. XV, стр. 313—316; подчеркнуто въ текстѣ мною.

[64]) О любви Толстого къ музыкѣ, особенно мажорной—см. «Русскія Вѣдомости», 1911 г., № 256 и слѣд.

[65]) «Война и миръ»; собр. соч., т. VI, стр. 71—73.

[66]) Изъ писемъ гр. Софіи Андреевны Толстой къ Л. Толстому.— Характеренъ также слѣдующій эпизодъ, о которомъ простодушно разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ гр. А. А. Толстая: когда она была въ 1891 году у Л. Толстого, онъ читалъ ей отрывки изъ своей работы о мирѣ и объ уничтоженіи войны (вѣроятно гл. V и слѣд. изъ книги «Царство Божіе внутри васъ»). «Софья Андреевна сообщила мнѣ послѣ,—разсказываетъ гр. А. А. Толстая,—что на вопросъ ея, о чемъ онъ разговаривалъ со мной такъ долго, онъ отвѣчалъ: я обращалъ

Alexandrine къ своимъ мыслямъ насчетъ войны.—Мы очень смѣялись этой его претензіей...» («Толстовскій Музей», т. I, стр. 62). Такъ за спиной великаго человѣка смѣялись надъ нимъ близкіе его; и недаромъ Толстой часто задавалъ себѣ евангельскій вопросъ—кто есть мой близкій?—Это продолжалось до самыхъ послѣднихъ лѣтъ жизни Толстого, о чемъ много характерныхъ подробностей разсѣяно въ запискахъ Н. Н. Гусева. На этой почвѣ становится понятнымъ странное, казалось-бы, послѣсловіе Толстого (1905 г.) къ разсказу Чехова «Душечка». Чеховъ добродушно и любовно посмѣялся надъ Олечкой, которая всецѣло живетъ интересами тѣхъ, съ кѣмъ живетъ; а Толстой серьезно взялъ подъ свою защиту это «высшее, лучшее и наиболѣе приближающее человѣка къ Богу дѣло,—дѣло любви, дѣло полнаго отданія себя тому, кого любишь, которое такъ хорошо и естественно дѣлали, дѣлаютъ и будутъ дѣлать хорошія женщины...» Если бы не было такихъ женщинъ, продолжаетъ Толстой, то «не было бы на каторгѣ женъ декабристовъ, не было бы у духоборовъ ихъ женъ, которыя не удерживали мужей, а поддерживали ихъ въ ихъ мученичествѣ за правду...» («Кругъ чтенія»; см. также собр. соч., т. XVII, стр. 128). Все это слишкомъ явное pro domo sua, чтобы нуждаться въ поясненіяхъ...

[67]) На это умаленіе и приниженіе прежней вѣры Толстого, на это приспособленіе ея ad usum delphini до сихъ поръ не обращали достаточнаго вниманія. А между тѣмъ эта, казалось бы, небольшая уступка Толстого толстовству—по существу громадна; стоитъ только сравнить соотвѣтственныя мѣста «Въ чемъ моя вѣра?», собр. соч. т. XIII, стр. 601—602 и «Царство Божіе внутри васъ», собр. соч., т. XIV, стр. 396—397. Только при такомъ облегченномъ толкованіи пяти евангельскихъ заповѣдей Толстой рѣшился придать пятой изъ нихъ правильный смыслъ: «люби врага» онъ понималъ раньше, въ 1883 г., только въ смыслѣ національномъ, массовомъ, теперь, въ 1891 г., онъ понимаетъ эту заповѣдь въ единственно правильномъ, по евангелію, смыслѣ личномъ, индивидуальномъ (см. тамъ-же, а также собр. соч., т. XIII, стр. 591—595). Но зато теперь это только «идеалъ», «совершенство»; «заповѣдь»-же и «зарубка» облегчаютъ и популяризируютъ эту этическую норму...

[68]) «Ясно-полянская школа за ноябрь и декабрь мѣсяцы 1862 г.», собр. соч., т. IV, стр. 305.

[69]) «Такъ что-же намъ дѣлать?», собр. соч., т. XV, стр. 259.

[70]) См. книгу «Великія исканія», стр. 121—123.

Но изумительно интересна, при всемъ томъ, эта послѣдняя книга генія, написанная наканунѣ безумія. Ницше перебираетъ здѣсь всѣ свои сочиненія и комментируетъ ихъ такъ, какъ это сдѣлали нашъ Гончаровъ или Альфонсъ Додэ. Многое темное становится послѣ ея прочтенія яснымъ. Все-таки комментарій писателя о самомъ себѣ лучше многотомныхъ изслѣдованій чужой души. **А. ИЗМАЙЛОВЪ.**

«Русское Слово». 4 февраля 1912 г.

Появленіе этой книги, въ началѣ арестованной, неизвѣстно, по какимъ соображеніямъ, а нынѣ освобожденной отъ ареста, слѣдуетъ живѣйшимъ образомъ привѣтствовать. Русскіе читатели, которыхъ такъ высоко ставилъ въ своемъ мнѣніи Ф. Н., отнесутся конечно, къ этой книгѣ съ такимъ же интересомъ, какъ къ остальнымъ произведеніямъ геніальнаго мыслителя. Тѣмъ болѣе, что, какъ справедливо замѣчаетъ Ю. М. Антоновскій, „Автобіографія Ницше является важнымъ пособіемъ къ пониманію творца Заратустры". Дѣло въ томъ, что автобіографія Ницше не является обычнымъ жизнеописаніемъ: „родился тогда-то, учился тамъ-то и т. д.", но представляетъ собою исторію эволюціи духа великаго философа, написанную имъ самимъ. Съ большою подробностью останавливается онъ на главнѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ „По ту сторону добра и зла", „Такъ говорилъ Заратустра", „Сумерки идоловъ", „Вагнеръ, какъ явленіе" и др.

При свѣтѣ собственнаго истолкованія автора эти сочиненія пріобрѣтаютъ новый интересъ, а нѣкоторыя, недостаточно ясныя мѣста ихъ, становятся понятными.

„Всеобщій журналъ" 1912 г. Январь № 1.